

АХАРБЕК АИУЗАРОВ

АХСАРБЕК
АГУЗАРОВ

СОЛНЦЕВОРОТ

Р О М А Н

Перевод
с осетинского
B. Чукреева

Москва
1976

C(KaB)
A27

287 с. с илл.

A27 Солнцеворот. Роман. М., «Современник», 1976.
287 с. с илл.

Ахсарбек Агузаров — известный осетинский прозаик.

A ~~70303-089~~
~~M 106(03)-76~~ 178-76

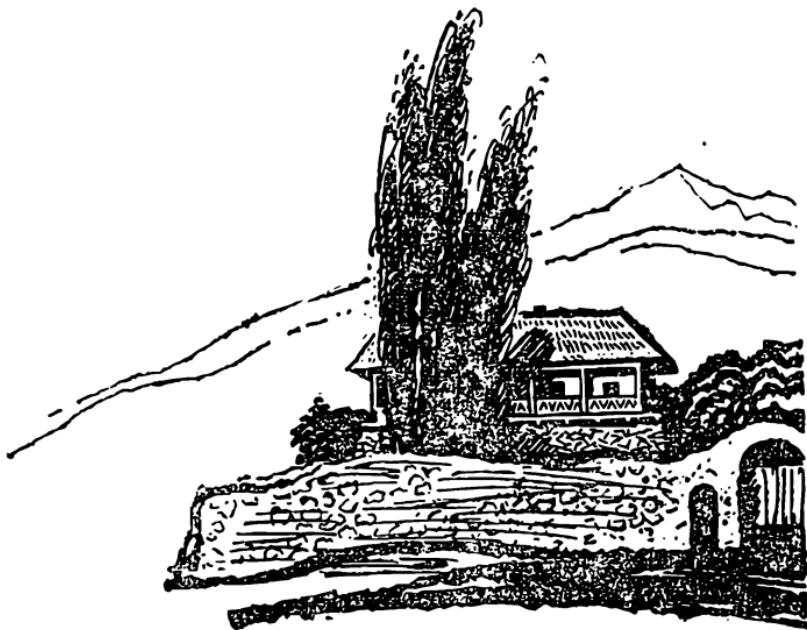
С (Кав)

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННИК», 1976 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

---

* 1 *

К Марии Дудиевой сегодня должны пожаловать важные гости. И когда багровый петух, хлопая сильными крыльями, пропел третий раз, Мария проворно поднялась с постели. Наскоро умывшись, принялась с помощью соседки, немолодой сухопарой женщины, убирать три просторные комнаты и галерею в нижней половине дома. До блеска натерла керосином свежевыкрашенные полы. Затем переоделась в коричневое шелковое платье, повязала белый передник, затянула косынкой-ослепительно черные, слегка выющиеся волосы и взялась за разносолы.

Жила Мария одна: как-то года два тому назад она особенно крепко поссорилась со своим Дзандаром. Наутро муж собрал в чемодан самые нужные вещи и, не говоря лишних слов, укатил в далекую Бухару. Поначалу Мария не знала, радоваться такому обороту дела или горевать. Но, что бы там ни было, жизнь есть жизнь, и она заставляет человека искать выход из любого положения. И Мария поступила так, как считала разумным. Единственную дочь, одиннадцатилетнюю Залдузхан, она отправила в город к своим родителям. А сама...

Любому человеку, попавшему в беду, приходит кто-то на помощь. И Мария не была одинока. Особенно опекал ее родственник, однофамилец мужа (у осетин все однофамильцы считаются родственниками), председатель колхоза «Красный Кавказ» Каламурза Дудиев. Вот и сегодня, зная, что надо помочь, он еще рано утром прислал полевого сторожа Дзенаго.

Подогнув поля войлочной самодельной шляпы, сбросив серый халат и еще туже подтянув на тонком, как у девушки, стане поясок из сыромятной кожи, Дзенаго принялся исполнять указания хозяйки. Привез с мельницы мешок пшеничной муки. Зарезал несколько кур и индюшку. Наколол дров. Затопил печь. Из мяса, еще накануне привезенного им же с колхозного склада, приготовил фарш для фидджинов¹.

Не в первый раз прислуживает Дзенаго в этом доме. И если полнеющая Мария всегда, готовясь принять гостей, подобна быстрой Шатáне², то сегодня даже глаза

¹ Фидджины — пироги с мясом.

² Шатáна — имя популярной героини народного эпоса, хозяйки, прославленной мудростью и гостеприимством.

молодого Дзенаго не успевают уследить за ее легкими порхающими движениями.

К полудню в самой просторной комнате был поставлен стол. Мария застелила его белоснежной накрахмаленной скатертью. Разложила на тарелки холодную курятину, салат из редиски со сметаной, зеленый лук, красные помидоры, огурчики, только что собранные в огороде Дзенаго. Потом стол украсился графинами: светлые — арака двойной перегонки, черные — осетинское пенистое пиво. Посреди стола — бутылка шампанского...

Тесто, фарш, начинка для пирогов из свежего сыра, — все наготове. Только появятся гости, и Мария возьмется за фидджины и уалибахта¹.

Приготовления закончены — пока можно передохнуть и привести себя в порядок. Еще раз окинув придирчивым взглядом уставленный яствами стол, Мария прошла в соседнюю комнату. Остановилась перед большим, от пола до потолка, зеркалом и... улыбнулась. Очень уж привлекательная женщина смотрела на нее. Высокая, статная. Пусть этой женщине уже тридцать три года, но разве

¹ Уалибахта — пироги с сыром.

она уступит красотой любой девушке? На приятном лице легкий загар. Глаза черные блестят, будто в них играют шаловливо-дьявольские огоньки.

Мария открыла шифоньер и задумалась: платьев много, одно другого дороже, одно другого пестрее, и какое выбрать — не сразу решишь. Наконец взяла шелковое голубое, с красными цветами. Переодевшись, она в третий раз подошла к зеркалу. Декольте слишком глубокое? «Ничего, — думала Мария, — в наше время и осетинке так можно»:

Со двора донесся голос Каламурзы:

— Невестка, принимай гостей!

— О, очаг мой! Уже прибыли! — приложив руку к груди, воскликнула Мария и быстро вышла во двор.

Рядом с тяжеловатым коренастым Каламурзой шел среднего роста худощавый мужчина в светлом костюме, с роговыми очками на носу. Это был третий секретарь Дубравинского райкома партии Алибек.

— Вот тебе и Алибек, которого ты все жаждешь видеть, — сказал Каламурза и, сняв с большой головы широкую белую кепку, вытащил из кармана просторных галифе пестрый шелковый платок и, словно после тяже-

лой работы, принялся вытирая толстую шею и пухлые щеки.

— Добро пожаловать, добро пожаловать! Клянусь родной матерью, Каламурза говорит правду. — Кокетливо улыбаясь, Мария, как старому, близкому знакомому, протянула руку Алибеку. — Поверьте, Каламурза только и делает что хвалит вас. Вот, мол, какой у меня друг!.. Верьте, клянусь мамой.

— Благодарю, — сдержанно ответил Алибек тоном человека, знающего цену своему слову. Однако взгляд из под очков, обращенный на пригожую хозяйку, был уже не очень строгим. — Действительно, мы с Каламурзой давнишние друзья. Впрочем, это всем известно.

— Пожалуйте в комнату. — Мария мягко улыбалась. Когда рот ее приоткрывался, ярко блестели два недавно вставленных золотых зуба. Улыбаясь и говоря приветливые слова, она успела окинуть взглядом обоих мужчин и, хотя видела Алибека не впервые, сейчас подумала: «Каламурза и он, что орел да курица».

— Мы посидим здесь, в тени, — сказал Каламурза и, взяв Алибека под руку, повел его в левый угол широкого, со всех сторон огороженного двора, где от забора прят-

нулись виноградные лозы и получилось что-то вроде беседки. Там стояли деревянные гнутые стулья и небольшой квадратный стол. На столе — большой пузатый графин с черным осетинским пивом.

Провожаемая взглядами мужчин, и потому особенно выразительная в каждом шаге, когда весь стройный стан живет и играет молодостью, и в тоже время ничего лишнего — ни в движении руки, ни в покачивании бедер, Мария удалилась: пора было приниматься за пироги.

Появился еще один гость.

Уверенно, немного откинув назад голову, во двор вошел Мика Слонов. На гладковыбритой голове, слегка набекрень, золотистая каракулевая шапка. Воротник черкески заметно грязноват, зато пояс — что надо — с полным серебряным набором; кинжал в дорогих ножнах, тоже отделанных серебром.

Мика приветствовал гостей. Қаламурза и Алибек встали навстречу ему, как старшему.

Мария тоже вышла из дома, на ходу вытирая руки о передник. Старик долго не отпускал мягкую ладошку хозяйки, мутноватыми серыми глазами глядываясь в белую ложбинку на груди. Сказал:

— Краса земли! Клянусь богом, рад видеть тебя. К несчастью, я теперь уже не тот, что был когда-то. Но лишь увижу тебя, и кровь моя опять закипает, бог тому свидетель! А ты все трудишься. Даже щеки в муке, — и он осторожно провел рукой по щеке Марии.

— Кажется, старой лисе захотелось курятинки! — воскликнул Каламурза и раскатисто захохотал.

— В моем возрасте только и остается, что щечку погладить, — отшутился Мика и подошел к секретарю райкома. — Здравствуй, дорогой друг, здравствуй! Как п солнце, ты не всегда светишь над нашей землей. А жаль, жаль! Наш председатель души в тебе не чает! — он взглядел указал на Каламурзу. — И разве только он! Мы все! Ты — наша надежда. Спасибо, что наведался. Ведь ты нам родственником доводишься. Твоя мать из нашего села. Благороднейшая из всех женщин, каких только создавал бог! — повернулся к Марии, показал в широкой улыбке хорошо сохранившиеся, лишь желтые у корней зубы и добавил: — Может быть, только ты, Краса земли, поспоришь с ней добротой и благородством...

Они еще восхищались хорошим здоровьем и славным видом друг друга, когда показался бухгалтер колхоза Циусур¹.

— Слава богу, вон и он — коршун с орлиным носом! — воскликнул Каламурза, не очень беспокоясь, что шутку может услышать и сам Циусур. Потом обратился к Марии: — Невестка, мы уже готовы. Азамата не будет. Его срочно вызвали в обком. Но он предупредил, что если вовремя освободится, то наведается обязательно.

На какой-то миг на лицо хозяйки набежала тень досады. Она-то рассчитывала, что гостем будет непременно и первый секретарь райкома партии Азамат. Уж она бы приняла его не так, как в былые времена, когда он совсем неожиданно наезжал с Каламурзой. Сегодня она так старалась... Но, сразу сообразив, что гости, и Алибек прежде всего, могут обидеться, она заулыбалась опять, слегка повела плечом в сторону Алибека и приветливо предложила:

— Пожалуйте в комнату. И Азамата, может быть, нам бог тоже пошлет.

Гости вошли.

— Прошу, — указывая на место тамады, сказал Мика Алибеку, втайной уверенности, что тот не согласится. И правда, Алибек поблагодарил за честь, но отказался.

И тогда Мика занял первое место. Справа — Алибек. По левую руку от тамады тяжело уселся Каламурза, и стул под ним заскрипел. Сел и Циусур. За столом оставалось свободное место, на случай, если появится Азамат.

— Краса земли! Удостой и ты нас такой чести, садись с нами! — стал упрашивать хозяйку тамада.

— Да что вы! — всплеснула руками хозяйка. — Да где это видано, чтобы женщина-осетинка сидела за одним столом с такими почтеными мужчинами? Где же тогда обычай? Где честь осетинской женщины? — и она крикнула в сторону кухни: — Ну-ка, Дзенаго, прислужи!

— Садись, Мария. Иначе начальство будет считать нас темными людьми, — попросил Каламурза, посмотрев на Алибека.

— Да, да, теперь уж так полагается, — с чувством собственного достоинства сказал Алибек и тоже взглянул на хозяйку.

Мария только лукаво улыбнулась, покачала головой.

¹ Циусур — коршун.

вой и нескорым шагом, при котором высокая грудь слегка вздрагивала, вышла из комнаты. Вскоре она вернулась и на широком блюде принесла традиционные три пирога. К тому времени Дзенаго наполнил три бокала аракой двойной перегонки и передал их трем старшим. Мика принял бокал и поднялся.

— Пусть снизойдет на нас милость великого бога! Все мы тут родственники и друзья. Дай бог нам такого счастья, чтобы мы всегда могли уважать и любить друг друга!.. Поспорили невестка с деверем,— посмотрел он сначала на Марию, потом на Каламурзу.— Невестка проиграла, и, разумеется, как я понял, сегодня мы приглашены по этому случаю. Да пусть они оба будут сильными. И кто бы из них не проиграл, но мы всегда окажем им честь! — закончил Мика по обычаяу, возведя глаза горé: — О всевышний, помоги же нам, твоим малышам!

— Ну-ка, младший, Дзенаго, отведай!¹ — воскликнул Каламурза.

Уже стемнело, когда Мария принесла и поставила перед гостями соус из индошатины, а затем и фиджины. Мика, похваливая хозяйку, орудовал руками.

— Голубушка! Моя голубушка! Сколько в тебе благородства!.. Я вилкой есть не люблю... Не идет впрок, если вилкой. И скучной, и невкусной кажется тогда пища, клянусь богом.

Глаза Каламурзы блестели, мясистые щеки раскраснелись, как созревший перец. Теперь он поднял бокал и встал.

— Друзья мои! Мы пируем в свое удовольствие... Но мы допустили бы серьезную ошибку, если бы не вспомнили

¹ По осетинским обычаям после того, как старший произнес первый тост, младшему из мужчин предлагают пригубить бокал и съесть кусок пирога; только после этого приступают к трапезе.

ли того, кого ждали, кто и до такой поздней поры не освободился от изнурительной работы, от тяжких дум, от забот о народе. Вы меня понимаете. Я предлагаю тост за здоровье Азамата. Поверьте, если бы он и не был моим родственником, я все равно бы сказал именно так. По энергии, по мудрости равного ему среди нас нет. Был он приглашен сюда... Но разве у него остается свободная минута? Весь район на его плечах. И в обкоме без него не обходятся, Да проживет Азамат долгие годы!.. За его здоровье! И за здоровье его половины, моей тети Ханифы! За здоровье их детей!

— Голубчик мой, голубчик! — вставил Мика. — Вспомните, в позапрошлом году, когда избрали его в Москву, мы ведь встречались... Посидели как следует, за столом...

— Правильно говоришь, Каламурза, правильно! — поддержали и другие.

— Спасибо, благодарю вас, — сказал Алибек таким тоном, словно все это относилось к нему.

Вскоре тамада провозгласил тост и за почетного гостя Алибека.

— Хороший человек всегда живет для людей. Все силы ты отдаешь людям, не щадишь себя, и дай бог, чтобы люди ценили твои труды. Пусть наши души, — закончил он, — пойдут тебе в жертву.

Алибек улыбнулся скромно. Ему нравилась эта славная, истинно горская искренность. Он был рад, что сидит с такими хорошими, любящими его людьми, что вот хоть раз отвлекся от всяческих серьезных дел и телефонных звонков. Ему было особенно приятно от мысли, что его знают и любят здесь так же, как во всяком ином селении района. Окажись он сейчас в любом другом колхозном доме, то и там его принимали бы так же. И хотя Алибек чувствовал, что его авторитет не такой большой, как у Азамата, он был уверен, что своей популярностью первый секретарь обязан и ему. Потому что в районе все совершается при его участии.

Пока Мика хорошо и красиво говорил новые тосты, Каламурза подкладывал Алибеку лучшие куски. Себя он тоже не обделял.

Наступила глубокая ночь. Уже отовсюду слышался разноголосый хор петухов. Потом они пропели и второй раз. А в доме Марии все еще — веселый разговор и песни.

— Хороша жизнь, друзья мои, — опять говорил Мика, теперь слегка охрипший. — Только мутят ее некоторые...

Это те, кто не умеет жить и потому завидует другим... Габуев Тотрадз родственник мне по матери. Но для меня правда дороже! Ни с кем не ладит! Сдружился с долговязым Бориской... Тот когда-то по улице бегал без штанов, а теперь нос задрал. В газету, говорят, пишет. И все время с Тотрадзом. Для него уж и Каламурза ничего не значит! И даже самого Азамата осуждает. Недовольны им!

— Брось, ради бога! Кто-нибудь еще подумает, что ты сплетничашь, — махнул рукой Каламурза и, взяв бокал, передал его Дзенаго. — А ну, лучший наш друг! Выпейка. — И пока тот, по-мальчишески закинув голову, судорожно двигал кадыком, глотая жгучую араку, Каламурза шептал на ухо Алибеку: — Отец его с фронта не вернулся. Поговаривают, к фашистам ушел...

Алибек, поправив очки, взглянул на Дзенаго и едва заметно покачал головой.

— Говорит, я — звеньевой! — стукнул кулаком по столу Мика. — Мой родственник по матери Габуев вздохнуть никому не дает. Как будто бы Карскую крепость приступом взял!..¹

— Правда, правда, — рассмеялся Каламурза. — Этот бедняга Тотрадз из кожи вылезть готов, чтобы только слава прошла о нем. Весной предложил мне организовать семейные звенья. Из двух, из трех семей! Это что же, коллективный труд? Нет, так мы можем разрушить основы коллективного труда!

— Правильно, — сказал Алибек. — Таким, значит, нужно давать отпор! И райком всегда поддержит...

Из всех гостей менее разговорчивым был колхозный бухгалтер Циусур. Сегодня у него плохое настроение. Вчера переел шашлыка из непрожаренного мяса, выпил прогорклой араки, и потому до сих пор в животе колики, и голова, как чугун. К тому же его сегодня редко вспоминали, словно он был плохо знаком с сидевшими рядом. За его здоровье не пили. И сам он тостов не произносил, чокался молча, пил не до дна. Правда, хорошим куском себя не обделял. Но хотя он молчал и мало двигался, весь его вид, все его движения удивительно точно совпадали с его именем Циусур, коршун. Глубоко запавшие серые глаза за толстым стеклом очков, длинный, сухой, с горбинкой нос, сжатые тонкие губы...

¹ Ходовое выражение, употребляемое в том случае, когда хотят подчеркнуть выдающиеся заслуги человека. Здесь — в ироническом смысле.

Циусуру вспомнился далекий день. Мария тогда еще жила с мужем. И вот, как сегодня, собрались в этом же доме Мика, Каламурза, Циусур с женой. Тоже долго сидели и пили. И вдруг он, Циусур, вскочил с места, непривычным для него торжествующим взглядом обвел каждого. Вскричал:

— Друзья! Наш дорогой Мика правильно всегда повторяет: жизнь дана богом для того, чтобы жить. Ну с чем сравнить то, как славно мы сегодня посидели? Пусть на плечах Каламурзы большой груз! Пусть я на работе, как каторжник! Мика — всю жизнь не для себя, но для людей! Но разве мы не можем почаще встречаться вот так! То у одних, то у других... Своим честным трудом... Зачем же еще живет человек? Можно и название дать какое-нибудь нашей компании!

Мария всегда отличалась способностью подхватывать хорошую мысль.

— Нас шестеро... Шестеро! Пусть и название будет — шестерка.

Сколько раз собирались с тех пор! Сколько хороших слов оказали друг другу за эти годы. Но Циусур всегда любил вспоминать тот первый вечер...

Петухи прокричали в третий раз, и только тогда гости стали прощаться с щедрой хозяйкой.

Ступив за порог, Каламурза могучим голосом затянулся:

Здесь нам уже не дают спокойно жить, гей!

Поедем вон, в Уалагир, к родственникам матери, гей!

Слова знакомой песни все подхватили дружно. Даже Алибек заливался тонким, как у девочки, голоском.

* 2 *

В эту ночь Тотрадз уснул поздно. Но скоро его разбудили: под окнами гремела старинная лихая песня.

— Ах, чтобы очаги ваши разрушились, — заворчал старый и хотел пойти прикрыть окно, но гуляки, ревевшие зычно и разноголосо, прошли мимо и удалились. Сон не возвратился, и старик потихонечку, чтобы не будить жену, оделся и вышел во двор. Взглянул на небо и облегченно вздохнул: оно было чистым.

Из переулка раздался рожок пастуха, и Тотрадз потопропился выгнать на улицу свою корову. Таких же

тощих коров выгоняли и его соседи. Пастух собрал небольшое стадо и направил его по улице, покрикивая и рассекая воздух резкими ударами длинного ременного бича.

Тотрадз любил эти утренние тихие часы, когда только-только поднимается нежаркое желтое солнце и ясно слышится мощный и ровный шум Большой реки — к самому ее обрывистым берегам спускается с холмов село. На крышах домов и двухэтажной школы тысячами огоньков сверкает роса. Прохлада и свежесть воздуха вновь заставляют почувствовать себя молодым.

В эти часы особенно великолепен могучий дуб, растущий на высоком холме против дома Тотрадза. Пышная корона дуба темною шапкой вписана в нежную голубизну утреннего неба. Тотрадз сам посадил его, когда после революции переехал сюда. Люди так и называют теперь старый дуб «дерево Тотрадза».

«Жить под таким солнцем, на такой земле, — думал с горечью Тотрадз, — и печься о куске хлеба!»

Последние дни старик был не в настроении. Больше двух недель шли проливные дожди. Для здешних мест это редкая напасть. Старого хлебороба беспокоила судьба урожая: пшеницу скоро убирать — ей дожди ни к чему. А кукурузе сейчас подавай как можно больше тепла и света...

Показался Борис. Худощавый, длинный, выглядевший гораздо старше своих тридцати трех лет, он, как всегда, слегка горбился. Незнакомый человек, глядя на него, мог подумать, что он или нездоров, или возвращается с тяжелой работы.

Борис, хотя и был здешним, но сейчас жил в районе, работал редактором газеты. А родители оставались в Дубравах. Тотрадз и отец Бориса были очень дружны. И, приезжая в родной колхоз, Борис частенько наведывался на участок Тотрадза. Для него это кукурузное поле, возделываемое добрыми умелыми руками, всегда было тем эталоном, по которому он оценивал другие поля, — видел их неприбраннысть, неухоженность или же, когда они походили на поля Тотрадза, понимал, что они в хозяйских руках. И вчера, приехав в Дубравы, Борис поспешил встретиться с Тотрадзом. Договорились: если утром не будет дождя, поедут посмотреть посевы.

— Здравствуй, здравствуй! — сказал старик, протягивая сухую, но еще сильную руку редактору. — И сами му-

чаемся и другим спать не даем? Заходи в дом, перекусим... И по одной тоже...

— Не мешало бы и по одной, — Борис улыбнулся. — Не мешало бы. Да ведь тогда засядем! Уж лучше, когда вернемся.

Ворота конного двора были открыты. Грязь во дворе — по колено. Борис храбро пробрался через навозное болото и вывел из конюшни тощего коня. Выкатил арбу на сухое место. Осматривая ее, качал головой. Правая оглобля поломана и скручена кое-как ржавой проволокой. Войлочная подкладка на седелке прорвалась — сбьешь коню хребтину в кровь!

Дорога неторопливыми зигзагами вьется вдоль берега Большой реки. Где-то высоко в горах, у ледников, берет начало эта река. И пока ее сдавливают теснины и ущелья, несется она так, словно кого-то догоняет, грызет гранитные утесы, перекатывает камни, бросает их друг на друга. Вырвавшись из гор на равнину, вот здесь, у села Дубравы, разливается, образует несколько рукавов. Но потом, опять собравшись, одним потоком, шумливым и быстрым, устремляется к морю.

— Борис, мое солнышко, отпусти-ка вожжи, лошадь сама знает дорогу, — сказал, улыбаясь, Тотрадз, когда выехали за село. — Перекусим. — И он начал развязывать заветный холщовый мешочек. Заботливая Бутиан, никогда не отправлявшая мужа на работу без съестного, сегодня постаралась. Пусть чурек испечен из грубой кукурузной муки, но зато румяно-поджарист: Бутиан знает, когда достать его из жаркой печной зоны... Зеленый лучок. Славная молодая редька. И... литровая бутылка с осетинским пивом, запечатанная кукурузной кочерыжкой.

Вытащив кочерыжку, Тотрадз вытер ладонью горлышко бутылки и поднял глаза в небо.

— Пожелаем, друг мой, чтобы были мы наделены счастьем в жизни. Чтобы никогда нам перед людьми не пришлось краснеть, чтобы могли жить своим трудом, чтобы без нее, — взболтнул он слегка бутылку, — нас с тобой не было. — И подал пиво товарищу.

— Нет, нет, — отозвался Борис. — Сперва сам.

Как легко дышать на свежем воздухе! Как вкусна закуска. А молодая редька-чертовка: дух захватывает!

На участке Тотрадзя кукуруза стояла густо и мощно, как поросьль молодого бамбука. А старик будто по имени знает каждый стебелек. Ходит, щупает, бормочет что-то ласковое, гладит листья.

Борису всходы все же показались редкими, и он об этом сказал звеньевому. Старик заулыбался.

— Рассказывают, когда-то два соседа посеяли рядом кукурузу. Взошла... Один и говорит другому: «Твоя слишком густая». Тот отвечает: «Чем больше солдат, тем армия сильнее». Наступила пора убирать. И опять встречаются соседи. Первый, покачав головой, говорит второму: «Да, солдат у тебя многовато, но больно они жидки. И будто совсем без винтовок»... Ни к чему слишком густые посевы.

Побывали на участках других бригад. Сплошное огорчение. Видно, что кое-где опоздали с посевами, а там пололи кое-как: все забили сорняки.

На одном поле Тотрадз тяжело нагнулся, взял горсть сырого чернозема, поднес к лицу. Всматривался, ловил знакомые и всегда по-своему новые запахи.

— Земля. Предки наши говорили: «Клянусь землей!» А мы... Мы будто разлюбили ее, разучились ухаживать...:

Он долго смотрел куда-то вдаль, словно хотел там увидеть другие поля. Но сколько ни охватывал глаз, все казалось Тотрадзу убогим: серовато-желтая степь далеко на север, до самого Сунженского хребта. А дальше, за ним?.. Там моздокские и ставропольские поля. Там не так. Там, верно, пшеница с тяжелыми колосьями, с высоким стеблем... А мы, видимо, из тех, на которых и камень катится в гору.

Обратно ехали хмурыми. Борис ушел в свои думы. Писать надо откровенно. Ну, а что этим выиграешь? Мартышкин труд! И все-таки писать надо только так.

«Эх, когда же начнем опять работать и жить по-человечески?» — он неожиданно поднял хворостину и сильно хлестнул коня. Тот вздрогнул и рванулся вперед. Тотрадз пошатнулся, чуть было не упал, но удержался, ухватившись руками за сиденье.

— Солнышко мое, Борис, наши деды говорили: кто не в силах справиться с конем, тот по седлу бьет. Ты чем-то недоволен, но разве бедное животное виновато?

Смущенный Борис ничего не ответил.

Солнечный луч воровато скользнул в щель между ставнями, поиграл на пестром ковре, сполз на кровать. На мягкой перине, широко разметавшись, спит крепким сном Каламурза. Пылинки, плывущие в узкой полосе солнечного света, взвиваются вверх над его лицом: могучий храп наполняет просторную комнату.

Чудный сон снится Каламурзе. По мягкой траве, к берегу волшебного озера идет красавица Мария. Машенька, как он ее называет. Бросается в воду, плещется, смеется. Выбравшись из воды, ложится на траву. Каламурза то плывет к ней, то оказывается рядом, на берегу. Но странно: только он хочет коснуться ее, Машенька кидается в воду, и вместо ног у нее появляется гладкий сверкающий хвост. Попробуй догони!.. И опять она на траве. Сердце Каламурзы учащенно бьется. Он протянул руку... Солнечный луч пощекотал его, и он вздрогнул.

— Офф, офф, ну и женщина! Черти бы тебя побрали! — громко сказал Каламурза и еще шире раскинул свои толстые руки.

Услышав голос мужа, заглянула в дверь Фаризат. Все утро она не решалась войти, боясь его разбудить. Но теперь, тихонько приоткрыв дверь, осторожно, на цыпочках, вошла.

— Ты уже проснулся? — спросила тихо и как будто виновато.

— А ты приготовила мне что-нибудь? — спросил он, все еще не открывая глаз, не желая расставаться со сладким сном.

— Еще нет. Но я сейчас, — и она торопливо вышла, теперь уже действительно чувствуя себя виноватой.

Забежав в кладовую и окинув взглядом все углы, Фаризат с минуту постояла в раздумье. Да, надо как можно скорее приготовить завтрак. А то он, как всегда, встанет и сразу уйдет. Ни на минуту не задержится. Надо бы тонкослойные пирожки с сыром, яичницу на сметане. Чудесная еда! Во всем селении никто, кроме Фаризат, не приготовит такой!

Говорят, нет худа без добра. Когда-то Фаризат стала подозревать своего мужа в неверности. Узнала о ее душевных муках жена Мики и пристала к Фаризат. Поедем да поедем в Кабарду. Там есть мулла-чудотво-

рец, который может возвращать с того света, а с этого так прямо в рай отправить. Попроси ты его, и он вернет Каламурзу на путь истинный.

И однажды, когда Каламурза был на курорте, женщины отправились в Кабарду. Фаризат скоро убедилась, что мулла не помог. Но по его рецептам она научилась делать яичницу на сметане. Очень нравится мужу эта чудесная еда.

Каламурза сладко потянулся в постели. Вставать не хотелось. Но проклятые дела!..

Вспомнился разговор с первым секретарем райкома партии Азаматом Тутровым. Азамат доверительно сказал ему:

— Было бы хорошо, если бы ты по хлебу первым расчитался с государством. Опубликовали бы твой рапорт в газете, и вся республика заговорила бы об этом...

А что же! Секретарь райкома прав! Кому, как не колхозу «Красный Кавказ», быть первым. По крайней мере, не из родственных чувств, не из личной симпатии к Дудиеву завел тот разговор секретарь райкома, но высоко ценя деловые качества председателя колхоза.

Эти мысли окончательно прогнали сон, и Каламурза быстро поднялся.

Уже садясь за стол, он увидел вдруг свои сапоги. Грязные, они лежали возле кровати. Каламурза со злостью ногой отшвырнул их на средину комнаты; Фаризат молча подняла и вышла.

Каламурза вкусно позавтракал. Надел белый шелковый китель, фуражку из такого же материала, натянул сапоги, до блеска начищенные, и пошел на работу. Который теперь час, он не знал, он никогда не работал по часам. Ему казалось, что часы всегда куда-то гонят человека. И с того времени, когда было найдено весьма солидное место в жизни, Каламурза повесил на стенку карманную серебряную «луковицу», которой в юности очень гордился, и брал ее теперь на совещание или на какое-нибудь ответственное торжество.

В кабинете первым его потревожил бухгалтер Циусур.

— Прости, пожалуйста, минуты не можем без тебя обойтись! С ума сойти можно. Пришли опять — ругают, шумят! Тому дай лошадь, другой совсем собирается бежать из колхоза. Вот нескольким написал справки — пусть уходят, болтать любят...,

Каламурза, нахмурив брови, взял бумаги, подготовленные бухгалтером, помахал ими перед носом Циусура, скривил их и бросил в угол.

— Бог дал человеку голову не для того, чтобы украшать ее очками или надевать шапку!.. Распустим людей, а работать кто будет? Мой прадед? Прикажешь вызвать его с того света?.. И о колхозниках надо заботиться...

«Не поймешь, когда ему что нравится, — подумал Циусур. — Другой раз сам готов всех разогнать! А теперь вдруг разорвался. Ну ладно же! Посмотрим, не вспомнишь ли ты снова своего прадеда, когда поговоришь сейчас с этим «упрямым буйволом».

И Циусур невинным голосом произнес:

— Там поджидает тебя этот, как его, упрямый буйвол, как ты его называешь... Темирболат... Выпиши, говорит, мне хлеба. Пшеницы хочет или кукурузы. Семью, говорит, надо кормить. Позвать его?

...Вернувшись с поля, Тотрадз с Борисом направлялись к правлению колхоза. Они еще были далеко от конторы, когда до них донеслись выкрики Каламурзы...

Председатель сидел за столом, раскрасневшийся от возмущения, стучал кулаками, да так, что даже невесомые бумажки и те над столом подпрыгивали.

— Вам что колхоз, собес? Всем только подавай. В колхозе работать надо! Хлеб надо государству сдавать! Родному нашему го-су-дарству! Понятно?!

— Так ведь я тоже из этого родного государства, чтобы твой враг на тебя батрачил! Я же не жалею себя. А как же мне без хлеба? Чем я должен своих ребятишек кормить? — с елс заметным южным акцентом отвечал председателю немолодой коренастый колхозник Темирболат.

— Все зависит от того, как их воспитаешь, — и Каламурза улыбнулся еле заметно. — Надо, чтобы дети росли сознательными и не смотрели на колхоз как на собес.

— Для тебя он шабеш! — из-под войлочной шляпы прищуренными маленькими глазками Темирболат зло смотрел на председателя. — И не только шабеш, а курорт! Разжирел ты на колхозных харчах, а до других тебе и дела нет!

— Что ты сказал?! — глаза Каламурзы гневно расширились, он поднялся с места и, потрясая кулаками, стал надвигаться на Темирболата.

Тот, отступая, выставил перед собой руку.

— До свиданья, Дудиев! Будь счастлив в своем колхозе! А меня ты больше не увидишь и не услышишь! Хватит! Натерпелся! — И, хлопнув тяжелой дверью так, что задрожали стекла в окнах, он скрылся.

— Проваливай! Проваливай! — кричал ему вслед Каламурза. — Такие антиколхозные элементы нам не нужны. Ты смотри на него! Хлеба ему надо! Лошадь ему надо! Циусур! — забарабанил он рукой в стенку. — Выдай этому элементу справку, и чтобы и духу его здесь не было!

Тотрадз с Борисом вошли в кабинет и, безмолвные, стояли неподалеку от дверей. Им горько было смотреть на эту сцену.

Прокричав свое приказание Циусуру, председатель снова уселся за стол, тяжело отдуваясь.

— Извиняюсы! — посидев некоторое время молча, сказал Каламурза и, выйдя из-за стола, поздоровался за руку с Тотрадзом и Борисом. — С ума сойти можно. Клянусь отцом и матерью, не знаю, куда мне от таких хапуг деваться. Приучились греть руки на колхозном добре. Тянут во все стороны. Как воронье на падали! — вернувшись к своему месту, он опять тяжело опустился в кресло.

Тотрадз, стараясь быть спокойным, сказал:

— Бедняга Темирболат, что же ему делать!.. Ветер повалил плетни. Ему бы сегодня коня, а завтра бы он опять, как вол, на работе. И семья у него большая. Может, помочь ему хлебом в счет аванса, пожалеть детишек...

— Жалеть, конечно, нужно, да как, когда в амбаре не густо. И притом не всех без разбору... Подход к людям должен быть строго индивидуальным...

— Почему так говоришь? — старый Тотрадз уже не мог скрыть возмущения. — Дай бог, чтобы таких, как Темирболат было у нас побольше!

Каламурза не ответил. Сжав зубы так, что на скулах засияли желваки, он все-таки сдержался. Вздохнул глубоко, проведя руками по щекам, будто растирал их, затвердевших от злости, и спросил:

— Где вы были?.. Слушаю вас. Мне некогда, по горло занят срочными делами. Да и Азамат вызывает. Сам звонил.

— Посевы наши пропадают, Каламурза...

— Сам ночей не сплю! Все думаю, что предпринять?
Душу свою вымотал. Да разве кто-нибудь оценит!

— Можно прополкой спасти кукурузу, — сказал Тотрадз. — Если завтра же всем колхозом...

— Вот. Вот. И я это же распоряжение хотел отдать. Прошу вас, как самых больших наших активистов: обойдите, пожалуйста, верхний квартал. Бригадир там заболел. Борис, ты тоже считай себя нашим. Азамат сказал, что он тебя к нам прислал до конца уборочной. Подключись к Тотрадзу, и чтобы все верхние завтра рано утром были в поле. А ты, Михаил, — повернулся он в правый угол кабинета, — пойди, объясни положение всем бригадирам...

Секретарь партийной организации колхоза, круглолицый, тихоголосый Михаил пришел вправление еще до появления Тотрадза и Бориса. Он сидел в углу и перелистывал какие-то бумаги, как будто все страсти, свидетелем которых он был, его совсем не касались. Теперь, когда Каламурза обратился к нему, он зашевелился на месте, что-то пробормотал, оглядел присутствующих.

— Не люблю я много говорить. И в колхозе, и во всем селе должен быть один хозяин, — встал с места и пошел выполнять указание председателя.

* 4 *

Остановившись возле высокого кирпичного дома, Борис постучал в свежевыкрашенные ворота. На стук вышла Мария. Увидев старого школьного товарища, она от неожиданности на мгновение растерялась...

— Очаг мой!.. Клянусь мамой... Какими ветрами?..

«Все хорошеет», — мелькнула мысль, но он тут же прогнал ее. И сказал, стараясь, чтобы в голосе звучала спокойная деловая строгость и, вообще, чтобы ответ был в тон удивленно-радостному вопросу Машеньки.

— Да вот — ветер, солнце, дожди. Урожай пропадает. В поле всех приглашаем. Я тоже обхожу дворы...

— Что, у нас в селении уже дворы обойти некому? Ответственных работников района мобилизовали?

— Да нет, — он опять смущился и шуткой постарался скрыть это. — Только ради твоего двора ответственные работники... Ну, так как? Завтра пораньше на кукурузное поле...

— Я, наверное, не смогу. В город нужно. Очень важное дело!

Они пристально смотрели друг на друга. Щеки Марии вдруг вспыхнули, высоко вскинулись дуги бровей, в глазах будто зажегся огонь. Она провела рукой по волосам, отливающим вороненым блеском; две косы ниспадали на грудь и чуть-чуть не доставали щиколоток. Взял правую косу в руки, посмотрев на нее, Мария перебросила ее через плечо. Улыбнулась. «Стоят чего-нибудь две эти косы? — она смотрела опять прямо в глаза Бориса. — А ведь если бы ты очень захотел, смог бы поласкать их».

— Город никуда не убежит, а вот посевы погибнут. — Он старался говорить сердито. Он словно хотел сказать, что никогда не знал и не хочет знать никакой Марии.

Между тем он опять вспомнил, как перед огъездом в военное училище, всю последнюю ночь при свете керосиновой коптилки он писал ей первое в своей жизни письмо. Ответ на листке, вырванном из школьной тетради, пришел очень быстро. «Навеки с тобой. Только с тобой. Твоя...»

Она и действительно какое-то время думала о нем. Скучала. Видела во сне. Но через несколько месяцев, когда уже шла война и жизнь стала такой холодной, голодной и неуютной, в селении появился новый мужчина. Это был веселый балагур Дзандар, продавец магазина, который смешно косил левым глазом, отчего полное розовощекое лицо его имело довольно забавный и вместе с тем приятный вид.

— Если я смогу, я конечно...

— Что это такое — смогу! — Борис теперь по-настоящему рассердился. — Мы вас не о снисхождении просим. Не как милостыню. Все должны работать. Если вы не в Бухаре со своим Дзандаром, а в «Красном Кавказе».

— Зачем так горячиться, Борис! Мы все-таки были когда-то друзьями. Я очень плохо себя чувствую. Мне нужно к врачам...

Он оглядел ее. Шелк платья плотно облегал высокий бюст, крутые бедра. Красивые руки обнажены до плеч. «Нет, ты совсем забыла, что такое тяпка».

«Повезло же этой сухопарой Асиат!» — думала Мария. Она с искренним восхищением смотрела на гневное, побледневшее лицо Бориса. Когда он сердился (так было и в школе!), он ей нравился еще больше. Такие сверкающие глаза! Такая одухотворенность на тонком лице!

— Зашел бы... Рюмочку араки для тебя и пиво найдется.

— Это уж ты пей с кем-нибудь еще. А завтра — в поле. Чтобы обязательно была в поле! — Борис в такт каждому слову ударял палкой, которую держал в руке, по камню, лежавшему возле ворот.

— И надо было за этим сюда, в гору тащиться! — засмеялась она. — Из района ехать! А я-то подумала: скучился! Думала — старая любовь. Захотелосьувидеться.

— Да, да, ночей не сплю, — он очень разозлился и говорил грубо. — О твоих бедрах мечтаю.

— Ну, знаешь! — улыбка исчезла с ее лица, и в гневе оно потеряло свою привлекательность. — Проваливай отсюда! Бедра! Наслаждайся сухими бедрами своей бесплодной жены! Как разговаривает с женщиной! А еще коммунист!

И, захлопнув калитку, она пошла от ворот; было слышно, как по камню дорожки сухо и сердито, точно негромкие, но частые выстрелы, удаляясь, щелкали ее каблучки.

* * *

Тотрадз тоже обходил дворы колхозников. Темирболата он застал дома. Тот срубил в саду старую яблоню и из ее кривых, но мощных ветвей делал подпорки к плетню.

— Латаешь? — спросил Тотрадз.

— Латаю, что же остается делать? Всю жизнь только этим и занимаюсь.

— У тебя хоть есть что латать. У других скаковая лошадь промчится через усадьбу и не споткнется — не о что. — Тотрадз глубоко вздохнул и присел на пень возле плетня. Рядом на траву опустился и Темирболат.

Они давно знают друг друга. Еще с гражданской войны, когда Темирболат переселился из Южной Осетии в Дубравы. А вот теперь, через три десятилетия, опять собирается обратно в горы. Оставить насиженные места, друзей...

Темирболату вспоминается 1933 год. Ох и трудное было время. Съели уже все, что можно было. Тотрадз собрал тогда лучшие свои вещи: каракулевую шапку, черкеску, кинжал и пояс в серебряной оправе, хромовые сапоги, старинный персидский ковер. Взял с собой Темирболата. У того в доме только детишки мал мала

меньше, а дорогих вещей никаких. Вдвоем, захватив добро Тотрадза, отправились они в Чечню и привезли по мешку желтого кукурузного зерна. Спаслись... И не однажды Тотрадз вот так просто и необидно помогал все разраставшейся семье Темирболата. Это, видимо, про таких, как Тотрадз, говорят в народе: «Хороший близкий друг лучше родного, но далекого брата».

Сейчас печальные сидели они рядом, и Тотрадз понимал, что уговаривать товарища оставаться в колхозе не нужно: большую семью надо кормить...

Поговорив с другом, Тотрадз направился к вдове Таурзат. Во дворе хозяйка, босая, подоткнув подол юбки, месила глину возле разломанной летней печки. Глядя на ее быстрые, уверенные движения, Тотрадз вспомнил свою Бутиан в молодости. Такая же быстрая, такая же споровистая была.

— Чтобы ты всегда преуспевала в работе! — приветствовал старик вдову.

— Очаг ты мой! — смущалась Таурзат. — Это же Тотрадз! Проходи, проходи. Я видишь вот... Прибежала с фермы. Печка наша совсем развалилась. Давай-ка, думаю, переложу ее заново. Входи. Сейчас я чем-нибудь тебя угощу.

Но Тотрадз, подойдя к печи, стал засучивать рукава. Таурзат поняла его и испугалась.

— И не вздумай! Ни за что не разрешу! Боже мой!..

Тотрадз усмехнулся.

— Принеси-ка, солнышко мое, какую-нибудь мешковину вместо передника! А то заляпаюсь, и Бутиан домой не пустит.

Хозяйка только успевала подавать кирпичи — печь под руками Тотрадза росла, как в сказке.

— Пусть в этом доме будет много пиров да свадеб, — приговаривал старый. — Пусть пироги пекут чаще... Только знаешь, солнышко мое, нынешний кукурузный чурек, наверное, опять у нас будет с козий рог. Пропадает ведь урожай-то... Зовут завтра всех в поле. Пришел я позвать твою Тамару.

Круглое смуглое лицо Таурзат, разрумянившееся от быстрой работы, сразу помрачнело.

— Всей семьей мы одного твоего слова не стоим, Тотрадз. Когда я тебя вижу, мне так и кажется, что рядом старший родной брат. Но... Поверь, уже нет сил вот так

бесполезно работать. Мы ведь еще счастливые: сиротам платят пособие. А так что с нами было бы? Куда деваться? В доме ни зернышка. Все наши запасы мышонок за один раз в свою нору перетащит. На старшей дочери весь дом. Ты сам свидетель, как она работает!.. А ходит ведь, как общипанная перепелка. Обо мне уж и говорить не приходится. День и ночь на ферме, безвылазно. А вот пришла недавно к Каламурзе. Думала, даст хоть немного кукурузы. Еще за прошлогодние трудодни ничего не получили. Так он на меня напал. Ты, говорит, привыкла ходить по собесам! Но, говорит, колхоз тебе не собес! — в глазах женщины заблестели слезы, и она закрыла лицо передником.

— Понимаю тебя, Таурзат, мое солнышко. Но ведь если мы будем делать все только назло Каламурзе, то разве от этого разбогатеем? И не в нем загвоздка... — Он помолчал. — И все-таки будем мы когда-нибудь жить по-человечески. Обязательно будем. Рано или поздно, но будем. Ведь все война. Будь проклят этот Гитлер. Чтобы и на том свете его костям покоя не было!

— Эх, Тотрадз, — утерев слезы, вздохнула женщина; она-то уж знала, что это за проклятая война, муж ее, отец трех девочек, не вернулся из фронтового пекла. — Война. Правда это. Война. Но и «когда-нибудь», которым нас все утешают, мы ждем так давно, что с тех пор, говорят, черный ворон стал бы белым... Ладно, извини, надоела я тебе своими жалобами... А работать, что же... И сама, если с фермы вырвусь, приду. И дочь пошлю обязательно...

* 5 *

В открытом поле стоит одинокий шалаш. Сделан недавно: листья на прутьях орешника еще не засохли. Рядом на утрамбованной площадке — холм пшеницы. Тотрадз орудует длинной деревянной лопатой, ворошит сырое зерно. Солнце жжет немилосердно. Духота. Спина взмокла от пота. Устал Тотрадз и присел отдохнуть. Зачерпнув горсть зерна, из ладони, как из желоба, пустил обратно зерно в большую кучу и всматривается в желтый ручеек. Зерна некрупные, сморщеные, а все-таки отблескивают солнечными лучами. Не богатый, но хлеб. Радоваться бы. Да нет...

«И в этом году опять ничего... — думает старый. — Получит каждый из нас столько, чтобы за один раз, на своем горбу отнести на мельницу. Даже и с государством у колхоза не хватит зерна рассчитаться. Кукуруза тоже не выручит».

Вспомнились довоенные годы. Эти же поля. Так же сеяли зерно. Сажали картофель, овощи. Но какие получали урожай! У государства в долг не оставались, и в каждый колхозный двор по осени въезжали тяжело нагруженные подводы. Да будь сто раз прокляты и на том свете все эти Гитлеры!

Наверное, из-за этой же войны и люди какими-то другими стали. Недавно ходил к секретарю райкома Азмату, просил его помочь колхозу. Сказал открыто и на счет Каламурзы. Не понравилось ему... Совсем другим стал теперь Азamat. А ведь когда-то... «Да, хлеб-соль делили, — с тяжелой грустью вспоминал Тотрадз. — А теперь куда там! За неделю надо просить, чтобы изволили принять. А примет, так послушает ли? Хозяин района. Депутат. Каждое его появление для многих, как восход солнца».

Размышления Тотрадза прервал шум подошедшей с поля машины. В кузове, на пшенице, сидел колхозный сторож Дзенаго. Он лузгал семечки, выщипывал их из шапки недозрелого подсолнуха, а шелуху сплевывал на пшеницу.

Тотрадз хотел было на него прицыкнуть, но вдруг обратил внимание на то, что за машиной остается стежка зерна — видимо, в кузове дыра!

— Ослеп ты, что ли? — вскричал он, замахав руками. — Ты что, не видишь?

— А что ты ко мне пристаешь? — невозмутимо ответил Дзенаго. — Вон шофера ругай. Его машина.

— Молодой человек! — подступил Тотрадз к шоферу. Парень был нездешним, городским. Тотрадз не знал его имени. — Да разве можно такого дурака валять? Это же народное добро! Ты посмотри за собой! .

Шофер тяжело выбрался из кабины, медленно снял с головы фуражку, стряхнул с нее пыль, осмотрел Тотрадза снизу вверх, сверху вниз. Ни один мускул не шевельнулся на его лице.

— А кто ты такой? — спросил он негромко. И почему-то рассердился. — Надоели вы мне. Начальников стало больше, чем комаров в ивняке. Ну, чего ты уста-

вился на меня? — вскричал он. — Или ты индюк, а я муха?

Дзенаго фыркнул.

Тотрадз стоял как вкопанный. В жизни никто еще с ним так, как этот мальчишка из далекого города, не разговаривал... Пальцы его тяжелой руки сжались в кулак, и он замахнулся...

Шофер, испугавшись, отпрыгнул в сторону, зацепился за крыло машины и плашмя упал на землю. Ударился, видимо, сильно — из носа потекла кровь. Тотрадз стоял в нерешительности: и гнев еще душил его, и неожиданная кровь на лице парня смущила. А шофер вскочил, распахнул дверцу кабины, выхватил из-под сиденья тяжелый ключ и бросился на старика. Но тут проворный Дзенаго свалился коршуном на парня, удержал его руку. Тот и сам уже пришел в себя, отбросил ключ в сторону, плонул зло себе под ноги, отвернулся.

...Около полудня мимо шалаша проходил Борис. Увидев, что Тотрадз опять не в духе, задержался на минутку, присел.

— Опять чем-то расстроен, Тотрадз?

Старик ответил не сразу.

— Расстроен. Правда. Все вот раздумываю над тем, куда подевались черти. Предки наши рассказывали, что когда-то их здесь много водилось.

Борис рассмеялся.

— Нет, дорогой мой, не смейся, — продолжал сердито старик. — Я думаю, что все эти прежние черти никуда не девались. Тут они, между нами. И все вступили в колхоз. Да не просто вступили, но хорошо устроились! Кто председательствует! Кто счетоводом. Кто в простых сторожах.

Борис уже не смеялся, улыбка на лице его была грустной.

— А ведь говорят, — продолжал Тотрадз, — твои предки в Дигории когда-то черта за заднюю ногу поймали. Сообрази-ка и ты что-нибудь.

— Тогда было проще, — опять усмехнулся Борис.

— Надо поехать в обком, к Бола, — глубоко вздохнул Тотрадз. — Когда-то он хорошо знал меня... Неужели не поймет? Интересно, почему сам никогда не приедет? — Помолчал, подумал и добавил: — Я бы на его месте так делал! Приехал в колхоз, и — не к председателю! Нет. Нет! А сначала к Темирболату, к Таурзат, к твоему отцу,

Долату... «О чем болеете? Отчего страдаете?» Посидел бы за стаканчиком араки, разломил крепкий теплый чурек, отведал зеленого лучку, редиски.. Или зубы свои берегут?.. Выясни все. Потом можно и к председателю, и к секретарю райкома. Я слышал, что Ленин так и делал. Где-то даже книжку об этом читал. Давно, но хорошо помню.

Помолчал и спросил вдруг Бориса:

— А вот ты тоже грозился написать в большие газеты. Так где же эта твоя статья?

— Да я пишу, — смутился Борис. — Но все боюсь. А вдруг не напечатают...

— На фронте был, — покачал головой Тотрадз. — Ордена заслужил, не боялся. Кого бояться в своем доме?

В это время на дороге, проходившей неподалеку, заплыли разом две машины. Они шли навстречу одна другой. Из кабины остановившейся полуторки выскочил Каламурза и побежал к другой машине, которая тоже остановилась. Черный продолговатый ЗИМ сверкал на солнце. Дверца открылась, и председатель влез в машину. ЗИМ тронулся, оставляя за собой низкий пыльный шлейф.

Борис вскочил и, глядя на дорогу, сказал:

— Если не ошибаюсь, это машина секретаря обкома Бола.

---

* 6 *

Когда Каламурза убедился, что колхоз обмолотил столько зерна, что рассчитается с государственными поставками, он повеселел. И, уединившись в своем кабинете, ушел в приятные размышления.

Прежде всего — передадут по радио: «Колхоз «Красный Кавказ», где председателем Каламурза Дудиев, на своих полях вырастил богатый урожай и раньше срока выполнил план государственных поставок». Появится портрет. А потом, может быть, пошлют и в Москву, на выставку. Если бы послали одного, и Машеньку бы с собой прихватил.

Позавчера с секретарем обкома смотрели колхозные поля, Каламурза постарался обрадовать высокого гостя, показал самые лучшие участки. Теперь на большом республиканском совещании, наверное, секретарь обкома скажет: «Я лично знаю Каламурзу. Хороший, умный ру-

ководитель...» Вот ведь как может прогреметь имя человека!.. Когда-то и Азамат был всего-навсего трактористом. А теперь...

Каламурза дважды стукнул по стене. Тотчас явился Циусур и остановился около дверей, вопрошающе-почтительно глядя на председателя.

— Ну, как живешь? — развалившись в кресле, спросил Каламурза. — Что-то, кажется, тебя беспокоит?.. Бережешься от выпивок, от женщин, а лучше меня не выглядишь! Так, как дела?

Циусур посмотрел на председателя многозначитель но, покачал головой понимающе и негромко, почти шепотом заговорил:

— Дела, говоришь? А, ты, конечно, про эту... как ее... хозяйку «шестерки»? — (Забыл имя Машеньки. Вот так же кто-то из хитрецов в сказке название хлеба забыл!)... — Ты о той муке, которую она вывезла с мельницы?

— Не болтай ты зря! — сразу сел прямо Каламурза. — Мука! Шестерка!.. Чирьи на языке появятся!

— Ах, понимаю, понимаю! — ядовитый Циусур изобразил на лице угодливость. — Ты о тех грушах, которые спустили заготовителю кож...

— Да перестань ты болтать! — чуть не подпрыгнул в кресле Каламурза. — Нам нужно сделать государственное дело, а ты со всякой ерундой!

Он был готов, казалось, съесть глазами горбившегося бухгалтера. Второй день — прекраснейшее настроение! Сердце в груди, как резвый ягненок! И вот, пожалуйста. Кажется, ближайший из близких, а какой ядовитый. Чего же ждать от других?

— Вот что, — сказал Каламурза мрачным начальственным тоном. — На днях заканчиваем поставки пленницы государству. Народ должен знать об этом своевременно. Твоя плешивая голова больше бородавчатой тыквы, а до простых вещей не дойдет...

— А вдруг не вытянем! Не хватит...

— Семенной фонд сдам. На базаре куплю. Но со своим государством рассчитаюсь! И раньше всех. Понял? Ради государства ничего не пожалею!

У председателя были красные, кровью налитые глаза. «Всю ночь опять ласкал свою Машеньку, — подумал Циусур завистливо. — Вот негодяй». Спросил:

— Очевидно, ты решил поторопиться с рапортом?

—Вот это мужской разговор! —широко заулыбался довольный Каламурза. — Ты все-таки не коршун, а настоящий орел!.. В прошлом году мы написали рапорт после того, как завершили хлебосдачу, а другие тут и определили нас! В этом году не допущу ошибки! Давай садись...

Председатель встал и несколько раз прошелся из угла в угол, вроде бы прислушиваясь к скрипу своих новых сапог. Потом, скрестив на груди руки, начал густым басом:

— Пиши... Секретарю Дубравинского райкома, товарищу... Подожди... Дорогому первому секретарю Дубравинского райкома товарищу Тутрову Азамату...

— Слово «дорогому» надо позже, после райкома, так всегда пишут, — сощурив один глаз, посмотрел на председателя Циусур.

— М-м-м... Да-да-а... Очевидно, так будет вернее... Дальше.

— Председателю райисполкома... дорогому товарищу, —тихо проговорил Циусур...

— А этого, еще зачем? Терпеть его не могу! Зачеркни! Пиши: «Колхозники колхоза «Красный Кавказ» во главе... со своим правлением, под вашим мудрым руководством, не жалея сил, вырастили богатый урожай...»

Циусур написал рапорт в трех экземплярах. Один оставил для колхозного архива. Два экземпляра Каламурза тут же положил в карман гимнастерки, вышел во двор и крикнул:

— Эй, кто там! Ну-ка седлайте коня! Азамат меня просит!

* 7 *

Однажды вечером Тотрадз возвращался с поля. Захотелось ему покурить, и завернулся он к тому шалашу, возле которого ссыпали во время уборки пшеницу: думал там найти сторожа, чтобы одолжить на закрутку.

После вывозки зерна на элеватор в колхозе его осталось чуть-чуть. Но и его Каламурза по каким-то соображениям не торопился перевезти в амбары. Пшеницу накрыли соломой и поставили возле нее Дзенаго.

Сторожа сейчас возле шалаша не было. Тотрадз посидел, отдохнул немного. А потом не понравился ему тяжелый дух от пшеничного вороха. Разгреб он солому, сунул руку в зерно — оно горячее. Преет! Засучил ста-

рик рукава, разбросал подальше солому, встал на колени и принял ладонями разгребать кучу. Рассыпал зерно, как хуртуан¹. Отдышался. И чуть не бегом, торопливым, сбивающимся шагом заспешил к правлению колхоза. Председателя не было. Парторг Михаил, как всегда, сидел в своем кабинете.

— Эх! — вскинул Тотрадз руки над головой, входя в кабинет Михаила. — Сел на нас верхом Каламурза. Измывается, издевается! Жалкие остатки пшеницы нашей горят. Да чтобы не носить вам ваших голов! Видать, и в поле пшеницу нарочно оставили без сторожа. Воровать легче...

Михаил читал очередной номер какого-то журнала. Все журналы и газеты, какие выписывали на правление колхоза, он регулярно просматривал. Подняв глаза на Тотрадза, парторг своим обычным негромким голосом сказал:

— Опять недоволен. Опять ругаешься. Расскажи-ка лучше, как ты будешь в этом году повышать свои политические знания? Я тебя записал в группу, изучающую «Краткий курс истории партии».

— Спасибо, коли записал. И зачем тогда спрашивашь?

— Положено опросить каждого. И каждый член партии добровольно...

— Если добровольно, так я тебе скажу. «Краткий курс» я изучал шесть раз. Все усвоил. Все понял. Только одного не могу понять. Отчего у нас в колхозе такие дела творятся?

— Ошибаешься, Тотрадз, ошибаешься. Нельзя так нигилистически, — это слово Михаил выговорил трудно, но с удовольствием, — относиться к учебе. Чтобы двигаться вперед, надо историю знать хорошо... История указывает путь.

— По-моему, тот путь, который нам указывает история, и тот, по которому идет «Красный Кавказ», слишком разошлись.

— Ошибаешься, никакого расхождения не вижу.

— Ты многое не видишь.

— Скажи-ка, что тебе опять не нравится? — Михаил голоса не повышал, но по всему чувствовалось: разговор ему не по душе. — Разве мы плохо работаем? С государств-

---

¹ Хуртуан — зерно, рассыпанное для просушки на солнце.

вом рассчитались первыми. Рапорт читал?.. Еще раз перечитай — вот газета специально висит на стене. Одними из первых.

— Промотали даже семенную пшеницу.

— Не промотали, а сдали государству. Государству! А все-таки, как ты, конкретно, насчет учебы? Райком с меня спрашивает.

— Я уже выучился...

Михаил хитровато сощурил карие глаза и спросил:

— Выучился? А скажи-ка тогда, кто такие народники?

— А это Каламурза и ты!

— Как?.. Как?..

— Вред от вас народу. Замучили вы людей!

Михаил вдруг поднялся с быстротой, ему не присущей, выбежал из-за стола, замахал кулаком и заговорил скороговоркой:

— Да ты с ума сошел! Разошлись, говоришь? Промотали? Народниками нас называешь!.. Да ты что же это, а? — Он покрутил головой, перешвырял журналы со стола на подоконник. — Я этого больше так не спущу! Распустился. А еще в старых большевиках числится!

— Оставь болтовню, — устало ответил Тотрадз. — Пошли лучше кого-нибудь к пшенице. Пропадет совсем.

И, не посмотрев более на пышущего гневом Михаила, вышел из кабинета.

---

* 8 *

Горы уже дышали вечерней прохладой; в такой час все в селе заняты делами по хозяйству, и на улице почти никого нет. Тотрадз, сидевший на скамеечке возле ворот, слушал, как в комнате играет на гармошке дочь. Радовался, что получается у нее неплохо, и, как это бывает со всеми родителями, удивлялся: выросла. Последняя, младшая, которая, казалось, совсем еще недавно на ноги встала, сегодня уже школу заканчивает. Выросла...

— Эй, дорогая материнская родня, живы ли еще? — шагавший по улице Мика или был навеселе, или уж такказалось, что он всегда чнемного пьян. Зажав в руках ладонь Тотрадза, Мика долго тряс ее.

— Офф, офф! Клянусь Хетагом, замучился вконец! — и, как усталый человек, тяжело опустился рядом с Тот-

радзом. — А ты почему грустный? Душу за тебя отдам, клянусь богом! Никого-то у меня кроме тебя нет. А ведь и у самого у меня сердце разрывается от злости. Нет на этом свете правды! Нет и, видимо, не будет. И не говори... Ты этому не веришь, а я давно это понял...

— Случилось что-нибудь?

— Оскорбили! Невозможно стало жить справедливому человеку. В газете опять протянули... И кто ты думаешь? Бориска черноухий. В поле, пишет, мой участок сорняком зарос. За восемь месяцев, пишет, и восьми трудодней не заработал. Ха-ха-ха! — захохотал вдруг Мика. — Сто трудодней ему надо!.. И в день Хетага в прошлом году, пишет, жертвенные деньги прибрал. Да пусть святой Хетаг обрушит гнев на его бессовестную голову! Всю жизнь берегу себя от ворованного, как от огня.

Тотрадз знал, что Борис собирался написать о делах колхоза, но что статья уже появилась, еще не слышал. Сейчас, опасаясь, что не сможет удержаться и сам наговорит больше, чем сказано в той статье, молчал.

— Такие колхозники, пишет, — продолжал Мика, — в нашей жизни — тормоз. Это я, значит, тормоз? — лицо его потемнело, веки опустились на мутные от бессонницы глаза. — И, думаешь, только меня лягает черноухий ишак? Каламурзу! И... даже Марию ушипнул — жену Дзандара. Она когда-то с открытым ртом его оставила, так он теперь мстит ей... А я-то при чем?..

Он подсел поближе к Тотрадзу, положил руку на его колено.

— Ты справедливый человек. Хотя справедливых людей теперь нет, но... А вообще, чего это я переживаю! Плевать! — и Мика распахнул ворот черкески, сдвинул золотистую каракульевую шапку так далеко набекрень, что обнажилась и лихо блеснула половина гладковыбритой головы. — Значит, по-твоему, правду пишет твой черноухий приятель? — спросил Мика и опять правую руку опустил на колено Тотрадза.

— Между прочим, — сказал Тотрадз, — настоящий мужчина не будет говорить про человека: черноухий или белоухий...

— Погоди, — не слушал его Мика. — Ты, значит, на этот раз прозевал газету? И называешь еще... Этот, как его? Агитатыр, агитатыр!

Он хотел еще что-то сказать, но, уставившись глазами в небо, замер — вспоминал... Торопливо расстегнул крючки черкески. Сунул руку за пазуху. Опять задумался. Потом стукнул Тотрадза по колену и показал на свои ноги. На черных, до блеска начищенных сапогах — калоши. Старые разбитые калоши: сапоги беречь надо. Быстро сняв левую, достал из нее газету и сунул Тотрадзу под самый нос.

— Вот она, ваша паршивая! Под каблуком ей только и место. У самих бога нет, так зачем моего задевать? Чтобы благородной тагаурской¹ крови Микала присвоил жертвенные деньги... Клянусь вот этим святым булатом, — Мика постучал по серебряной ручке кинжала, — если бы не боялся за твою, родную мне голову, выпустил бы твоему дружку-клеветнику его поганые кишкі!

Ох, этот Мика!.. Знает он всю сложность жизни. По-своему знает. Даже на пирах, для которых режут быков и где арака и пиво текут полноводными реками, не всем достается поровну. А почему?.. По велению бога...

Мике уже шестьдесят. А как молодо он выглядит! Не знает, что такое болезни. И в голосе никакой хрипоты. На работе от случая к случаю. Вот если нужно скот закупить для колхоза или торговую сделку устроить повыгоднее — Каламурза бьет челом мудрому Мике. Или вот — свадьба. Подарок кому-то преподнести (не каждый может преподнести с достоинством подарок). Визит жениха, крестины, праздник в честь новорожденного мальчика, пасха, праздник святого Георгия, день святого Хетага — везде он тамадой или же главным распорядителем... Опять же: поминки, сорок дней, — все люди смертны — Мика и там прислуживает. Скотину режет, кладовой распоряжается. Теперь уж многие в Дубравах убеждены: без Мики трапеза — не трапеза.

Отец Тотрадза и мать Мики — дети от двух братьев. Когда мать Мики была жива, Тотрадз захаживал к ним. Старушка всегда говорила:

— Да чтобы достались мне все твои недуги, радость ты моя. Понимаешь ты толк в жизни. А вот мой Мика только и знает пиры да пляски. Лишние у него позвонки в пояснице.

— Эх, — горячо продолжал Мика, потрясая газетой перед лицом Тотрадза. — Перестал ты знать своих родст-

¹ Тагаурцы — до революции привилегированное сословие в Осетии.

венников и близких. Я — кровный твой брат, Каламурза — твой племянник. Да, да, племянник твой! Бабушка его бабушки из фамилии Габуевых. А ты, как коршун, клюешь его. Тебе, видать, по душе долговязый балбес Борис и черношай кударец¹ Темирболат? Чего ты отодвигаешься от меня? Я же паршой не болею! Я и не выпивший, и не голодный. Я только не могу... Я не хочу ишачить в колхозе! В прошлом году на трудодни получил только пуд кукурузы!..

— Значит, те, кто работает в колхозе, ишаки? — Тотрадз сердито повернулся к Мике. — Знаешь что, родственник! Ты всю жизнь — дармоед и мошенник! Ни совести у тебя, ни стыда! Правильно сделали, что протянули тебя в газете! И этого тебе еще мало.—Тотрадз встал, вошел во двор и захлопнул за собой калитку. Мика вскочил и, подбоченясь, захочотал на всю улицу:

— Посмотрите на этого партейного! Ха-ха-ха! Агитатыр! Ха-ха-ха! Колхоз — малхоз. Пуд кукурузы. Агитатыр! Ха-ха-ха!!

И долго еще в сумерках раздавался пьяный голос Мики.

* 9 *

Секретарь Дубравинского райкома партии Азамат Тутров, прихватив с собой главного агронома районного земотдела, с утра объезжал тракторные бригады. А в полдень из города явился уполномоченный Министерства заготовок, и Азамат поехал с ним осматривать кукурузные поля.

По подсчетам гостя, гектар в среднем давал двадцать—двадцать пять центнеров зерна. Азамату показалось, что это слишком! Но он своих мыслей не высказал.

Район взял на себя обязательство: взять с каждого гектара не менее двадцати пяти центнеров. Азамат теперь уже убедился, что соберут от силы половину. Но как об этом говорить? Еще три дня назад заверили секретаря обкома, показав ему самые лучшие поля, что постараются выполнить обещание.

И все-таки сейчас, глядя на самоуверенного гостя из Министерства заготовок, Азамат думал неприязненно:

¹ Черношай кударец — так пренебрежительно называет Мика южных осетин.

«Ему-то что! Вырастет, не вырастет, а он выхватит, сколько сумеет. Рапорт напишет. И будет ждать следующего урожая. А как мне держаться перед колхозниками, которым на трудодни опять мало выдадим».

Около участка Тотрадза к машине вышел сам звеньевой.

— О! — восхищался уполномоченный министерства, озирая ровные строгие заросли, шумно шелестевшие мощными листьями, — этот колхоз получит минимум сорок центнеров с га! Побольше бы нам таких колхозов! Вот бы мы тогда выполняли планы!

Тотрадз стянул с головы войлочную шляпу, помял ее в руках, взглянул на гостя.

— Пообещаем, не подумав, — буркнул он, — а потом сидим в луже. Да наш колхоз за пять лет не собирал столько! В прошлом году записали нам по двадцать пять центнеров, а собрали-то по тринадцати!

— Мне помнится, что ты член партии. А послушать тебя, так у нас колхозники с голоду мрут, — сурово проговорил помрачневший гость.

— Да нет, ног еще не протянули. А все-таки, помимо хлеба, в доме еще бы нужно кое-что иметь. Одним чуреком не проживешь.

— Каждый может приобрести то, что желает! Пусть продаст свинью, индюка!

— Неплохо знаете жизнь крестьянина!.. — губы Тотрадза скривились в едкой усмешке.

Когда заговорил Тотрадз, у Азамата появилось желание поддержать его и этим застраховатьсь на будущее. Но спорить с ответственным гостем в присутствии рядового колхозника! А потом... Азамату вспомнилась недавняя беседа с секретарем обкома, обязательства района. И он оборвал Тотрадза:

— Пустые разговоры ничему не помогают, и вести их не следует, — и вслед за гостем полез в машину.

* * *

...Во двор к Азамату въехала бедарка. С нее слез Каламурза

— Что это так рано легли, хозяева? — входя в прихожую, басил он. Навстречу ему, медленно перелигая толстые ноги, вышла высокая Ханифа, хозяйка дома

— Добрый вечер, сестра моей матери! Неделю уже, целую неделю тебя не видел. Соскучился. Как живете? Сам дома?

— Слава богу, хоть однажды пришел вовремя.

— Много работает, ох много! И уставать ему некогда, клянусь отцом и матерью. — Каламурза понизил голос. — Подожди меня немного. — И, тяжело отдуваясь, принес из бедарки ящик, такой вместительный, что хоть целый мешок туда высыпай. — Сестра моей матери, возьми вот немного груш и на шашлык.

— Спасибо, спасибо. Каждый раз такие расходы... Галя! Ну-ка, выгляни!..

Из дверей вышла пожилая женщина, домработница Тутровых. Когда-то Ханифа пригласила ее из города. У женщины муж не вернулся с фронта, единственная дочь, выйдя замуж, уехала.

Из-за Гали пришлось выдержать бой с мужем. Азамат не соглашался брать домработницу: «Кто-то на меня будет батрачить!»

Ханифе трудно было уломать мужа еще и потому, что она сама нигде не работала. Когда-то, еще до замужества, была она в районной больнице медсестрой, но это было так давно, а теперь она жена первого секретаря райкома.

Азамат сдался лишь после того, как побывал однажды с женой в городе, у большого руководителя. Хорошо принимали там гостей, и как проворна была домработница. А ведь жена того руководителя тоже нигде не работала, и дети у нее были повзрослев.

После того как в доме появилась Галя (так ее звали, хотя была она совсем немолода), Ханифа легко вздохнула и стала полнеть...

— Галя, возьми все из этого ящика: мясо — в холодильник, а фрукты — в кладовую.

— Только прошу, — Каламурза показал глазами в сторону комнаты Азамата, — самому об этом ни слова.

— Ладно, ладно, — отвечала тихо, с улыбкой Ханифа. — У тебя опять душа ушла в пятки.

— Если бы только душа! — Каламурза взялся за грудь, мясистое лицо его попыталось страдальчески сморщиться. — Ведь после того случая... пороком сердца страдаю.

Дело в том, что мать Ханифы и бабушка Каламурзы носили одну фамилию. Раньше об этом никто и не подоз-

ревал. Но Каламурза оказался верен родственным чувствам. Когда Азамат стал видным человеком в районе, Каламурза первым открыл узы родства между далекими семьями и старался их свято поддерживать. Однажды, зарезав откормленного барана, бросил полтуши в повозку и привез секретарю райкома. Дома — одни ребятишки. Каламурза сам повесил в кладовой баракину и уехал. Назавтра рано утром во двор к Каламурзе вдруг въехала райкомовская машина. Шофер, ничего не говоря, принес и положил перед Каламурзой оставленное им вчера у Азамата. Председатель колхоза даже не поверил, что его так жестоко оскорбили. «Ведь Азамат тоже человек! Ему тоже жить надо!» С тех пор Каламурза преподносил подарки тайно! Правда, дарить тайно, все равно что золото бросать в воду! Но утешало лишь то, что Ханифа вдруг да иногда проговорится! А Азамат, как полагал председатель, сделает вид, что ничего не понял...

Проводив Галю с ящиком, гость с хозяйкой вошли в комнату. Азамат в носках, но в том самом кителе и брюках, в которых был сегодня весь день, лежал на диване, прикрыв глаза.

— Добрый вечер! Лежи, лежи, ради отца своего и матери, — вскинул руки перед собой Каламурза, уговаривая Азамата. А у того и мысли не было подниматься. — Беспокоюсь о тебе... Вид у тебя что-то сегодня неважный, не надумал ли болеть? — председатель придвинул к дивану стул и опустился на него.

— Спасибо, ничего, — нехотя ответил хозяин.

«Как бодливый бык опять смотрит, — подумал Каламурза. — Опять чем-то недоволен! Как же ему выкладывать жалобу? Чем задобрить? Может, председателя райисполкома пнуть? Рассказывают, они часто бодаются»,

И Каламурза заговорил:

— Ты уж извини, Азамат, но я просто не могу понять Уруспи. Ты даешь указания, а он — свое! Что это такое? Или это от зависти, что его замечать не хотят, когда ты на месте?

Загорелое, хмурое лицо Азамата совсем помрачнело. Карие глаза уставились в одну точку. Азамат понимал, куда метит Каламурза. И в другой раз он бы оборвал его. А теперь... Верно, что Уруспи очень уж вмешивается в дела района. Вот недавно осматривали вместе поля. Остановилась машина. Надо было пройти пешком. В горку. Шли. Крутая горка. Задохнулся. Так ведь надо

этому Уруспи сразу шуточку: «Стареешь, кажется!.. А вообще, что же удивительного? Столько лет и все первым секретарем! Все в машине!»

Или другой случай. Колхозу «Иристон» Уруспи не разрешал сдавать семенную пшеницу. Разве Азамат не знает, что колхозу нужны семена? Но тогда бы не смогли отрапортовать!..

«Нет, так у нас ничего не выйдет, — подумал Азамат. — Или я, или он... А вообще, другой вместо него нужен. Но кто?.. Алибек?.. Нет, Алибека не утвердят. В обкоме его не любят. Сослана Макеева! — вдруг пришло в голову. — Удивительно спокойный парень. Когда-то я его выдвинул в райком комсомола. А сейчас уже инструктор обкома партии. Он добро помнит.

Вспомнилось, как недавно в городе у родственников Ханифы Сослан весь вечер, соблюдая обычай, прислушивал старшему по возрасту Азамату.

«Вначале назначим его вторым секретарем, а потом поставим председателем райисполкома. Это, пожалуй, подходящий вариант!»

«Кажется, не промазал!» — самодовольно думал Каламурза. И продолжал:

— А какую грязь льет на нас Борис!.. Если ты на кого-либо обижен, то скажи прямо! Чего мудрить! Все село над ним смеется. Уж поверь мне... Знают все: он жене Дзандара мстит. Плюнула она когда-то на него. А о Мике... Что о старом Мике не наговорил! Но это же клевета! Разве Мика нуждается в ворованном? Все это наговоры Тотрадза. Я хочу жаловаться на них. Ведь эта газета и до Москвы доходит! Какая уж там честь, если они не только обо мне... Нет, но как это можно! Даже о тебе не подумали клеветники. А этот старый напрямую тебя в разговорах затрагивает... Все в колхозе возмущаются клеветниками. Говорят, статья — позор для республики. Что в Москве скажут? Довели, скажут, колхозы! Какая клевета, клянусь отцом и матерью!

У Азамата был озабоченный вид. На лбу пролегли глубокие морщины, густые черные брови нахмуриены. Потом морщины разгладились, а по лицу скользнула какая-то непонятная улыбка. Азамат достал из кармана гимнастерки письмо.

— Чепуха все это. Не обращай внимания. Да, кстати, на, возьми эту бумагу. Только не поднимай опять тревоги.

Каламурза взял бумагу. Пробежал начало, а потом заглянул в конец. Заметив подпись Тотрадза Габуева, он почувствовал дрожь в руках.

«Секретарю обкома партии товарищу...

Пишу от имени наших колхозников.

Когда-то мы с тобою хорошо знали друг друга. Встречались. Но теперь другие времена... И все-таки мы, колхозники Дубравинского колхоза «Красный Кавказ», просим тебя рассмотреть наше заявление. Нет у нас больше охоты работать. Некоторые из наших руководителей свернули с пути, указанного Лениным. И потому многие из честных тружеников покидают село. Кто уехал на лесозаготовки, кто на шахты, кто еще куда. И разве можно их осуждать!.. Колхоз наш пришел в упадок. Совсем разваливается. Долгов у нас больше, чем доходов. Мы вынуждены прикупать хлеб, потому что неправильно пользуемся землей. Ссылаясь на инструкции, нас заставляют засевать наши земли то тем, то другим. Пшеницы столько-то, кукурузы столько-то! Говорят, сейте сою, овес, кенаф. А польза от них?

Наш председатель Дудиев Каламурза, как говорят в народе, пригнав стадо на водопой, возвращает его жаждущим: кормит колхозников одними обещаниями. Зато у него много дружков, с которыми он вдосталь пьет араку. Скоро совсем в трубу пустит колхоз.

Наша партийная организация хромает на обе ноги. По настоянию Каламурзы, ее возглавляет Михаил. Совершенно безвольный, нерешительный человек. Только и смотрит в рот Каламурзе.

Может быть, тебе и не понравится, но я скажу прямо: первый секретарь райкома Тутров Азамат тоже перестал различать правого от виноватого. Я лично говорил с ним, но вместо того чтобы прислушаться к голосу народа, он только прислушивается к тому, что ему нашептывает Каламурза.

Откровенно тебе скажу еще об одном деле. Недавно, проезжая мимо, ты не заглянул к нам. Колхозникам это было очень неприятно. Неправильно ты сделал. Поэтому приезжай к нам немедленно. Здесь, на месте, поговорим обо всем подробно. Нужно принять срочные меры.

Тотрадз Габуев, большевик с 1920 года. Сел. Дубравы, август, 1953 год».

— Кляузник! — прошипел Каламурза. — Кляузник! Врагами народа, народниками нас с Михаилом называ-

ет. И тебя... Всегда он против начальства. А совсем недавно избил шофера. Хлеб государству вывозил шофер. Тотрадзу не поправилось, что мы с государством по пшенице рассчитались первыми. Плевать ему на государство! Даже его родственник, Мика Слонов, устал от его нападок. Это все они вдвоем с Борисом.

Азамата беспокоил резкий и откровенный тон письма. Как на него ответить? Впрочем, может, и отвечать не надо, а просто позвонить: дескать, так себе, — разговоры. Не заслуживающие внимания. Но все же сердце его ныло. Почему вдруг так на него написали. На Азамата, на первого секретаря, на депутата Верховного Совета.

«Времена, что ли, меняются? Или я уже не тот?» — с тревогой думал он.

* 10 *

Двухэтажный дом, выпустив из своих дверей эту стройную высокую девушку, наверное, ревновал ее к шумному сильному Тереку, к которому она сразу же направилась. Она шла, помахивая маленькой кожаной сумочкой, сегодня, наверное, самой модной в Орджоникидзе. И платье зеленого шелка на ней, самого модного покрова. Каштановые подстриженные волосы уложены самой искусной рукой в городе. Тонкие черные брови, голубые глаза, оттененные длинными ресницами, матовая бледность лица — она так хороша, эта стройная девушка! А потом — настроение! То самое, когда говорят: «Душа поет!»

До вчерашнего дня она работала в городской амбулатории, а вот теперь в центральной больнице. Легкая рука у этого Виктора. Славный он человек. Кандидат наук. Министр — его родственник...

Она шла по вечерней улице гордая и нарядная. И хотя знала, что уже бесконечно опаздывает, в трамвай не садилась. Нравились ей восхищенные взгляды и даже «женихи», как всегда, прилипчивые и готовые хоть сейчас «посвататься», не так уж раздражали.

Сослан ждал в назначеннном месте. Увидев Зину, он, как всегда, заулыбался смущенно и радостно, пошел ей навстречу.

— Целый час... — произнес он, не укоряя, но будто говоря: «Ты знаешь, какой вечностью мне кажется каждая минута, когда приходится ждать».

Она это поняла и только улыбнулась, ничего не отвевив.

Зина знакома с Сосланом около года. Наверное, потому, что собою невиден, при первых встречах он не произвел на нее никакого впечатления. А мать и до сих пор не может примириться с тем, что дочь отвадила от дома десяток стройных, красивых парней и встречается с каким-то коротышкой.

— Обломок клина! — честит она его. — Кажется, еще и колченогий!

Отец не соглашается с матерью.

— Ему не на каланче стоять. А рана на ноге — война была. Толковый парень. С душой. Это я, психолог, со всей ответственностью утверждаю.

— А куда бы со своей толковостью денется, — раздражалась мать, — если завтра попросят из обкома? У него какое образование? Партийная школа в Москве! А где нужно такое образование, кроме партийной работы... Разве с тем же Виктором сравничь! Кандидат наук! Диссертацию издает отдельной книгой! А собою каков! Из такого пять Макеевых выкроить можно!..

Внизу, под мостом, шумел Терек. Невидимый, он казался еще более грозным и яростным.

— Притих город, — сказала Зина. — Отдыхает... В такие минуты кажется, что он и совсем может уснуть. А сердце все равно будет жить. Терек — сердце нашего города. Сколько в нем энергии!

— Да ты поэт! — улыбнулся Сослан, вглядываясь в ее глаза, которые в темноте казались огромными.

— Да не смейся! У меня настроение сегодня знаешь какое?.. Я вот брошусь в воду и... уплыву.

— Ты смелая? — Сослан спросил это так серьезно, что Зина даже насторожилась. — А что, если тебе завтра скажут... Вызовут в ваше министерство и скажут: нужно... не в Терек броситься, но... поехать работать в район. Скажут тебе. А ты?

— А я им отвечу смело: «Не поеду!»

— А если тебе скажут: «Вы очень там нужны».

— Ах, оставь! — отрезала она, начиная сердиться. — Ну что ты меня пытаешь! Если я буду нужна, то не спрячусь...

Сегодня почему-то ей все кажется красивее: и родной город, и редкие прохожие, и шум Терека... Вот так же в прошлом году. Они стояли здесь же, на мосту,

и Сослан вдруг показался ей привлекательным, интересным...

Сейчас они стояли молча. Сослан посмотрел на нее спокойными, добрыми глазами и вдруг тихо сказал:

— А я поеду...

Она долго не могла его понять: куда ехать? Почему? Человеку только что дали квартиру. И потом... У нее были свои мечты. Она ни с кем ими не делилась. Но она очень часто себя видела так. Вот они с Сосланом едут в «газике». Потом у Сослана «Победа». Ее сменяет ЗИМ. Зина, супруга Сослана, известный медицинский работник, проезжая по главной улице города в открытой машине, кивает знакомым... Идут в театр... С ними здороваются, здороваются...

Сейчас ей так смешны показались мечты. «Какая я еще девчонка!.. Ну совсем, совсем девчонка!»

— Ты радуешься тому, что не будешь меня видеть? — упрекнул Сослан.

— Да, давно мечтаю об этом, — в тон ему ответила она. Но тут же, почти с обидой, спросила: — Что, в районы едут все работники обкома?

— Да нет, не все. Но я дал слово...

Она все еще не понимала. «Может быть, его наказали?.. Кому-нибудь не понравился. Или?..» Даже это подозрение вдруг появилось. Был когда-то у Зины хороший друг. И тоже ее любил. А однажды сказал: «У тебя несносный характер. С тобой вместе быть невозможно!» И больше уже не приходил. Может быть, и Сослан вдруг захотел уйти?

— Я дал слово, — говорил тихо Сослан. — Меня позвали... Работать в райкоме. И если бы со мной поехал человек...

Он смотрел ей в глаза. Каждый раз он видит в них вселенную. А вот сегодня, в неярком светевысоких фонарей, они непонятны ему. Может, она плачет? Нет, не плачет — задумалась.

А Зине казалось, что в этот теплый тихий вечер на нее вдруг налетел снежный буран. Налетел, и она стоит на мосту над ревущим Тереком, потерявшаяся... Что она может сказать...:

И в эту минуту, когда сердце особенно сильно охватило холодом, ей вдруг почему-то представился Виктор. Высокий, стройный. И только в улыбающихся глазах немногого больше, чем всегда, самодовольства.

Однажды вечером, когда Тотрадз вернулся с сенокоса, ему передали записку. «Секретарь райкома Азамат вызывает тебя завтра к десяти утра». Тотрадз удивился: «Зачем секретарю понадобились мои старые кости!»

Назавтра, встав рано, оделся во все чистое и направился в райком. Шел по улице села, посматривал по сторонам, и показались ему родные Дубравы еще более бедными. Ни в одном дворе нет амбара. Что же это за крестьянин без хранилища для зерна! Вот перед домом повалены два грушевых дерева. Когда-то Тотрадз на два дичка, отвоевавших себе место у канавки, привил «глазком» хороший летний сорт. Какие деревья выросли! А сейчас вот лежат. Вздохнул глубоко старый Тотрадз.

За селом, проходя по длинному деревянному мосту, остановился. Посмотрел на реку. «Буйствуешь?.. Как и прежде, все буйствуешь...» И вспомнилось давнее-давнее. Заболела дочь. Первениц. Врача на селе тогда не было. И моста тогда не было. Жена держала на руках дочку. Он понукал лошадь, боявшуюся быстрой воды. Доехали до середины, и девочка скончалась. А в другой раз он вез колхозный хлеб сдавать. Река перевернула бричку. С трудом спас лошадей. Чуть живым выбрался сам...

Многое заставляет припомнить этот бурный поток... «Сколько всяких трудностей пришлось преодолеть! Сколько пришлось перенести!»

Было около девяти, когда Тотрадз вошел в райком. Перед кабинетом Азамата уже толпились люди, а девушка-секретарь, сидевшая за маленьkim столиком, не поднимая головы, будто тут никого и не было, читала книгу. Тотрадз спросил ее:

— Можно пройти к Азамату?

— Будешь нужен, сам вызовет — ответила она, не отрываясь от книги.

— А может, я нужен? — неволко улыбнулся Тотрадз.

— Я уже сказала вам, — недоуменно посмотрела она на Тотрадза, — он занят. И не любит, когда ему мешают: Тотрадз стал ждать. Из кабинета никто не выходил. Старик взял со стола девушки газету, прочитал ее — его не вызывали. Тогда он снова подошел к столику...

— Узнай-ка, пожалуйста. А то я тоже очень занят...

Она нехотя поднялась, прошла в кабинет и, вернувшись, сказала:

— Азамату вы не нужны. Вызывал вас Алибек. Он сейчас выйдет.

Неприятно было Тотрадзу слышать такой ответ. Почему же заставили столько ждать? И зачем это он понадобился Алибеку? Никогда к нему не обращался!.. Но порядок есть порядок, и Тотрадз промолчал.

Скоро из кабинета Азамата вышел с толстой папкой под мышкой Алибек. Вид у него, как всегда, деловой, черные волосы растрепаны, холодные глаза за очками рассеянно-тусклы. Одно-единственное слово бросил он Тотрадзу: «Пошли». И, сутулясь, зашагал к себе в кабинет. За ним пошел и старик.

Алибек сперва сам сел на свое место, потом уже предложил и Тотрадзу; долго перекладывал бумаги в папке и углубленно изучал их. Старый и так устал ждать, а тут еще Алибек явно не торопился. Тотрадз не выдержал:

— Я кому-нибудь понадобился? Вы посылали за мной? Сегодня мне еще нужно быть в поле...

Алибек и головы не поднял. Долго копался в бумагах, потом произнес:

— Занят, говоришь, значит?.. Не торопись, успеешь... — и, взяв из ящика стола чистый лист, начал на нем писать.

Тотрадз сидел, осматривал кабинет. Кипел злостью, но сдерживался.

Наконец Алибек кончил писать, отодвинул бумагу в сторону, снял очки, протер их носовым платком и снова надел.

«Тут что-то неладное, как я посмотрю, — подумал Тотрадз, и сердце у него защемило. — Слишком уж он сегодня не торопится!»

Первый секретарь поручил Алибеку провести расследование, как он выразился, «по поводу письма Тотрадза в обком». И Алибек с полным пониманием всей значительности порученного дела (и не простого дела — политического) приступил... Он понимал, что дело требует от него особого достоинства. Начинать просто? Ну нет! Не нужно торопиться и надо проявить максимум гуманности.

— Ну, как живешь, значит? Как семья? — спросил он, посмотрев на старика; взгляды их встретились, и Алибек чуть не выдал себя: так возбужденно сверкали его глаза. Но тут же он спрятал их, уставившись в стол.

«Забавно! Но в чем же все-таки дело? — удивлялся про себя Тотрадз. — И почему это вдруг тонкоголосая ли-

са передо мной своим хвостом метет?» Отвечал он сдержанно:

— Спасибо. Живем. На здоровье не жалуемся. А что на свете есть важнее хорошего здоровья да доброго человека...

— Хым, — не выдержал солидного тона Алибек. Удивило его и насторожило: «Куда это гнет старик, намекая на доброту?.. Сам-то хорош, добряк! Всех грязью поливает...» И Алибек, уже не считая нужным таиться, заговорил жестко.

— Мы тебя считали справедливым человеком, значит. Сколько раз нам жаловались на тебя. Но я никогда и пикнуть не позволял в твой адрес. А ты оказался... Кто мог только подумать!

— Не понимаю вас, — вытягиваясь над столом, сказал Тотрадз.

— А скажи-ка, почему ты членов партии, ответственных работников, называешь врагами народа? Небылицы и кляузы почему написал в обком?

Тотрадз смотрел растерянно, но уже понимал все. Удивительным было то, что письмо в обком вдруг оказалось здесь. А сказанное в порыве гнева Михаилу дошло до райкома.

— А почему ты избил шофера, вызвавшего зерно государству? Как тебе нравится этот твой антисоветский выпад? — продолжал спрашивать Алибек холодным и все набиравшим силу голосом.

Тотрадз вздохнул, покачал головой и ответил спокойно:

— Вы бы лучше другие выпады обсудили. Того же Каламурзы. И свои тоже! Хоть я и не называю их антисоветскими. Не умею я, как вы, бросаться такими словами.

Лицо Алибека помрачнело.

— Так, оказывается, у тебя еще и антипартийные замашки, значит? — зрачки Алибека блеснули за стеклами очков, как острия кинжалов. — Значит, колхозники в Дубравах не знают, куда от тебя деваться — головы о стенки бьют! А теперь ты взялся за район? За партруководство?

— Молодой человек, тебя подводят те, с которыми ты пил...

— Как пил? Это ложь!.. — вскочил с места Алибек. — Почему ты решил, что изучать историю партии лишнее дело?

Тотрадз хотел опять ответить грубо, но сдержался. Спросил голосом, глухим от негодования:

— Почему мое письмо у тебя? — и тоже встал с места. — Объясни мне, что будете с ним делать? Какое мнение у Азамата? И что вы там находите неверным? Или не согласны, что колхоз дошел до развала? И что колхозники ничего не получают, разбегаются?

— Ты садись. Не спеши! Ты объясняй... Говоришь, значит, колхоз пришел в упадок? Люди бегут из колхозов? Как ты можешь допускать такие вещи? Так говорят только наши враги. А ты кто? Ну, кто? Скажи...!

Тотрадз опять ничего не мог сказать. Он задыхался от ярости. Посмотрел на дверь. Наконец, тяжело дыша, проговорил:

— Молодой человек! Тебя еще и на этом свете не было и Ленин еще был жив, когда я вступал в партию. В горном ущелье я с Кировым разговаривал. Много я встречал на своем веку людей. Самых разных людей. Но никто из них таким языком со мной не разговаривал. Не перед судом же я! И я поговорю о тебе с Азаматом. Он-то меня уж знает! Вот зайду к нему, — от волнения у старика задрожали губы, руки.

— Успокойся, пожалуйста, не горячись. — Алибек вспомнил слова Азамата, что если старик раскается в своих ошибочных суждениях, то можно будет ограничиться предупреждением: все-таки он честно трудился в былье времена. И Алибек заговорил более мягко: — Лучше признай свои ошибки... Чистосердечное признание поможет. А Азамат... Азамат уехал в город.

Тотрадз встал, презрительно посмотрел на Алибека и покачал головой:

— Мне больше не о чем говорить. Дай бог вам больше ума. До свиданья. — И закрыл за собой дверь.

---

* 12 *

Азамат приглашал всех членов бюро райкома. Но для какой цели, никто не знал. Председателю райисполкома Уруспи, у которого отношения с Азаматом не были гладкими, и об этом знали все, и все относились к этому по-разному, не без ехидства сообщили, что Азамат приехал из города с каким-то гостем. И гость, кажется, не собирается отбывать.

Азамат выглядел усталым. И когда собралось большинство членов бюро райкома, он без энтузиазма и радости объявил:

— Наш второй секретарь уезжает на учебу. На его место обком направил Сослана Макеева. Вот, знакомтесь.

Невысокий. На худощавом лице черные глаза кажутся очень большими. Без робости и застенчивости, хотя еще молод. Ногу, кажется, слегка волочит.

«Еще один порученец для Азамата», — подумал Урусси и спросил:

— А когда будет пленум? Кажется, на пленуме...

Азамат не торопился с ответом.

— Придет время — будет и пленум, — и перевел разговор на уборку хлебов.

После совещания Азамат пригласил Сослана к себе домой.

Может быть, потому что Сослан уже обжился в городе и смотрел на все глазами горожанина, квартира Азамата ему не очень понравилась. Слишком много вещей. Два одинаковых дивана. На каждом коврик с бахромой. Светлый широкий шифоньер из карагача. Темные тяжелые стулья. Два стола. Два одинаковых ковра на стенах. На полу — медвежья шкура и тоже ковер с протертой серединой. На стенах — фотографии в рамках. В углу — этажерка с книгами. «Выкинуть бы половину этого, тогда бы комната имела другой вид», — думал Сослан... А вот сам хозяин ему нравился. Высокий лоб, небольшие острые глаза, медлительная речь — все говорит о природном уме. Еще на совещании Сослан заметил, что, кто бы чего ни говорил, но Азамат всегда поворачивал на свое. Крепкий мужик. Очень крепкий.

— Ну, как тебе нравятся наши дела? — Азамат положил тяжелую руку ему на плечо.

— Что я пока могу сказать?.. Там, где вы, должно быть хорошо.

— Можешь быть спокойным. Сердце в груди еще бьется крепко. — Азамату все больше и больше нравился покладистый Сослан. «Не ошибся я, — думал он. — С ним мы, кажется, найдем общий язык».

— А какие это заминки с уборкой урожая? Почему тревога у председателя райисполкома?..

Тут как раз Ханифа и Гая принесли холодную курицу и пироги. Молчаливая Гая стала быстро накры-

вать стол. Можно не отвечать, и это было очень кстати, так как Азамату вопрос гостя показался совершенно неуместным и излишним. И вообще... Азамат подумал, что все-таки лучше Алибека не было бы никого на месте второго секретаря. Но об Алибеке не хотят и слышать в обкоме. Дело в том, что как-то первый секретарь обкома партии приехал в район. Хотел побывать в колхозе, где сильный град повыбил пшеницу. В райкоме тогда никого кроме Алибека не оказалось, и гость попросил его показать дорогу к полям колхоза. Выехали на какой-то перекресток, а Алибек не знал, в какую сторону повернуть. Долго блуждали по полевым проселкам. Секретарь обкома сказал тогда: «Спасибо» — и оставил Алибека в поле.

Весь вечер Ханифа старалась как можно лучше угостить Сослан: новый заместитель Азамата и родственник! Азамат скоро повеселел и даже попытался затянуть песню.

— Да ты что, не опьянел ли? — встревожилась и обрадовалась Ханифа.

— Да, глядя на тебя...

— А ты бы домой приходил, как все люди, — упрекнула она его. — В месяц один раз являешься вовремя. А почему-то другие, посмотришь, отсидели в конторе и — домой... В нашем магазине такие красивые с розами ковры были. Я предупреждала: позвоните, как появятся! Отдали другим. Вот как ты их приучил: не считаются с собой. А другому на твоем месте и домой привезли бы! — повернулась к Сослану. — На голову ему сели. Не боятся. Разве это порядок. Мне так стыдно бывает.

Она сидела, закинув ногу на ногу. От запальчивости и возбуждения ее лицо краснело все больше и больше. Кажется, пользуясь случаем, она собралась кое-что высказать мужу. Но Азамат нахмурился и сурово сказал:

— Ты кончила?.. Пора. Постели нам.

Ему было неприятно, что жена так распустила при госте язык.

* 13 *

Время летело очень быстро. Сослану казалось, что дни стали короче. Он даже письма не успевал написать Зине. А очень тосковал по ней.

Азамату, видимо, хотелось познакомить молодого работника с районом и заодно показать себя в работе. Каждый день, чуть свет, садились в машину и до поздней ночи — на колесах. Азамат, приезжая в колхоз, прежде всего разыскивал председателя и вываливал на него целый ворох вопросов.

— Чем сейчас занимаетесь? Сколько человек в поле? Готов ли колхоз к уборке кукурузы? Когда заканчиваете сев пшеницы? Как с сенокосом?

Если председатель отвечал, как ученик, рассказывающий таблицу умножения, Азамат оставался доволен. И тогда он заканчивал разговор так:

— Поторопливайтесь. В этом году госзадание следует выполнить раньше, чем в прошлом году. Не подкарайтесь...

Сослан начал уставать от этого однообразия. Дорога. Поля. Люди где-то в стороне. Стандартные вопросы. Ответы тоже стандартные. Сослан все ждал, что вот наконец Азамат скажет: «Пока здесь не разберемся в делах как следует, дальше не поедем». Но у первого секретаря такого и в мыслях не было. Сослан за эти дни заметно похудел, черные глаза еще более расширились, сухой подбородок стал остree.

Однажды, объездив поля двух колхозов, завернули в «Красный Кавказ». Во дворе правления стояло несколько человек. Там был и председатель. Отвечая колхозникам, Каламурза так разбрасывал в стороны руки, будто их отталкивали пружины, спрятанные где-то в его боках.

— Надоели вы мне! Устал я. Доложу Азамату, что больше не могу. И пусть меня освобождают!

— Дай бог! Дай бог! — отозвался кто-то насмешливо.

Во дворе стояли разбитые брички, арбы, валялись бороны; чуть не посреди двора выселись две громадные кучи навоза. Все это очень не понравилось Сослану. Азамат же или приглядился ко всему, или был выше всяких мелочей. Тем более что сейчас его, кажется, заинтересовали люди.

— Что за тревога? — спросил он, со скучаю улыбкой подходя к ним.

Увидев дорогого гостя, Каламурза прямо-таки засиял от счастья.

— Какие святые, какой ангел принес вас нам на радость? — заговорил он другим, радостным голосом.

— Здравствуйте, здравствуйте, добро пожаловать! Пойдемте, пойдемте, от солнышка подальше,— и повел гостей в свой прохладный кабинет.

— Говорят, вы на днях заканчиваёте уборку картофеля?— опускаясь в председательское кресло, спросил Азамат.

— О! Ночей не спим!

— Сеном обеспечитесь?.. Если боитесь, что не хватит, тогда...

— Да что вы! Что вы! Какие могут быть разговоры!— отвечал Каламурза.— На каждом лугу стога стоят. И стройные, и безмолвные, что тебе осетинские невесты. Намного больше плана нынче скосили.

— К уборке кукурузы приступили?

— Всем селом. К концу октября полностью рассчитаемся с государством.

Азамат не мог скрыть радости: «А все-таки он молодец». И, подумав так, вспомнил о письме Тотрадза, о статье Бориса. «Как меняются с годами люди! Одни становятся более добрыми, другие — более злыми. Что надо этому ворчливому старику, этому долговязому щелкоперу? Почему они невзлюбили Каламурзу? Хозяйство ведется как нужно. Председатель расторопный, энергичный. Что ни прикажи, тут же все выполнит. Пусть вот этот, — подумал о Сослане, — учится разбираться в людях. А вопрос о письме и о статье вынесем на бюро. Это — принципиально. Тут надо дать хорошую политическую оценку». Вслух Азамат сказал:

— Если боитесь, что сена не хватит, тогда косите и кукурузные стебли... Дай указание людям, убирающим кукурузу. У хозяйственного руководителя скот не будет пастись на снегу.

Подошел Борис. Очень сдержанно поздоровался со всеми и обратился к Азамату:

— Я сегодня хотел пойти к вам в райком,— вздохнул он глубоко, как будто успокаивал дыхание после быстрой ходьбы.— Я только что с поля. Каламурза распорядился пустить на кукурузное поле комбайн. Переводим зерно. Косим с початками. Азамат, говорит, дал такое распоряжение.

— Видите, какие ваши уполномоченные!— не сдержался Каламурза. И повернулся к Борису.— Вчера же я весь день был там. Собственными глазами...

— Может, невидимкой был? Я уже неделю не видел тебя в поле.

— Клевета! Понимаете, — Каламурза повернулся теперь к Азамату, — Тотрадз и еще кое-кто терпеть не могут машины МТС. Натуроплаты, говорят, много приходится.

Сослану хотелось вмешаться в разговор, но в присутствии первого секретаря это было неудобным. А у Азамата такой вид, словно вся эта перепалка не имеет к нему ни малейшего отношения. Он все молчал, а потом проговорил каким-то бесстрастным голосом:

— Каламурза, присмотрись, разберись. Я же вам не предлагал зерно вместе с зеленью косить или по полю разбрасывать, — на миг задумался и добавил: — С утра хочу выпить глоток воды, умираю от жажды. Неужели и воды у вас нет?

— Есть! Есть! Все у нас есть, — Каламурза распахнул дверь своего кабинета: «Идемте, мол, отсюда!» — Без воды, без пищи и святыне не живут.

— Только учти, — предупредил Азамат, — времени у нас мало.

Сослан утром сел в машину голодным и теперь не хотел отказываться от приглашения. Но решение принять или не принимать приглашение зависело не от него. Напросился первый, а ему, второму, и думать нечего отказываться, хотя чувствовал, что задержаться могут надолго.

Председатель и Бориса пригласил. Тот сказал, что едет в обком, на семинар, махнул рукой и отстал от компаний. Каламурза вывел гостей на улицу через парадные двери. Садясь в машину, шепнул на ухо райкомовскому шоферу:

— Знаешь куда нужно?.. То-то же!..

Остановились около кирпичного дома, скрытого густой зарослью акации. Каламурза как свой человек, распахнув ворота, воскликнул:

— Добро пожаловать в дом моего брата!

По лестнице с галереи степенно, с радушной улыбкой, спускалась Мария.

— О, мама родная! — вскричала она и радостно, и в то же время не громко. — Какие дорогие гости переступили мой порог! Добро пожаловать! Добро пожаловать! — и подала руку сперва Азамату, а потом другим. — Такая радость, клянусь мамой. Такая радость!

Сослан, глядя на хозяйку, на ее одежду и отметив манеру держаться спокойно, с достоинством, почему-то подумал: «Или учительница, или врач».

Они прошли в беседку, и Каламурза, вытерев носовым платком один из стульев, поставил его перед Азаматом.

Мария ушла на кухню. Поторопить ее, помочь отправился и Каламурза.

Очутившись наедине с Марией, он сразу же почувствовал себя, как и всегда в подобных случаях, еще совсем молодым: не удержался и ушипнул ее. Она, кокетливо улыбаясь, подняла на него глаза, и тогда Каламурза нагнулся и прижал свои толстые губы к ее пухлым сочным губам.

— А ну тебя! — она несильно отбивалась, стараясь не задевать его белыми от муки руками. — Хотя бы товарищей своих постеснялся.

— Э! Таких безрогих овец я могу в любую минуту заарканить.

— И Азамат для тебя превратился в безрогоГО?..

— Азамат... Похвали его, а там... все твое.

Каламурза хотел еще раз поцеловать ее, но послышались шаги, и он быстренько выскочил из кухни. За дверью столкнулся с дочерью Марии, девушкой не по годам серьезной, гостившей сегодня у матери, и поторопился подкупдающее ей улыбнуться. Она, увидев на его плече мучной отпечаток руки, вдруг вся зарделась, поступила и отошла в сторону...

— Наше осетинское пиво лучше любого вина, — говорил Каламурза, угождая гостей, наливая и себе. — Особенно когда хорошо сварено и если хмеля бросить в него не пожалели.

...Щедра и хлебосольна Мария. Правда, не для всякого гостя. Вот, например, сосед ее, Темирболат, еле-еле сводит концы с концами — большая у него семья. Так для чего он ей?..

«И солнечные лучи освещают сначала гору, что повыше», — любит повторять Мария.

У нее в доме порядок. И уж если она угостила стаканом араки, то в ее бочке арака должна прибавиться на целое ведро. Если потратила тарелку пшеничной муки, то в ее амбаре должен появиться мешок.

Сослан, выпивший на голодный желудок два стакана хмельного пива, повеселел. Прошла, кажется, и уста-

лость. Выпил еще самодельного вина, и оно ему понравилось. Похвалил от души хозяйку.

— Для дорогих гостей,— ответила она тихо, так, что другие, уже начинавшие чрезмерно громко переговариваться, не слышали, — разве что пожалеешь!

Она в это время стояла к нему так близко, что он слышал тонкий, чуть уловимый запах духов и, кажется, чувствовал близину ее красивого тела, скрытого тончайшим шелком платья. Она вела себя скромно. Вместе с гостями не села за стол, но прислуживала непринужденно, с достоинством. И Сослану показалось, что эта женщина заслуживает глубокого уважения. Ему стало понятно, почему председатель колхоза привез их именно к ней: в осетинском селе существует древний обычай — приглашать общего гостя в тот дом, где его встретят с большим почетом и уважением.

Каламурза занимался Азаматом: подливал вина, пива, отбирал ему лучшие куски. Но первый секретарь пил и ел мало. Это, видимо, огорчало председателя.

Когда выпили за хозяйку, председатель колхоза встал с места.

— Из сидящих здесь, за столом, ближе всех к этому дому я. Поэтому я имею право поднять бокал... Прошу извинения. Вы сами лучше меня знаете, как в районе все, до самого последнего человека, уважают Азамата. Не дай бог нам и одного дня жизни без него. — Холеные щеки Каламурзы расположились в широкой улыбке, кончик мясистого носа покраснел. — Дорогой наш Азамат, живи тысячу лет и здравствуй, как олень. Тогда в Осетии не один человек не опередит нас!

Когда гости уже изрядно повеселились, Мария начала как бы шутя:

— Образованный человек, так легко с ним и просто. А есть уж такие!.. Ну такие... Не надо и далеко ходить. Вот, например, Борис. Каламурза всегда его защищает. А он недавно встретился мне на улице. Думала, что сожрет меня своими наглыми глазами. А в другой раз пришел прямо домой. И чего только не наговорил! Я уж ему: «Пожалуюсь Азамату!» — «Не напугаешь, говорит, меня такими!» А потом в отместку взял да и в газету написал всякой чепухи. Разве партийный так должен делать?.. Или вот Тотрадз...

— Не обращайте внимания на эти глупости. Примем необходимые меры,— успокоил ее Азамат.

— Дочку свою хочу устроить в хорошую школу. В городе есть такая, где музыке учат. Дали бы вы какую-нибудь бумажку.

— Каламурза, когда будешь у меня, напомни, — сказал Азамат.

— Столько вы мне делаете хорошего, что я не знаю, как вас и отблагодарить, клянусь мамой... Вот если бы и сама я чем-нибудь занималась, тогда бы... Не люблю сидеть без дела... Я говорю, может, в районе какая-нибудь работа для меня найдется...

Азамат пристально посмотрел на красивое лицо Марии, обвел взглядом ее фигуру. Когда-то и его Ханифа была стройной. А теперь — возраст. Разнесло ее...

— Хорошо, хорошо,— кивнул он.— Вот Сослан и Каламурза поищут для тебя что-нибудь подходящее.

Из-за стола вставали в хорошем настроении.

— Небось опять в поле?— когда вышли на улицу, спросил Каламурза.

— Нам нужно еще в «Иристон» заехать, а оттуда — в «Партизан». — Азамат отяжелел и даже говорил неохотно. — А пока до свидания.

— Взяли бы и меня с собой. Председателю колхоза тоже не зазорно проехаться в «Победе».

Азамату, видимо, возражать не хотелось, он промолчал. Каламурза быстренько влез в машину.

* 14 *

Осеннее солнце с каждым днем все больше и больше жмется к горам. Но все равно оно еще жаркое, как в июле. Сегодня на небе ни облачка. Перед восходом над землею встал прозрачно-холодный туман. Но он растаял сразу же, как только солнечные лучи коснулись его.

В полдень пастух Бимболат, сын Темирболата, пригнал колхозное стадо к Большой реке. Коровы забрели в воду и стоят себе, помахивая хвостами.

А Бимболат скинулся одежду, чтобы искупаться, но на высоком берегу вдруг затарактел отсюда невидимый трактор. Затарактел и замолк. Бимболат подождал. Никто не появлялся, и парень лег на песок подставив солнцу костистую спину. В это время сверху большими прыжками, неслышными на песке, спустился сын Тотрадза Ладемыр. Подскочив к пастуху, он схватил его, поднял перед собой, крутанул и бросил в омут, здесь

очень глубокий. Бимболат, вынырнув, лег на спину, раскинул руки и, оставаясь неподвижным, позвал товарища:

— Какая теплая вода! Прыгай скорей! Пусть с твоих грязных боков смоется мазут!

— Подожду! — откликнулся Ладемыр. — Пускай пока с тебя весь навоз смоется!

А сам быстро разделся и нырнул, намереваясь уже в воде схватить своего дружка.

Наплававшись и нанырявшись, посиневшие и обессиленные, они вылезли на берег.

Худощавый, но высоченный Ладемыр рядом с товарищем — как будто бы на ходулях. А низенький Бимболат весь в отца: глаза черные, лоб — выпуклый, волосы короткие и, теперь мокрые, торчат, как иглы ежа. Широкий приплюснутый нос делает лицо некрасивым.

Парни как бы по наследству переняли дружбу отцов. И теперь, когда Ладемыр пашет неподалеку от фермы, они часто, вырвав свободную минуту, дурачатся в воде или лежат на горячем песке.

Высоко парил орел. Он то замедлял свой полет, точно высматривал что-то, то снова набирал высоту, уходя в необъятные просторы синего неба.

— Хорошо ему, — вздохнул Бимболат. — Ни фермы тебе, ни коров, лети куда хочешь. А ты, конечно, никуда не хочешь. Все о своей Тамаре...

— Перестань ерунду городить, — сразу смутился длинный Ладемыр и, подтянув к себе одежду, начал одеваться.

Бимболат, тоже одевшись, с большой железной кружкой подошел к черной однорогой корове и подоил ее. Позвал Ладемыра:

— Иди-ка отведай.

Они сели рядом. Разломили черствый кукурузный чурек и принялись за еду. Передавали друг другу кружку и пили. Они еще не покончили с едой, как вдруг раздался шум машины. Оба вскочили. Два колеса бордовой «Победы», крутясь, повисли в воздухе над обрывом невысокого берега. Ребята побежали туда.

...Из машины сперва вылез Каламурза. Он не мог выговорить ни слова. За ним вышли Азамат, Сослан и шофер.

Оказывается, по дороге от Марии Каламурза пристал к шоферу: «Дай да дай посидеть немного за рулем!» После хорошего обеда у всех настроение было отличное.

Никто не возразил, а шоферу не хотелось обижать председателя гостеприимного колхоза. Как возгордился Каламурза, взявшись за руль!

Шоферскому делу он никогда не учился. Но любил садиться за баранку, когда это только возможно. Его и хлебом не корми, дай только поуправлять машиной. Теперь же, взявшись за руль машины Азамата, Каламурза вообразил, что не машиной он правит, а целым районом. Он еще наслаждался мечтами, как вдруг один бок машины оказался над обрывом, левые колеса повисли в воздухе; севшая на брюхо машина каким-то чудом не скатилась вниз.

Выйдя из машины, Азамат зло сказал:

— Бестолочи! Ротозеи!..

Каламурза, уже приходя в себя, озирался по сторонам. Увидев парней, поманил их:

— Ну-ка бегом гоните из хлева волов!

Бимболат хотел проворчать, откуда, мол, у нас волы? Азамат не знал ребят и спросил их:

— Вы здешние? Каламурзы?

— Здешние. Но не Каламурзы... У Каламурзы—своя шестерка,— Ладемыр и не хотел этого говорить, но вырвалось как-то невольно.

— Живее, живее, нечего тут гундосить! — боясь, что ребята скажут еще что-нибудь «не то», гаркнул на них председатель.

Бимболат побежал на ферму.

Сослану вдруг неприятным стало все. И хороший прием у Марии теперь уже вспоминался своими непривлекательными подробностями. Захотелось хоть на минуту остаться одному. Он пошел к скотному двору.

Длинный приземистый коровник с плетеными стенами и соломенной крышей расположен был в местности, называемой Лещинистым перевалом. Возле коровника стояло одно-единственное дерево, высокий раздвоенный тополь. Одна сторона дерева высохла и потеряла кору, побелела. Вокруг большие кучи навоза. «Какое удобрение пропадает», — подумал Сослан и вошел в коровник.

Стены — сплошные щели, земляной пол — месиво грязи. Видимо, когда дождь, то все равно, что во дворе, что здесь. Помещение, отгороженное для людей, тоже под соломенной крышей. Плетеные стены обмазаны глиной.

Сослан перешагнул порог. Давно, видимо, здесь не бывали. Закопченная хмурая комната. Единственное окно и то маленькое. Темно... В углу кто-то зашевелился, заскрипел плетеный старенький топчан.

— Кто там? — раздался глухой голос.

— Можно к вам в гости? — Сослан направился в ту сторону, откуда послышался голос.

Худощавый старик (это был Долат, ночной сторож фермы) осторожно приподнялся с постели, провел руками по тощей бороде и заговорил:

— И в самом деле гость!.. Здравствуй, здравствуй! Бимболат уже крикнул мне... И Азамат, оказывается, тоже здесь... Бесценный наш человек... Целым селом мы не стоим его одного... Я хорошо знал и отца его, Дочче, царство ему небесное. Добрый был человек. Я не много моложе его. Дочче давно умер, а я все еще мучаюсь... Ой-ой! Вот уж несколько дней не могу подняться. Боль в пояснице. Почки... наверно... Надо бы к врачу. А здесь кто останется?.. Пойду посмотрю. Ох-ох-ох! С прошлого лета не видел Азамата...

Взяв палку и охая, старик поплелся к дверям. Сослан следом. На свету ему показалось, что он побывал в склепе. На сердце стало тяжело.

Машину уже всеми колесами стояла на берегу.

Долат поздоровался со всеми за руку, но особенно обрадовался Азамату.

— Долат — основной столб нашей фермы! — теперь, как всегда, самоуверенный, бодрый, говорил Каламурза, хлопая старика по плечу. — Не гнись, старый друг!

Азамат все еще злился. Пьяниствовать, неприлично вести себя — такое он всегда считал ниже своего достоинства. А тут чуть в воду не свалились!.. «Даже бог с ними, со здешними пастухами, которые теперь чего только не подумают! А вот Сослан!.. Он, может быть, решит, что я каждый раз за тем и езжу по колхозам, чтобы...»

Сослана занимали совсем иные мысли.

— Может, мне здесь оставаться? — сказал он Азамату. — Хотелось бы побывать на ферме.

Эта просьба не понравилась Азамату, но он промолчал.

— Замучаешься, — забеспокоился Каламурза. — И как это так, разве можно покидать товарищей в дороге?..

Каламурза боялся: «Тут уж наговорят! Откуда-то даже пронюхали про «шестерку»!»

— Хлебом-солью могли бы поделиться с тобой,— сказал Сослану Долат. — Только вот приличного места, где бы присесть, у нас нет. Мы-то привыкли, а вот вам каково будет.

Слова старика тронули сердце Сослана. Если минуту назад он все еще раздумывал, то теперь он твердо решил:

— Я остаюсь... Вот Долат нездоров, надо бы отвезти его к врачу.

Шофер посмотрел на несвежую одежду старика, взглянул на Азамата, на Каламурзу и за всех ответил:

— А нам еще в колхозы надо...

— Ну, до свидания, мы еще навестим вас,— сказал председатель, открывая дверцу машины. Азамат промолчал.

— Ладно, солнышки мои, ладно... Все равно я грязный... В такой машине... Счастливого пути, солнышки мои, счастливого пути! Это самое...— слабым, беспомощным голосом заговорил Долат, но не докончил: или очень расстроился, или машина зашумела, и он понял, что говорить что-либо совсем ни к чему — все равно не услышат.

* 15 *

Вдовы руки Таурзат уже и морщинисты, и натруженны, но, как и прежде, быстры и ловки. Уже и кожа на лице под скулами стала дряблой и обожжена солнцем до красноты. Но стройна и гибка, как девушка, немолодая вдова. Даже фартук из мешковины, который надевает она перед тем как идти доить коров, не может скрыть ее стройности, гибкости.

Коровы приучены к тому, чтобы сперва пососал теленок. Поэтому и сейчас держат молоко, мычат, зовут своих телят: густое «м-му-у-у» висит в воздухе; тонкие телячьи голоса отвечают откуда-то со стороны.

Таурзат села под низкую серую корову. Несколько раз потянула соски, но молоко не пошло.

— Бимболат, иди-ка, добрый мой, пусти сюда вон того белого теленка,— попросила она.

Теленок, подпрыгивая, выбежал из загона и сразу очутился возле своей матери. Толкнул несколько раз сердито вымя и принял сосать. Таурзат потянула свободные соски, и молоко брызнуло в ведро струйками.

Сослан, наблюдая за всем этим, вспомнил, как маленьким любил парное молоко. Когда мать его садилась доить корову, он тут же с чашкой подходил к ней. Вспомнил те дни...

— Ну и волчонок!.. Все никак не насытится! — Таурзат ударила теленка по морде. Тот не отпускал соска. Сослан подошел к малышу сзади и взял его за уши, но тот уперся. Тогда Сослан легонько ударил его. Теленок брыкнул ногами и запачкал полотняный китель Сослана. Рассмеявшись, Сослан отошел в сторону и стал газетой чистить костюм.

Солнце висело над горами. Последний раз оно бросило свои лучи на зеленые равнины и, выбелив в серебро вершины, скрылось.

Вспомнилась вдруг Зина. Может, она сейчас в театре. Но интересно, с кем?.. Будем ли мы когда-нибудь вместе?..

Что-то мягкое коснулось ноги Сослана. Он вздрогнул от неожиданности и крикнул:

— Пошел!

Огромный рыжий пес отскочил в сторону.

— Не бойся его, солнышко мое. Он был когда-то хорошей собакой, а теперь вот состарился, как я,— проговорил Долат. После того как ушла машина Азамата, старик еще более сник и сгорбился.

Уже совсем стемнело, когда Таурзат закончила дойку. Увидев, сколько она слила молока в бидон, Сослан сказал:

— Лучше уж коз держать, чем таких коров,

— И для коз нужен корм,— устало отозвалась Таурзат и пошла готовить ужин.

Бимболат принес две охапки соломы и положил ее на берегу. Долат и Сослан устроились на ней. Бимболат примостился рядом.

— Гость, посланец бога, расскажи нам о чем-нибудь, — постукивая кончиком длинной палки по земле, сказал Долат.— Какими хабарами мир живет?

Сослан задумался.

— Не знаю, о чем вам и рассказать. Сами небось слышите все новости.

— Что мы там слышим, да достанутся мне все твои недуги! Разве часто у нас бывают люди? А если из нас кто-то и попадает в селение, то сразу же надо бежать обратно. Тебя Сослан, кажется, зовут?

— Да, Сослан... Простите, Долат, а сколько вам лет?

— А вот считай. Когда Россия воевала с Японией, то меня призвали на военную службу, шел мне тогда двадцатый год.

— Выходит, шестьдесят девять,— сразу посчитал Бимболат.

— Много трудностей пережил, и не перечислить! — продолжал Долат.— Нас было шесть сестер и пять братьев. Но остались вдвоем. Я и одна сестра. Поздно обжились. Началась война, трое сыновей ушли на фронт. В сорок втором году шайтаны заняли наши Дубравы. Немецкий офицер остановился у нас в доме. Да пусть твоему врагу выпадут такие дни!..

Долат замолк и будто забылся, опершись подбородком о толстый конец палки. Дальше обо всем рассказывал Бимболат.

У Долата была красивая дочь, и имя какое красивое — Людмила. От ее улыбки в темной комнате становилось светло. Говорит — соловей поет. На улице появилась — всем радость. Быстра, весела, как огны! Работала учительницей. Не было в Дубравах парня, который не мечтал бы о ней...

Немецкий офицер поначалу был с Людмилой изысканно ласков. А потом все чаще стал хмуриться. И однажды сказал через своего адъютанта, знавшего русский, девушке: скоро, мол, Гитлер займет Москву, и все девушки России будут принадлежать немецким офицерам и солдатам. Будешь тогда проситься в культурные руки... Людмила, не моргнув глазом, ответила: «Свинья не может поднять вверх свое рыло и увидеть солнце, так и Гитлеру никогда не видеть Москвы!»

Через несколько дней фашисты за селом закопали живыми несколько человек из семей коммунистов. И Людмилу... С того дня голова Долата стала седой. Два его сына не вернулись с фронта.

Самый младший его сын, Борис («Это тот самый — редактор районной газеты!» — вспомнил Сослан, еще более пристально вглядываясь в лицо старика), вернулся с войны с большими наградами. Женился на односельчанке Асиат. Она учительница, когда-то училась у Людмилы.

— Извини, гость, я бы мог перенести все эти несчастья,— заговорил, будто очнувшийся после глубокой задумчивости, Долат,— но у единственного сына нет детей.

Это точит меня... Когда-то наш дом был большой. Не имуществом. Нет... За одного, пусть за одну-единственную девочку, душу свою с радостью отдал бы. Может, дойдет до бога моя молитва!..

Легкий ветерок принес прохладу. На небе замерцали звезды. Луна, поднявшись в степи, уже доплыла до середины усыпанного звездами неба. А на берегу возле фермы все горел костер, все слышались голоса.

— Разве моим старым костям,— говорил грустно Долат,— здесь сейчас, на ветру, на холоде, надо скрипеть? У теплого очага, на мягкой лежанке. А вот совесть не отпускает. Сына, партийца, подводить не могу. Разве меня сюда кто гнал? Нет... Было у нас совсем плохо на фермах. Никто не шел — не платят, мол, ничего. Заявился ко мне председатель. Скот, говорит, гибнет. А вот если бы ты пошел... И другие старики к твоему голосу прислушались бы... Разве мог я с ним не согласиться? Сам пошел. В сторожа. Попытался и с другими поговорить. Встретил как-то краснощекого Мику. Скот, говорю, общественный пропадает. Пойдем, поможем животноводам. А он уставился на меня, как на прокаженного. Даже отошел с дороги в сторону. «Общественный, спрашивает, пропадает? Ну иди, иди — спасай. Вот — как только услышу о твоих подвигах — прибегу».

— Надо было тебе заводить разговор с этим поминальщиком! — вставил слово Бимболат.— Если бы ты его на свадьбу звал, он бы, обгоняя тебя, бежал.

— Нужда заставит, так и волк перед дворняжкой хвостом повиливает. Скажи, пожалуйста,— Долат особенно пристально посмотрел в задумчивые глаза Сослана,— долго еще будем жить вот так?.. Я и сына об этом часто спрашиваю. Каждый раз говорит, что скоро все будет хорошо. Скоро... Но почему медлят!

Узнав о том, что гость остается на ночь, Таурзат забеспокоилась. Была на ферме кукурузная мука и несколько кружечков сыра. А из посуды — большой, ведерный, чугунный котел, деревянные чашки и ложки, сделанные Долатом... Забеспокоилась Таурзат, приготовила скромный ужин. Вынесла всем по горячему чуреку, испеченному в золе, сыр и по чашке парного молока.

После ужина Бимболат спросил Сослана:

— Где тебе постелить?

— На свежем воздухе,— ответил Сослан и удивился, почему так и не показался заведующий фермой. Где он? И часто ли вообще бывает здесь?

— Где он, должны знать те, с которыми пьет,— проворчал Долат. — «Пятерка», говорят, или «шестерка» у них какая-то. А здесь он бывает... Когда нужен барашек, а то и бычок... На закуску...

— Как это так? Так просто и берет?

— Запросто. На общественные нужды, говорят. А с кем пьет?.. Одного из них зовут Каламурза, с которым вы приехали. Господи, видел я людей на своем веку, а такого лишь второго встретил. Напоминает он мне одного моего земляка. Это еще у нас в горах был такой человечишко. И звали-то его тоже Каламурзой. Собралась однажды вся семья. Оговорись стариик, что нужно кому-нибудь сходить в Карца, а это полдня ходьбы, к родственникам. Каламурза тогда сидел у самой двери. Не дослушав до конца (зачем сходить, по каким делам), выскоцил из комнаты и побежал. Примчался в Карца. Его спрашивают, каким, мол, ветром принесло тебя в такой поздний час? А он им в ответ: «Баба¹ сказал, что надо сходить в Карца, вот я и пришел»... У нас после этого поговоркой пошло: «Помчался, как Каламурза в Карца». Вот и этот наш, солнышко ты мое, точно такой же. Ферму, видишь, выстроил на перевале. До войны хорошая ферма была там, у реки. Немцы сожгли. А здесь и зимой, и летом свистит. Вода далеко. Пока на арбе везешь молоко в село, оно уже прокиснет. А корма? До зимы осталось совсем ничего, а сена — ни пуда...

«Большую ошибку сделал бы, уехав,— думал Сослан, укладываясь спать.— Положение слишком тяжелое. Нельзя оставаться в роли стороннего наблюдателя. Но... с чего начинать? Для скота им, конечно, придется строить новые дворы. А деньги в колхозе есть? Нет денег. На одном энтузиазме строить?»

Перед глазами вдруг встал краснощекий Каламурза, вспомнились пухлые губы Марии, ее веселое, довольное лицо... Улегшись на спину, он стал смотреть в небо. Созвездие Плеяды поднялось уже высоко: до рассвета оставалось немного. Сослан закрыл глаза, заставляя себя уснуть.

---

¹ Б а б а — дед.

Чуть свет Сослан попрощался с работниками фермы. Хотя поспать пришлось немного, но спал на свежем воздухе, в прохладе, и чувствовал себя бодро.

Сослан шел по проезжей дороге вдоль кукурузного поля. Плохой урожай! На чахлых стеблях маленькие початки.

А подними глаза выше, осмотрись — какая красота вокруг!

Вот вдали виднеется село. За ним поднимаются предгорья. Они разукрашены в сине-желтые мягкие цвета: осенний лес... Вершины гор покрыты снегом и ослепительно сверкают под лучами утреннего солнца. На один миг Сослану даже показалось, что он очутился в незнакомой, сказочной стране.

Откуда-то слышалось пение. В утреннем воздухе звонел приятный молодой голос.

Ой, девушка, пусть будет душа моя жертвой твоей!
Ты, жизнь моя, радость и счастье моё!..

Сослан остановился, прислушался. Песня доносилась со стороны старого сарая, одиноко стоявшего в поле. Он направился туда. На ворохе соломы лежал молодой парень.

— Доброе утро!.. Чудесный у тебя голос!

Парень, а это был полевой сторож Дзенаго, приподнялся на локте. С ног до головы осмотрел Сослана: полотняный китель, галифе и запыленные сапоги. Потом перевел взгляд на свои тряпочные самодельные чуяки. Правый, как говорится, каши просит. «Наверно, прохожий. Идет в соседнее село», — подумал Дзенаго. Ему было неприятно, что чужой видел его порванные чуяки и грязный большой палец ноги.

— Здравствуй, коли не шутишь!

— А почему я должен шутить?

— А черт тебя знает!.. Ну, садись, чтобы не стоять!.. Сослан улыбнулся. Дзенаго спросил:

— А как у тебя насчет покурить?

— Я некурящий...

Дзенаго удивленно покачал головой. Встал. Вытащил из вороха соломинку, взяв один ее конец в рот, подул в нее.

— А пить тоже не пьешь?

— Холодной воды сейчас с удовольствием бы...

— Воду пьет и наша белобокая корова...

Сослану стало неприятно, что молодой парень так

развязно разговаривает с совершенно незнакомым человеком. И он, желая закончить этот разговор, сказал:

— Покажи-ка, где работает звено Тотрадза.

Дзенаго посмотрел на него с недоверчивой опаской.

— Прости, пожалуйста, но сам ты где работаешь? — спросил он.

— Я секретарь райкома.

Дзенаго часто-часто заморгал и сразу же принялся отряхивать одежду. Потом виновато улыбнулся.

— Пойдемте, я вас доведу до самого участка Тотрадза,— и торопливо, не оглядываясь, как будто желая убежать от неприятного гостя, зашагал через кукурузное поле. Но пройдя немного, вспомнил, что в звене Тотрадза работает и Тамара. А ему вовсе не хотелось в таком виде показываться девушке, о которой он только что пел песню. И он, не глядя в глаза Сослану, заговорил:

— Извини... Но мне надо... Участок Тотрадза вон там, справа от дороги. Там работают. Тут близко...

Пройдя немного, Сослан увидел кукурузные заросли, перед которыми захотелось остановиться. Толстые стебли, что дремучий лес, початки — с локоть.

На людей Сослан наткнулся совсем неожиданно. Они сидели около большой кучи кукурузы, кто на стеблях, кто на перевернутой корзине, не то завтракали, не то уже обедали. Сослан, чуть смущенный, подошел к ним, снял с головы фуражку, сказал:

— Приятного аппетита вам!

— Тебе приятной жизни желаем! — ответил ему один из тех, что сидел на воронье стеблей и вопросительно посмотрел на него.

— Здравствуй, солнышко мое! — поприветствовал Сослана другой старик. — Проходи поближе, отведай нашего хлеба, соли.

Все, исключая старика, который его сейчас приглашал, встали...

Девушка, которую называли Тамарой, поставила перед Сосланом перевернутую корзинку, положила на нее несколько картофелин в мундире, принесла большой кусок кукурузного чурека.

Картошка была недоваренной, а чурек даже проголодавшемуся Сослану показался сухим и безвкусным.

— Похоже, что ты путник, — окинув взглядом гостя, сказал самый пожилой. Сослан понял, что это сам Тотрадз. — Куда направляешься?

—Вы правильно угадали, путник я,—ответил Сослан.

Почему-то ему трудно было сказать, кто он. Кукурузные заросли здесь были хорошие, они ему понравились, но обветшала одежда колхозников и бедная пища удручили его. Он подумал, что, может, и праздничные их наряды не лучше.

— И газетчики пропали... То, бывало, спокойно дня не пройдет... Ты не из них? — одна из женщин с вопросительной подозрительностью посмотрела на Сослана. — А хотя и написали прошлый раз, да что толку!..

Тотрадз недружелюбно, исподлобья посмотрел на товарища и, покачав головой, обратился к Сослану:

— Спрашивающий выглядит глупым. Но прости, кто ты?..

— Макеев... Сослан. Недавно я здесь.

Тотрадз снял с головы войлочную шляпу, надел ее на колено и начал растягивать, улыбаясь чему-то. Снова посмотрел на гостя и проговорил:

— Да будут удачны дела твои. Слышал, слышал, — Тотрадз повернулся к товарищам: — Гость из района, второй секретарь райкома. Раньше, говорят, — это он уже спрашивал Сослана, — ты в обкоме работал? — Тотрадз взял в руки огромный початок и потряс его, как будто определял вес. — Если изредка кто и заглянет к нам, то все походя, посмотреть урожай, дать указания, в которых не всегда нуждаемся.

— Точно, точно, — поддержала его женщина, не любившая газетчиков, — Тота, — так ласково она назвала Тотрадза, — правду говорит::: Кто приедет, Каламурза уж не даст ему поговорить с народом, не подпустит. Схватит, да сразу и угощать!

— Ладно! — махнул рукой Тотрадз. — Ты посмотри-ка лучше на поля. Пригнали какой-то злополучный комбайн, а он портит кукурузу. Был у нас здесь один из МТС. Я ему говорю: «Зачем вы губите наше добро?» А он говорит: «Комбайн должен работать, потому что мы за него деньги заплатили...» А то, что нам придется жить на покупном зерне, до этого никому дела нет... Ради твоего отца и матери, возьмись за это дело, разберись, если в твоих силах... Ты пеший или как?

— Пеший...

— Тогда нам по пути... Мы тоже из пеших, — сказал он с какой-то многозначительностью...»

Утром Каламурза примчался на ферму.

— Вчера не смог зайти... Ну, как вы тут живете? Слишком плох ты у меня, Долат. Но потерпи. Потерпи. Не падай духом, чем-нибудь вам помогу... А куда девался мой друг? Не угостили его? — спрашивал Каламурза. — О Сослане говорю.

— Хорошему человеку не угощенье главное, — усталым, болезненным голосом отвечал Долат.

— Оказывается, ты у нас философ!:: Как ему понравились дела наши? О чём говорили?

— Умный человек о чём только не может говорить!::

— Что он о работе говорил конкретно? Может, он наказал что-нибудь срочно сделать?::

Старик понял, что председатель примчался не зря. Он здесь и раз в году не бывает. А тут был вчера, и вот — опять! Боится, оказывается. Не такой уж он храбрый!

Каламурза опасался, как бы Сослану не наговорили о телочках, о бычках и, опять же, о «шестерке». Хорошо что тогда обошлось. Удалось тут же прогнать долговязого сынка Тотрадза и его дружка. А то, подумать только, молокососы, а уже кусаться выучились! О «шестерке» знают!

Сейчас Каламурза понял, что от старика ничего не добиться, и, разгоряченный, направился к людям, которые убирали кукурузу. Он застал их в старом сарае. Сидевшие кучно, они как будто что-то горячо обсуждали. Краем уха услышал он и свое имя. Опять, значит, сплетни...

— Чего расселись, как судьи? — сказал он грубо.

— Есть, значит, что обсуждать, — бросил кто-то в ответ.

Каламурза хотел было выругаться, но тут же заметил Сослана.

— Всю ночь не спал! Беспокоился! — у председателя просияло лицо. — Думаю, вдруг заболеет. Ночи прохладные. Мы-то привыкли, а как городскому!..

Сослан отошел в сторону. За ним последовал и Каламурза. Председатель, словно опасаясь, что секретарь райкома может сказать что-нибудь неприятное, все говорил и говорил:

— Вот видишь, как наши люди берутся за дело... Если дружно взяться — до небес можно поднять колхоз. А я уж постараюсь: Было же до войны...

— На небеса не надо, — сказал Сослан. — Лучше уж здесь, на земле, уделите ему внимание::: Что у вас за ферма?.. Это же позор! Или поля... А где эти стога, что «стройны как осетинские невесты»? Я их что-то никак не увижу! Помните, говорили Азамату?:: Комбайн остановил я.

«Я так и знал, — подумал Каламурза. — Значит, тут уж ему наговорили!.. Но я не стану на колени перед этим коротышкой!» И он не без амбиций ответил:

— Мы тоже не щебень перебирали, когда другие за умом ходили. Мы не корки мушмулы. Сил своих не щадим. Только... Только что поделать... Нет кадров, — развел руками председатель. — Нет!

— Да. На ферме заведующего нет. Так мне показалось. А Долата надо немедленно везти к врачу.

— Одних с работы освобождать, других — к врачу посыпать, а работать мой дед, что ли, будет? Притом много у меня начальников. Кого из них слушать? А что Азамат скажет?

— Чтобы во главе фермы поставить честного, порядочного человека, разве нужно бежать за советом к Азамату?.. Коммунистов и комсомольцев соберем завтра. Договоримся с ними. Одних — на уборку урожая, другим поручим ремонт фермы. Так руководить, как ты, нельзя! Ты руководишь на ходу, не слезая с коня. Чего мотаешь головой? Не согласен со мной? — Сослан пристально посмотрел председателю в глаза.

Некоторое время оба молчали, как будто проверяли, чей взгляд окажется сильнее. Наконец Каламурза в еле заметной улыбке скривил губы и отвернулся. Он как бы хотел этим сказать: «Было бы лучше, если бы ты поскорее кончил эти разговоры».

Но отвернувшись, Каламурза чувствовал взгляд сильных черных глаз. Он понимал, что от этого человека так просто не отделаться. К тому же (Каламурза сейчас вспомнил об этом) он совсем не знает отношения Азамата к новому секретарю. Одно всем хорошо известно: того кто не нравится Азамату, он близко к себе не подпустит. А Ханифа еще как-то проговорилась, что Сослан их родственник::: «Да, тут можно крепко попасться!»

Каламурза, с озабоченным видом и стараясь, чтобы голос не звучал уж слишком подобострастно, сказал:

— Клянусь отцом! Матерью клянусь! Все сделаю. О чем ты беспокоишься? Я ночь спать не буду.

— Я отсюда и не уйду, пока не сделаешь, что нужно.

— О тебе я беспокоюсь, клянусь отцом, матерью... Мучаешься! А зачем? Разве ты не можешь на меня положиться?

— Когда сделаешь хотя бы то, что я сказал, тогда и отправлюсь отсюда.

Понял председатель: этот не такой, которого можно провести уговорами, и замолчал.

* 18 *

Тотрадз сидел в приемной Азамата, у самого кабинета. Сегодня здесь особенно много народа — будет заседать бюро райкома. Тотрадз ждал уже давно, а заседание все не начиналось. Непонятное беспокойство охватывало его. Это был не страх, нет. Тотрадз никого и никогда не боялся. Он чувствовал свою правоту, но ему было непонятно, почему с ним так обходятся? Что означал прошлый вызов в райком, разговор с Алибеком? Вот и сегодня ему начинало казаться, что опять кто-нибудь станет говорить, как говорил с ним тогда Алибек. Да еще при людях, которые могут подумать о нем бог весть что! «Но нет, — успокаивал он себя. — В этот раз так не будет. Ведь здесь сам Азамат, его старый друг. Он-то уж не даст никому сказать лишнее... А может, и вовсе не о нем будут говорить? Может, спохватились: надо спасать колхоз!..»

Пока он размышлял так, начали подходить члены бюро. Вот председатель райисполкома Уруспи. Подошел к Тотрадзу. Пожал руку. Сильнее обычного. Интересно, почему? Вот Сослан, с ним прокурор района. Будто обрадовались старику. Мимо молча прошел начальник районного отдела госбезопасности. Приземистый мужчина лет пятидесяти. Обычно он всегда здоровался.

Сидит Тотрадз. От напряжения устали руки — их некуда спрятать. Устали глаза. Явился и Каламурза. «Наверное, его ждали?» Председателя позвали на бюро.

Наконец пригласили и Тотрадза. Вошел и тихо поздоровался. Попросили сесть у края длинного стола. Он еще не успел разглядеть, кто где сидит, как услышал:

— Пожалуйста, доложите.

Это был голос Азамата.

Поднялся Алибек и, поправив очки, начал говорить... Он говорил что-то об истории партии, о чистоте ее рядов, о славных традициях. «Партия всегда очищала себя от случайных элементов». То ли Алибек выражался

длинно и путано, то ли Тотрадз был очень взволнован и не мог разобрать, что к чему, но он плохо понимал говорившего.

Алибек же, как ему самому казалось, хорошо знал, что он должен говорить. Он был убежден, что чем сильнее накажут Тотрадза, тем приятнее это будет Азамату. Первый секретарь никогда не любил беспринципности, поэтому вопрос нужно ставить остро, делать глубокие выводы. Это важно вообще и особенно важно для него, Алибека, который только лишь начинает подниматься по служебной лестнице. За принципиальность и остроту его будут уважать в обкоме так же, как уважают, например, Азамата.

А в это время Азамат, внешне спокойный, чувствовал какое-то сомнение. Тотрадз избил шофера?.. Пропитан антипартийными настроениями, как утверждает докладчик?.. На миг перед глазами встали картины прошлого: ведь он, пусть и давно, но все же был в дружбе с Тотрадзом: Но, видимо, люди меняются... Меняются... Вспомнилось письмо Татрадза в обком. Какое неуважение! Разве старый друг мог так написать! Вспомнилась статья Бориса о «Красном Кавказе», многочисленные жалобы Каламурзы и Алибека. «Нет, нет. Все это действительно против партии, против райкома, против меня. Нужно его наказать...» Но сомнения не уходили. «Одумайся! — тут же говорил ему другой голос. — Колхозники на трудодни действительно очень мало получают, уходят из колхоза, а Каламурза...» — «Каламурза иной раз бывает груб, — спорил с тем голосом Азамат. — Но он человек проверенный. Работал в милиции. Был председателем райпотребсоюза, начальником дорожного отдела, заведовал сапожной мастерской... Его колхоз всегда выполняет поставки кукурузы. Не идеальный он, но разве есть идеальные люди?.. Нет, все верно! Тот, кто безоглядно доказывает, что колхоз разваливается, избивает шофера, везущего хлеб государству, должен быть наказан».

Тотрадз теперь тоже справился с волнением, внешне справился. Только глаза, обычно ласковые и мягкие, выдавали, что в груди старика клокочет гнев. Ему было стыдно за тех, кто сидит рядом, стыдно и за себя: он чувствовал, как кровь волнами приливает к лицу. Ему начинало казаться, что вот-вот кто-то из членов бюро встанет или вдруг в этот душный кабинет кто-то войдет... Азамат сам сейчас, наверное, скажет... Они же знают друг друга

с тех дней, когда начали создаваться колхозы. Тогда Азамат был трактористом. Широкоплечий, высокий, всегда серьезный парень. С утра, лишь начнет рассветать, и до позднего вечера он не расставался со своим трактором. Он любил картошку, испеченную в золе. Не было случая, чтобы после работы он не сказал: «Давай, Тота, (так он ласково, как и многие в Дубравах, называл Тотрадза) испечем картошечки!» Нет, нет, он не позволит оскорблять своего старого друга, который рекомендовал его в партию!

Тотрадз смотрел в сторону Азамата, ему хотелось, чтобы взгляды их встретились, но тот сидел неподвижно.

Время от времени Тотрадз встречался глазами с председателем райисполкома Уруспи — тот виновато улыбался. Сослан что-то записывал на бумаге и даже не поднимал головы.

Қаламурза сидел на мягком диване. Он был доволен Алибеком: «Вот это прилепил оценку! Теперь уж старый заушатель не отвертится!» Қаламурзе еще хотелось, чтобы бюро закончили поскорее. Сегодня «шестерка» собирается в доме Мики. А оттуда можно будет наведаться и к Машеньке.

Алибек заканчивал:

— Наша партия всегда призывала быть политически бдительными, — и снова пристально посмотрел на Азамата: слушает ли он? Первый секретарь райкома сидел неподвижно, взгляд его, рассеянно-неопределенный, так ничего и не выражал. Но Алибеку показалось, что его выступление нравится Азамату. — Настоящие большевики должны уметь разоблачать случайных людей в партии и их проделки. Так кто же, значит, такой товарищ Габуев? — почему-то посмотрел поверх очков на потолок и почти выкрикнул своей обычной фистулой Алибек. — Враг, значит, колхозной жизни!.. Будучи в партии, он настроил против себя всех жителей села. Ударил шофера из-за того, что тот вывозил хлеб государству. Да еще коммунистов назвал народниками... Поэтому, а также учитывая ряд других обстоятельств, я вношу предложение: человека, случайно попавшего в ряды нашей партии, из ее рядов исключить.

Кто-то произнес: «О-о!» Кто-то глубоко вздохнул...

— На бюро надо обсудить и статью Бориса, — добавил Алибек. — Это работа бестолкового человека. Работа клеветника.

Напористость Алибека обостряла в душе Азамата те чувства, которые были против Тотрадза. Да. «Исключить!» Но тут он вспомнил слова одного из секретарей обкома: «Разберитесь... Как следует, не торопясь, разберитесь». Алибек кончил, нужно было говорить: Азамат не изменил своей позы.

— Ты свернул с линии партии, — сказал он. — Подумай над своими ошибками. Если еще можешь вернуться на правильный путь, скажи откровенно. Иначе...

— Иначе что, товарищ Тутров? — Тотрадз встал и, держась руками за спинку стула, уставился на секретаря. Все молчали. Все ждали. И потому что Азамат не ответил, Тотрадз продолжал: — Поверь, мне трудно не только слушать, но и смотреть на тебя. Я уже говорил тебе: ты перестал отличать правду от кривды. Занимаешься только сводками. В поле, в колхозах часто бываешь, но только лишь для того, чтобы узнать, как работают машины, тракторы. Эх, Азамат, Азамат! А ведь вместе с тобою создавали колхоз... Помнишь, как однажды в поле ночью ты порезал ногу? На своей спине тебя нес... В партию тебя рекомендовал. Ты, — он поднял голову высоко, хотел сказать еще что-то, но не смог выговорить и слова, медленно опустился на стул.

Лицо Азамата стало мрачнее черной тучи.

— Скажи-ка, откуда у тебя все эти точные сведения? — спросил Уруспи Алибека.

Докладчик усмехнулся, посмотрел на Азамата и ответил:

— Из села. Из колхоза «Красный Кавказ».

— Кто дал эти сведения?

— Их много, кто давал...

— А все-таки?

Алибек задумался, наморщив лоб. Азамат сурохо сказал ему:

— Если в этом гвоздь вопроса, почему не ответишь председателю исполнкома?

— Колхозники, — начал Алибек. — Парторг Михаил, Слонов Мика, бухгалтер Циусур, заведующий кладовой...

Холод, сквозивший в словах Азамата, не умерил пыла Уруспи. Он опять задал вопрос:

— А когда Тотрадз избивал шофера, и тогда эти свидетели были тоже там?

— Кто был, а кто нет... Шофер сам написал... На вот, — Алибек помахал бумажкой.

— Тотрадз, извини, почему ты членов партии назвал народниками? И что у вас было с шофером? — спросил Сослан.

— Разве я все упомню... Я нашему Михаилу — парторг он у нас, говорю, что пшеница горит. А он меня спрашивал: «Кто такие народники?» Я ему в сердцах и ответил. Говорю, такие, как ты, да как наш председатель — беда для народа. А шофер. Того шофера под суд надо. Всю дорогу пшеницей усеял. А заодно с ним туда же и нашего председателя.

Каламурза завертелся на месте.

— Я не совсем понимаю, — Азамат угрюмо посмотрел на Сослана. — Кого мы здесь сегодня обсуждаем: работника, расследовавшего вопрос, или же Габуева?

— Прошу прощения, — Сослан повернулся к Алибеку, — скажи-ка, пожалуйста, что выдумано в письме Тотрадза?

— Все!

— Все? Хорошо. То, что колхоз пришел в упадок, что хлеба и скота мало в колхозе, что люди покидают колхоз — это все неправда?

— Это письмо — клевета на руководство колхоза, на партийную организацию и на нас, на райком...

Азамат встал и начал ходить из угла в угол.

— Прошу слова, — сказал Уруспи и, не ожидая разрешения, заговорил: — Кто-то желает, чтобы Тотрадз был наказан. Кому-то нужно старого, уважаемого человека оскорбить, втоптать в грязь. Зачем? Почему?: — он начал подряд перебирать причины, по которым обвиняли Тотрадза. Выступление свое закончил так: — Мы не правы. Зря обвиняем человека. То, что здесь говорил Алибек, в чем обвинял он Тотрадза — это все выеденного яйца не стоит. Разве мы хуже Алибека знаем старика?.. Мне кажется, что было бы полезнее, если бы сегодня мы обсуждали работу правления «Красного Кавказа» и колхозной парторганизации.

— Это по-твоему, — оборвал его Азамат.

— И по-моему, — сказал решительно Сослан. И стал рассказывать о том, что видел в колхозе. Закончив, подумал и уже спокойнее добавил: — Я понимаю Тотрадза. Он не мог молча смотреть на все безобразия и потерял терпение. А разозлившийся человек, все мы это знаем, говорит иногда грубо. Может сказать лишнее. Но разве в этом суть?..

Азамат не думал, что обсуждение может принять такой оборот. «Ты смотри на него! — исподлобья поглядывал он на Сослана. — Всего два дня как здесь! Свой человек... Не понял он моего характера. Не понял!.. Но погоди, придется понять!»

Как Азамат не был зол на своего дальнего родственника, а слышал другое чувство, все более пугавшее его. За последнее время в стране происходят какие-то изменения. Нет, нет... Если слишком пересолить... Ведь если мы исключим Тотрадза, то дело будут разбирать в обкоме. И куда тогда, в какую сторону утянут эти двое?.. Но, опять же, нельзя разводить анархию! В партии все держалось и держится на железной дисциплине. Что будет, если все начнут говорить, кому что взбредет! «Не должно этого быть, — как будто убеждая кого-то, рассуждал он сам с собой. — Но все-таки лучше не перегибать...»

Никому не предоставляя слова, он заговорил:

— Габуев допустил грубые ошибки, — и Азамат перечислил их. — Надо его исключить из партии...

Каламурза толкнул Алибека локтем в бок и едва заметно улыбнулся.

— Но, — продолжал Азамат, — в партии он давно Звено его работает хорошо. Кроме того, нужно учитывать обстоятельство, что он малограмотен. Запишем ему строгий выговор. Простим в последний раз... Пусть он даст нам слово... А этого, — он пренебрежительно посмотрел на Бориса, — пошлем в колхоз к Дудиеву. Пусть там помогает выправлять дела, вместо того чтобы об этом звонить в газетах. Звонить всегда легче, чем дело делать. Правильно говорю? — обратился он к присутствующим.

— Совершенно правильно, — поспешил сказать Алибек.

— Правильно, — сказал и кто-то еще.

«Смотри-ка ты, он даже спрашивать стал нас, правильно ли!» — про себя усмехнулся Уруспи, а вслух объявил:

— Прошу записать мое особое мнение. Я в корне не согласен с таким решением. Это — произвол...

— И я такого же мнения. Это неуважение к человеку, коммунисту. Это грубое оскорблениe... — Сослан даже встал с места.

Азамат теперь вел себя так, как будто не слышал, что говорили вокруг. Голосом, поразившим Сослана холодным бесстрастием, он заключил:

— Большинство членов бюро согласны. На этом закончим.

— Спасибо, наконец-то избавился, — как-то скромно улыбаясь, заговорил Борис, но оборвал фразу, а присутствующие так и не узнали, от чего он «избавился».

Тотрадз же медленно поднялся, закусил нижнюю губу. Так постояв некоторое время, сказал:

— Прав ты, Тутров... Прав, подобно змее, которая под теплым солнцем сворачивается в клубок... Но запомни мои слова: в один прекрасный день ты раскаешься. Придет время и зайдет твое солнце. Народ сильнее самого сильного.

— Выгнать нужно было тебя, — вырвалось у Азамата.

Эти слова Тотрадз услышал, уже когда тяжелыми шагами бесконечно уставшего человека подходил к двери кабинета.

...Дома все давно спали, а Тотрадзу не давали покоя тяжелые мысли.

Он тихо поднялся с постели и на цыпочках вышел из дома. Ноги подкашивались. Прислонился к воротам. Напротив, за дорогой, на фоне молочно-луиного неба обрисовывался контур ветвистого дуба. Покачиваясь, как пьяный, старик добрался до дерева и присел на камень, опервшись спиной о толстый ствол.

Ночное село безмолвно. Сидит Тотрадз. Временами у него кружится голова, темнеет в глазах...

Показалось вдруг Тотрадзу, будто по небу катится черная-пречерная волна. Накатилась, огромная, и снова удаляется.

Смотрит Тотрадз и видит: на волне сидит Каламурза в обличии Донбеттыра¹ с длинной блестящей плетью в руке... Махнул он плетью, и где-то далеко посыпались искры.

Протер Тотрадз глаза, и черная волна вместе с Каламурзой исчезла... «Чего только не померещится!» — подумал он про себя, покачал головой и вздохнул.

Некоторое время Тотрадз сидел неподвижно. И как живой, увиделся ему отец. Невысокий, худенький. Отправляется он в поездку: На равнину, работать на землях князей Тугановых. Видит Тотрадз серые, усталые глаза отца. Испытывающие смотрят они на него. И вдруг как будто кто-то положил руку на плечо. Вспомнилось Ала-

¹ Донбеттыр — мифическое водяное существо, владыка водяного царства.

гирское ущелье... Гражданская война. Встреча с Сергеем Мироновичем Кировым... Тогда окончательно укрепилась в груди Тотрадза вера в революцию. Когда деникинская армия появилась в горах, он не раз сидел в боевых засадах. Однажды встретился с пятью деникинцами. Из-за выступа скалы он открыл огонь и повалил двоих. В те дни приняли его в партию. И с тех пор всю жизнь не знал спокойного часа.

И кажется сейчас Тотрадзу, будто положил он перед собой тяжелую книгу. В ней каплями крови и пота написана история его жизни.

Перед глазами узкие, как ножевые раны, ущелья... Камень, теснота, голод... Но пришли дни, и на двухколесные арбы сложили свое скучное имущество, навьючили лошадей, ослов, выбрались на просторную, широкую равнину, обосновались на берегах Большой реки. Тогда же посадил Тотрадз вот это, сейчас такое могучее, дерево. Оно принялось, глубоко пустило свои корни и не боится теперь ни холодов, ни завывания ветра, ни зноя.

Тысяча девятьсот двадцать девятый год. Все село собралось под этим деревом. Человек, прибывший из округа, говорил о колхозах, о том, чтобы совместно обрабатывать землю. Когда он закончил свою речь, Мика Слонов вскочил с места и, ехидно улыбаясь, спросил:

— А вот Сосе и Мосе — родные братья, и все равно друг другу жизни не дают. А мы как будем всем селом? Значит, один будет трудиться, другой есть?

Тотрадз не выдержал:

— Да, да, Мика. Ты будешь работать, а мы — есть! Все засмеялись.

Долго шли толки и пересуды. Прицеливались да примерялись, как это будет! А Тотрадз пошел домой. Быстро запряг свою пегую кобылу, посадил в арбу старшего сынишку, жеребенок с белыми бабками бежал рядом. Приехали к кургану. И Тотрадз прямо с арбы держал первую в своей жизни речь:

— Колесо жизни все время движется вперед. Настал день, когда мы можем построить коллективную жизнь, как завещал нам Ленин... Сами видите мое предложение, — указал на кобылу и жеребенка. — Это — все колхозное. И сам я, и сын мой — в колхозе!

«Габуев враг колхозного строя и подлежит исключению из партии»...

Вздрогнул Тотрадз, поднялся с места. Луна уже ска-

тилась за седоглавые горы. Потемнело. Тотрадз спустился с вершины кургана и бесцельно направился дальше. Вот маленькая канавка. Ручеек, устремляясь вперед, низким клокочущим голосом поет затаенные песни... Куда он бежит, к чему он стремится?

Спит глубоким сном село. Все заботы, волнения исчезли до завтрашнего дня. А на сердце Тотрадза камень, не сдвинуть его, не поднять.

Вдруг по глазам ударили резкий свет из окон. Громкие голоса. Мика Слонов, его дом.

— Это только лишь ягодки! — услышал Тотрадз зычный голос Каламурзы. — Что потом будет! Всех двуличных и клеветников сотрем с лица земли. Пока Габуеву подкоротили язык. И Борису на хвост насыпали соли... Меня все знают! Двадцать лет на руководящей работе! Если бы захотел, вторым секретарем райкома был бы сейчас. Но лучше здесь быть первым, чем там вторым... Ладно, желаю тебе много лет жизни, Мика. Следующий раз убей олена, а не кабана! — сказав это традиционное пожелание, он расхохотался. Расхохотались и другие...

Обессиленный от пережитого, услышанного и увиденного, Тотрадз вернулся домой. А когда совсем рассвело и осеннее солнце показалось на горизонте, заговорило радио. Голос известного всем диктора торжественно объявлял: «Передаем постановление Пленума ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему подъему сельского хозяйства...»

* 19 *

Утром Дзенаго оседлал свою клячу и отправился в село: ему передали, что колхозный бригадир Циусур велел явиться быстро.

«Большой начальник колхозные поля обходит пешком, а я верхом езжу, — горделиво думал парень, покачиваясь в стареньком облезлом седле. — Рассказывают, что этот секретарь, Сослан, не любит Каламурзу. Потому-то и выпытывал недавно кое-что у меня.. Сердитый. Потому и не вырос. Сердитые плохо растут. Начальник должен быть таким, как наш Каламурза. Он и полный. И добрый. Другой разве бы устроил меня на эту работу? Раз, мол, отец у него таким оказался... Вот только Каламурза уж очень громко смеется. Ржет, как лошадь...»

Вспомнилась Дзенаго пухлощекая Тамара. «Эх, поставить бы ее в угол невестой... Говорят, лучшие ее нет девушки в нашем селении. А вот глаза у нее злые».

А у Марии тоже пухлые щеки. А как она целует! Однажды только поцеловала Мария в щеку Дзенаго, и до сих пор помнится мягкое нежное тепло. «Но нет, нет! Тамару не променяю на сто Машенек».

Циусур встретил его возле крыльца и повел в пустовавший кабинет председателя. Приложив палец к губам, он сказал:

— Поезжай к Машеньке. Небольшая у нее просьба, и ты не ленись. Вчера она и деньги уже заплатила, но все равно делай так, чтобы никто ничего не узнал. И Каламурза ничего знать не должен: он из колхозного добра своим родственникам даже за деньги никогда не дает.

Дзенаго, нахлестывая клячу, поскакал к Марии. Она приняла его радостно, сразу же накрыла стол. Богатый стол — не поскупилась. Сама тоже села. В одну минуту, как бы шутя, потянулась к нему и, как когда-то, поцеловала в щеку.

— Клянусь мамой, так сердце и просится к тебе. Ты как конфетка! Как я завидую твоей Тамаре!.. Но ты слышал, что этот противный Тотрадз за своего сына тракториста сватает ее?.. Тебя прямо на людях уж как не честят Габуевы. И все за отца. Но ничего у них не получится. Я с матерью Тамары всегда договорюсь. Я тоже вдова, и Таурзат меня поймет!..

«Сведем когда-нибудь счеты с Габуевыми», — подумал Дзенаго, скрипнув от злости зубами.

— Скотину мне кормить нечем. В продаже кормов нет, — перевела разговор на другое Мария. — Вчера целую горсть своих трудовых, чистеньких отсчитала в правлении колхоза, клянусь мамой!.. Да еще пшеницы мешка бы два-три не мешало. А то вдруг у тебя свадьба, мука на пироги хорошая нужна. Циусур тебя порекомендовал. Говорит, он умеет держать язык за зубами... Я на тебя надеюсь, как на себя. Ведь я к тебе как к самому близкому отношусь. Если бы кто-нибудь только узнал, что и целую-то я тебя! Хи-хи-хи!.. Всего три копны сена да два-три мешка пшеницы. Она же у тебя там без веса, — и, придвигнувшись ближе, зашептала: — А сегодня видела Таурзат. Говорила о Тамаре. А она мне говорит: «Если ты сосватаешь, так она и за бродячего цыгана пойдет!..» А девушка-то, ну, что тебе спелый дюшес!.. Говорят, на меня похожа. Ты замечал, что она на меня похожа? Смотри, я ревновать буду, — и она засмеялась лукаво...

За полночь на темный двор въехала арба, над которой возвышался кособокий горб сена, а под сеном — три мешка пшеницы. Дзенаго принялся торопливо отвязывать веревку и сбрасывать шест, которым было придавлено сено.

— Ты что тут делаешь? — услышал вдруг он. Оглянулся. В темноте маячил силуэт Каламурзы. — Я ему доверил колхозное добро. Думал, что он ценить будет доверие, а он вот чем занимается! — председатель подошел близко к перетрусившему Дзенаго.

— Очаг мой! Это вы здесь? — очутилась около них Мария: — Ну-ка, Кала, помоги парню! А потом заходите в дом... Чего ты на меня уставился? За все это плачено в колхозную кассу моими трудовыми, чистыми...

— Заплатить-то заплатала... Да черт вас разберет. Запутали тут все на свете! Ну, ладно... Помогу...

Вдвоем они быстро сбросили сено, перенесли пшеницу. В комнате их ждал стол, ломившийся от угощений. «Интересно, к моему ли приходу все это она приготовила? — удивлялся Дзенаго. — Нет, наверное, Каламурзу ждала...»

Ели, пили, и Мария преподнесла бокал полевому сторожу.

— Я бы за него одного всех парней нашего села отдала, — расхваливала хозяйка Дзенаго. — Да вот жизнь обидела парня. Но правду говорят: день идет и счастье с собой несет. Будет правда.

— Пусть накажет бог Тотрадза! — сказал председатель и, вздохнув, повернулся к парню, пристально посмотрел ему в глаза. — Если... Если завяжешь рот на тесемочку, узнаешь кое-что...

— Клянусь друзьями! — впервые не по-мальчишески, но очень серьезно поклялся Дзенаго и покраснел, как краснеет девушка, сказавшая первый раз о своей любви.

Каламурза говорил нехотя, не спуская глаз с парня.

— Были тогда люди, которые завидовали твоему отцу, вот также, как сейчас мне. Председателем сельсовета, то есть на его месте, оказался Тотрадз. Случайно? А может, не случайно? Но с тех пор вышел он в люди...

Дзенаго уставилсь пьяным взглядом куда-то в угол. Мерещилось ему, будто Тотрадз, хищно сгорбившись, крадется куда-то...

— Крепись! — Каламурза положил тяжелую руку на плечо Дзенаго. — На днях красавицу Тамару приведем в

твой дом... Самое лучшее лекарство от всяких невзгод — женщина. Как ржа на железе боится масла, так и любое горе проходит от женской ласки.

Дзенаго молчал, уставившись в одну точку. Мысли, каких он до сих пор не знал, сейчас кружились в голове его беспорядочными вихрями. Перед глазами вставал отец в какой-то необычной одежде: на голове остроконечная шапка, как тот шлем, что раньше носили красноармейцы: на боку шашка. Стоит, а к нему подкрадывается Тотрадз... Каламурза с Машенькой о чем-то все говорят и говорят, не слушая и перебивая друг друга.

---

* 20 *

Маленький блокнот — и ничего в нем нет особенного, а теплеет в груди, когда достанешь его из стола. Подарок Зины... Сослан написал на свободной страничке, что должен сделать сегодня, и принялся за почту.

Заявление от жителей небольшого поселка. Требуют, чтобы к ним провели воду. Зимою, пишут, приходится ходить за пять километров. Другая бумага: женщина жалуется на мужа, учителя. Поздно приходит домой, не приносит зарплату. А вот еще одна бумага. Интересно озаглавлена: «Случай о том, как наши куры пропали вместе с яичками». Поступила из колхоза «Красный Кавказ». Без подписи... Прочитал ее несколько раз. Рассказывают о хищениях на колхозной птицеферме. Но подписи не поставили. Боятся. Старая, хроническая болезнь. «Вот если бы писали и говорили открыто, как думают. Вот как Тотрадз написал тогда в обком, — думал Сослан. — Иначе бы шли дела!»

Раздался телефонный звонок. Взял трубку.

— Это Сараби, — известил говорящий по телефону, — председатель артели «Деревянные бочки». Азамата не нашел, вам звоню. Наших парикмахеров перевожу в другую комнату, вот и думаю спросить...

— А разве Азамат в парикмахерском деле очень понимает?

— Нет... Да... — растерялся необычному вопросу неизвестный Сослану Сараби: — Да... Нет... Но все-таки спросить нужно...

— Зачем же о подобных делах спрашивать первого секретаря райкома!

— Ну, тогда извините, — в трубке раздались гудки...

«Смотри-ка ты! Обязательно ему нужен первый секре-

тарь, чтобы рассадить парикмахеров!.. Неужели Азамат вмешивается в каждую мелочь? Или он убежден, что без его совета ничего сделать нельзя? Поговорю я с ним об этом, — думая так, Сослан посмотрел на часы. — Уже полдень. Хотя бы сегодня пообедать вовремя».

Вдруг тихонько открылась дверь. Осторожно перешагнув порог, в кабинет вошел немолодой мужчина. В белой поношенной, но очень ладной черкеске; золотистая каракулевая шапка, местами потертая, надета лихо, набекрень, как на джигите. На висках благородная седина; в пышных усах, когда-то угольно-черных, тоже серебряные нити. Полное лицо в этом обрамлении выглядит приятным. И только бегающие глаза мутны. Да еще (Сослан с трудом удержался, чтобы не улыбнуться) на великолепных черных сапогах разношерстные разбитые калоши.

— Да будет мир и счастье в этом доме! Но мне тоже разреши войти, — и, приложив руку к груди, гость поклонился.

— Пожалуйста, пожалуйста, — Сослан вышел из-за стола к нему навстречу.

Гостем был Мика Слонов. Дело в том, что Каламурза решил определить его мельником. Но чтобы не пошли разговоры, он послал его к Азамату. Научил: скажи, мол, многие хотят, чтобы я был мельником, а председатель колхоза не соглашается. Азамат тогда даст нам указание: «Разобраться!» А мы уж его указание очень правильно, по-своему, разберем...

Азамата не оказалось, и Мика собрался было уходить. Но ему сказали, что принимает посетителей второй секретарь, Сослан.

— Поверь, — говорил тихо Мика и ласково поглядывал на невысокого и казавшегося совсем юным секретаря райкома, — мне так приятно видеть себя. Как будто бы встретился с родным сыном. С утра ждал дорогого Азамата. Да, говорят, по важным делам уехал. Как же, хозяин района!.. И другие все ушли. Думаю, дай-ка зайду к вам. Фамилия Макеевых всегда считалась благородной. Макеевы родственники моей бабушки. В верхнем Мизуре с твоими предками вместе жили. Во всем ущелье не было подобной женщины. Когда еще я был неженатым, только там и пропадал...

— Садись, пожалуйста. Почему стоишь, — Сослан с любопытством разглядывал стройного мужчину в осетин-

ском национальном костюме. И только взглянув на калоши, отводил взгляд в сторону.

— Благодарствую. Посидеть рядом с хорошим человеком — сердцу приятно, — и Мика чинно опустился на стул. Закинул ногу на ногу; пола черкески опала, показался красный шелковый башмет.

— Извини, пожалуйста, — проговорил Сослан, — но я не совсем хорошо знаю тебя...

Мика вскинул высоко и гордо голову; сначала поднялась у него правая бровь, потом левая — он удивлялся (а может быть, искусно изображал удивление).

— Разве в нашей округе есть человек, который бы не знал меня?.. Прости, пожалуйста, я и не сообразил представиться... Имя мое Микала. Но людям нравится звать меня ласково Мика. Фамилия — Слонов. Отца моего звали Царазон. Я один из тружеников колхоза «Красный Кавказ». А теперь вот, видишь, хотят меня втиснуть на мельницу. Мне-то что, как приказывает начальство, на то и соглашаюсь! Для людей и души не пожалею. Особенно теперь. Такое постановление для нас вынесла Москва! Порядочный мужчина не будет теперь сидеть без дела... Но я откровенно тебе скажу: никто трудов моих не ценит. В колхозе пристают: никто, мол, теперь, после этого постановления на мельнице лучше тебя не сможет. Я что же? Я для людей души не пожалею. Но Каламурза говорит: спроси Азамата или Сослана. Тебя он очень хвалил... — Мика достал из кармана пожелтевший клочок газеты. — Вот, посмотри, написано о том, как я пел в самодеятельности. А это во время войны... Справка... Для фронта скот скупал. А это... После войны... Опять же покупал. Колхоз восстанавливал. А вот эту только летом дали... Каламурза сам подписал.

В справке, выданной в прошлом, пятьдесят втором году, значилось, что Слонов Мика в колхозе работает усердно, всегда выполняет указания правления, среди людей пользуется большим авторитетом.

Все эти справки и назойливость Мики произвели на Сослана неприятное впечатление. Он стал вспоминать, что где-то, кажется, слышал об этом человеке.

— А зачем нужно спрашивать райком, когда мельника подбирают?

— И я тоже самое им говорю! — хлопнул себя по колену Мика. — Клянусь богом... Позвони-ка тогда в колхоз. Я слышал, что без ответа от тебя никто не уходит.

Пусть все твои недуги перейдут ко мне! Ну просто приятно видеть человека, в котором столько решительности. Спасибо, тебе, спасибо: и мое дело устроил. Ведь сидели же в этом кабинете и до тебя. А разве... Нет, клянусь богоом...

Сослан понимал, что ему грубо льстят. А что все-таки делать? Не выгонять же такого почтенного человека. Снял трубку телефона...

В правлении «Красного Кавказа» оказался только один Циусур, и Сослан объяснил ему, что если руководство колхоза желает, то пусть и устраивает Мiku Слонова на мельницу. Зачем еще какое-то решение райкома?

Мика встал, сжав руку Сослана в своих ладонях. Улыбаясь, сказал:

— Вот старая память! Как же это я забыл... имя твоего отца... Родной человек моей прабабушки. Мой лучший друг... Ведь надо же!.. Вот так кто-то, говорят, забыл, как хлеб зовется...

— Камболат...

— Да, да, Касполат, Касполат... Как там он поживает, как мой лучший друг?

— Об этом точно ничего не скажу. Последний раз я видел его, к несчастью, тринадцать лет назад... На этом свете он завершил все свои дела... Вот только как об этом вы не слышали?.. Ближайший лучший друг, кажется, вы так сказали?

Мика смутился. Но ненадолго — не таков Мика, чтобы всерьез смущаться. Заговорив о чем-то другом, он тут же рас прощался и ушел.

---

* 21 *

Утром, когда Сослан только лишь поднялся с постели, ему позвонили. Он подумал, что это Азамат снова собирается проехать по району и поэтому хочет дать указание или же... Сослан сказал суховато: «Да, слушаю. Макеев». И вдруг голос негромкий, казалось, что говорят вот тут, из-за стенки, спросил:

— Сослан, это ты?

Она была здесь. В селе. И она была здесь уже со вчерашнего дня. Еще с каким-то врачом приехала по телеграмме, которую Сослан направил в Орджоникидзе. Они приехали к Долату.

Старик с того самого дня, когда Сослан видел его на ферме, слег и уже не вставал. Совсем недавно сын его

Борис, теперь «сосланный» в «Красный Кавказ», привез отца в районную больницу.

Вчера, как рассказывала Зина, Долату сделали операцию. Но болезнь страшно запущена и надеяться можно только на чудо.

— Мы встретимся?

Зина долго молчала. Голосом очень усталым (наверное, она не спала ночь) ответила:

— Конечно... Но только попозже. Сейчас ему очень плохо. А мой... товарищ (она с какою-то иронией произнесла это) уехал. И я не могу отлучиться...

Встретились они уже вечером. Лицо ее было бледным и осунувшимся. Сослан хотел сказать Зине теплые, хорошие слова, но у него вырвалось:

— Ты очень устала?.. Наверное, голодная?

— Недаром говорится, — усмехнулась она, — что у кого болит, о том тот и говорит. Посмотри на себя. Вид у тебя очень усталый. Подбородок совсем как у щуки. Колхозы уж настолько тебя заняли, что ни до кого тебе и дела нет.

Сослану было радостно слышать эти упреки.

— Давай-ка погуляем, только возьми меня под руку, — Зина хитровато посмотрела на Сослана. — Не позволяет осетинский обычай? А на собраниях как ты выступаешь? Проведем, товарищи, жестокую борьбу против проклятых пережитков прошлого! — и она звонко засмеялась.

По обе стороны бульвара выстроились высокие тополя. Еле заметный ветерок шелестит в кронах деревьев; большие желтые листья по одному, по два, делая широкие круги и плавно покачиваясь, падают на землю.

«Скоро мне тридцать пять, — подумал Сослан. — А жизнь не устроена. Все некогда. Сегодня здесь, завтра посыпают еще куда-то. Не зря в народе говорят: «Камень, который катится, мхом не обрастет».

Тихий осенний бульвар навевает раздумья. Зина вспомнила беззаботные студенческие годы. Какой простой была тогда жизнь. В Зину часто влюблялись. Ей самой казалось не раз, что она влюблена. Но эти чувства, легко возникнув, легко и улетучивались, как под первым солнечным лучом исчезает утренняя роса.

— Осень... Листья падают, — промолвил тихо Сослан.

— Что ж, — вздохнула Зина. — Время. Ничего нет вечного. Ничто не стоит на месте..

— Мы вот, может быть, только и стоим.
Зина сделала вид, что не понимает Сослана.

— Почему же! Мы тоже идем.

— Я имею в виду жизнь... Твою. Мою...

— А что же! И наша жизнь тоже не стоит на месте.
Ты заседаешь, проводишь совещания. Ты занят тем, что
любишь больше всего на свете. А я делаю операции...

— Значит, я больше всего заседания люблю? — Сослан мрачновато усмехнулся и покачал головой. — А может быть, — в голосе его слышалась грусть, — может быть... «Я люблю черные глаза. Люблю»..: Так, кажется, писал поэт.

— А если глаза не черные, как им быть? И потом, у него немножечко не так. «Я любил глаза черные. Любил», — Зина улыбнулась. Посветлево и хмурое лицо Сослана. Он потянулся к ее руке.

— Т-с-с! — она сделала страшные глаза. — А если кто-нибудь тебя увидит?.. Морально неустойчивый секретарь! Ташить его на бюро!..

Свернули с бульвара на улицу. Здесь многолюднее. Почти каждый, кто идет навстречу, здоровается с Сосланом. А какой-то могучий мужчина, возвышавшийся над хлипкой бедаркой, проезжая мимо, привстал и снял кепку.

«Как его здесь любят», — подумала Зина, и не предполагавшая, что восседавший на бедарке Каламурза спешит к Азамату с новым протестом на «самостийность» Сослана.

— А здесь я живу...

Небольшая комната. Аккуратно прибранная кровать. Стол, одна половина которого занята книгами и бумагами, на другой, видимо, завтракают и ужинают. Старый диван, книжный шкаф, на стенах в маленьких рамках несколько фотографий.

— Кровать убирают женские руки, — сказала Зина, стараясь, чтобы слова ее звучали с легкой усмешкой. — А как блестят полы!

— Насчет кровати ты неправа — служивший в солдатах приберет ее не хуже любой женщины. А вот полы в последний раз помыл не сам.. Хочу найти квартиру побольше. Как ты думаешь, может понадобиться такая?

Зина поняла его и хотела ответить шуткой, но не смогла. Пауза была неловкой, и Сослан поспешил перевести разговор на другое.

— Так как все-таки дела у Долата?

— Мало надежды. — Зина устало опустилась на стул. — Хотя иногда случается чудо. Операцию делал опытный хирург, кандидат наук, — и, сказав это, почувствовала себя очень неловко. Вспомнила холодное равнодушие Виктора, уже с первой минуты уверовавшего, что никакими операциями старику не помочь. Вспомнила, как, вымыв руки, Виктор сказал: «Ну-тес, все, что могли, мы сделали, теперь можно и домой!»

Никогда не разделяя умильных восторгов своей матери, считавшей Виктора каким-то чудо-человеком и пропившей ему самую великую будущность, Зина тем не менее относились к нему очень тепло. Друг. Да, она всегда считала его надежным, серьезным другом. И вот теперь, здесь, у постели этого старого осетина, который, как и каждый из нас, людей, всегда, до последней минуты, надеется на лучшее... Нет, можно быть трезво мыслящим, серьезным. Но беспощадно холодно: «Ну-тес... теперь можно и домой!» Зина заявила Виктору, что остается, и простилась с ним очень сухо.

— Долат твой родственник? — спросила она Сослана. Тот вздохнул.

— Нет. Совсем нет... Но он из тех, доброта которых и змею делает безвредной. Так в народе говорят. А сколько несчастий жизнь взвалила на его плечи! Дочь-красавицу, учительницу, немцы убили. Старшие сыновья не вернулись с фронта. Сам полжизни трудился на ферме. Исклечился. И потом... — Сослан нахмурился. — Единственный сын у него остался. Честнейший человек. Скажи ему, что твоя голова нужна для общего дела, — не пожалеет... А вот детей у него нет. Бедный старик и сейчас, наверное, больше горюет не о своей болезни, а о том, что род его не продолжается. А у меня, — Сослан, прохаживаясь по комнате, глядел себе под ноги немигающим взглядом, — до сих пор сердце болит, как вспомню, что его, беднягу, состили тогда на ферме больным. Побоялись Азамат и Каламурза, что запачкает он их машину...

Хозяйка дома, старушка, принесла пироги с сыром и графин пива. Посидела недолго с молодыми и ушла.

— Да, я все-таки проголодалась. С таким удовольствием давно ничего не ела, — говорила Зина, смеясь и уплетая пироги. — Хорошая твоя бабушка.

— Человек душевно богатый — всем богат.

— Это верно, — согласилась Зина и вдруг смущилась.

Вспомнились ей слова матери: «Может, у твоего Сослана и много за душой, да в кармане не густо. Не то, что у Виктора».

Он подошел к ней, провел рукою по волосам, которые после недавней завивки казались жесткими. Зина смотрела на него снизу вверх, и глаза ее блестели незнакомым добрым светом. Сослан наклонился и поцеловал ее.

— Вот так приходит беда, — сказала она поднявшись и посмотрела на часы. — О, боже! Двадцать минут первого. Уж, конечно, чего только нельзя подумать, увидев, как я выхожу отсюда в такой поздний час!

— А ты оставайся. Я лягу в комнате у старушки. Там есть диван. Оставайся. — Сослан обнял ее за плечи и, повернув лицом к себе, посмотрел пристально в большие голубые глаза.

Она была смущена, и поцелуй, и объятие — это какая-то черта, которой она еще никому переступать не позволяла. Но и смущаясь, она смотрела на него с той милой ласковой преданностью, которая обычна, когда и своему чувству доверяют и в чувство другого верят почти безгранично.

* 22 *

Алибек читал документы, подписанные вчера вечером первым секретарем. Азамат вписал два предложения, изменил одно слово, да еще поставил запятую там, где она не нужна. Алибек не посмел этого сказать вчера, а сейчас злился. «А! — успокоил потом себя, — пусть делает, как хочет. Не моя же подпись там стоит».

Документы для обкома партии. Отчет о состоянии животноводства в колхозах. Готовил отчет старший зоотехник МТС. Алибек редактировал. А потом вот — Азамат! Добавил два злополучных корявых предложения, изменил слово не в ту сторону и поставил лишнюю запятую. Ломай тут голову, как выправить положение!

Вдруг вошел Сослан. Он редко, но все же заходит вот так просто.

— Чем занят? — спросил вместо приветствия: утром они уже виделись.

Алибек невзлюбил Сослана с первого дня. Он считал, что место второго секретаря должно было перейти к нему. Но вот почему-то::: Он и не догадывался, как к нему относятся в обкоме партии. Особую, скрытую неприязнь Алибек стал чувствовать к Сослану с тех пор, когда на

бюро обсуждался Тотрадз. Но тогда же Алибек понял, что новому секретарю не жить долго в Дубравинском районе. Азамат не терпит своенравных. Впрочем, кто знает, что может быть. Иногда, на крутых поворотах, из поезда вылетает не только тот, кто на заднем сиденье, но и сам вождик.

— Посмотри-ка отчет, который посылаем в обком, — сказал Алибек. — Целую, значит, неделю над ним сидим.

Сослан опустился на стул напротив Алибека, взял бумаги и стал их читать. Молчит..: Отдельные места, кажется, по несколько раз перечитывает. «Ошибки, что ли, ищет?» Алибек не считал, что он неграмотнее, чем другие. На ветеринарном факультете сельскохозяйственного института он учился два года. Шесть месяцев был на торговых курсах, а теперь заочно учится на историческом факультете педагогического института. «А вот этот, — думал он о Сослане, — видимо, не из грамотных: не замечает, что та запятая лишняя!»

Сослан забарабанил пальцами по столу. И Алибек сразу увидел ошибку: слово «заниматься» стояло в отчете без мягкого знака!

— Ты смотри-ка! Но это, понимаешь, машинистка... значит.

— Машинистка, машинистка... — зло проговорил Сослан, уставившись на Алибека колючими глазами. Он был разъярен. На первый взгляд, к отчету не придерешься. А вглядишься в строчки и видишь холодную, расчетливую ложь.

«Но, — эта мысль мелькнула вдруг, — может быть, не стоит начинать об этом разговор. Животноводство. Пусть им занимаются... Второй секретарь — это же идеология. Да формально к животноводству я отношения не имею. Мое дело — вопросы идеологии». Но эта мысль разозлила его еще более. «Формально! Как мы научились прятаться за это слово!» С трудом сдерживаясь, он спросил:

— Кто это писал?

Алибеку показалось, что глаза Сослана выстрелили в него пулями. И он, все еще думая об ошибках и подозревая, что какую-то, самую серьезную, проглядел, ответил торопливо:

— Сперва, значит, старший зоотехник МТС. Потом я подправил...

— А кто у нас так точно выверил состояние колхозов? Хотелось бы знать.

— Свое состояние знают сами колхозы, — Алибек успокаивался: вот, значит, почему опять раскипятился этот. — Вот документы, которые они представили, — он положил на стол папку. — А потом, и я совсем не с потолка... Я в районе не первый год!

Отчет, присланный из «Красного Кавказа», был подписан Каламурзой. Сослан взял его и положил рядом с райкомовским.

— Дорогой мой, — сдерживая себя, говорил он Алибеку. — Посмотри-ка, что же у нас получается! Горы переворачиваем. Скота столько, сколько требуется по плану. Корма — заготовлены, скотные дворы готовы и даже... Каламурза наврал бессовестно, а мы и его перещеголяли.

Алибек, конечно, понимал, что на самом деле обстоит не все так благополучно. Что-то пришлось подправить. Что-то округлить. Ну и что? И потом, отчет уже подписал первый. Чего еще тут мудрить?

«Вот так оно и делается! — думал Сослан. — Сперва заведующий фермой подправил. Потом председатель колхоза. После — старший зоотехник. А теперь вот в райкоме. Наверно, и потом еще найдется кто-то, который еще подправит, округлит. До Москвы бумага дойдет такой выпрямленной, гладенькой! И дела обстоят у нас великолепно. Хлеба много, скота на бумаге пасется — не перечтешь!» Вспомнил вдруг дело Тотрадза. «Алибек, видимо, тогда таким же образом окружлял, «доводил» факты!»

— Скажи-ка, где мы всему этому научились? — Глаза Сослана опять засверкали. — Кому это нужно подправлять факты, искашать истину? — Сослан даже замахал руками, и Алибек обратил внимание на его руки, некрупные в ладонях и, наверное, несильные. «Э, да если нам с ним драться, так я его в одну минуту уложу на лопатки, как мальчишку!» Почему-то вспомнился Алибеку вдруг Наполеон. Показалось, что Сослан на него похож. И Алибек, тут же про себя окрестив его Наполеоном, не смог сдержаться, заулыбался.

— Да не смеяться надо, а плакать! — закричал Сослан. — Мы же с вами коммунисты...

Когда, чуть успокоившись, с отчетом, который забрал у Алибека, Сослан пришел к первому секретарю, тот, озабоченный и хмурившийся, встретил его вопросом:

— Как ты считаешь, если ко дню конференции мы

трахнем государственное задание по зерну, это будет убедительно?

— Трахнем? Это о чем говоришь? — машинально переспросил Сослан.

— О чём! — поморщился Азамат. — Задание по хлебу, говорю. Иначе партийная конференция будет, как свадьба без невесты...

— Неплохо бы было, — согласился Сослан. — Но я сейчас о другом. Читал отчет по животноводству, что посылают в обком. И... не согласен...

Он положил бумаги перед Азаматом... Тот долго разглядывал их, потом спросил:

— Что тебе здесь не нравится?

— Я не согласен посыпать в обком эти данные...

— Почему?.. Что, или их еще должен поп святой водой кропить? Но ты же знаешь, попа у нас нет! Впрочем, почему их передали тебе? Разве мне нельзя доверять?

— Мне никто их не передавал. Но я удивляюсь, что ты подписал такой отчет! — Сослану хотелось высказать все накипевшее. — Здесь все искажено, неверно...

— То есть ты хочешь сказать: я обманываю? Я жулик? Или ничего уже не понимаю, и ты меня должен учить? И решения сентябрьского Пленума я не понял? — Азамат распалялся. — Ну что ж, пожалуйста. Готов слушать тебя, как школьник, товарищ Макеев. Но ты все же скажи, а что тобою сделано с тех пор, как ты здесь? Где увеличилось поголовье скота с твоей помощью? Может, в «Красном Кавказе», где ты изволил ночевать на ферме и где ты отменил мои указания? А не кажется ли тебе, что ты все же молод и попал под влияние таких, как Габуев?.. Быстро, быстро! То-то ты адвокатом старался за этого Габуева!.. Или, может быть, ты расскажешь, как по улицам осетинского селения гуляют с девушкой, подхватив ее под руку?

— О, да ты, оказывается, из тех, кто держит камень за пазухой. Удивляюсь, что ты не хочешь признать нашей вины перед Тотрадзом. А что касается девушек, то тут доносчикам не говори спасибо... Разве не всюду эти нормы поведения одинаковы? В селе или в городе?

— Надо было раньше привести тебя... Осетины только и ждали, когда к ним придут новые порядки...

— Не надо от имени осетин. От имени народа... Всем нам жизнь диктует и подсказывает свои порядки. Важно, чтобы мы их не нарушали...

— Их нарушаю я? — нижняя губа Азамата начала дрожать. — Я!.. Тогда давай садись на мое место. Кажется ты туда и метишь. Привез для себя головную боль...

— Ошибаешься, Тутров. Я не скотина, чтобы меня привозить. Меня сюда послала партия, слышишь? И я тебе заявляю, если этот отчет ты пошлешь в таком виде, я вслед за ним пошлю другой!..

* 23 *

Спазаранку уходит Азамат из дома и возвращается глубокой ночью. В колхозах начались отчетные собрания. Почти на всех считает он нужным присутствовать. Кое-где избрали новых председателей. В «Иристоне» теперь Уруспи, вчерашний председатель райисполкома. «Избавились», — думает Азамат. А разве избавились? Просто колхозники настояли. Нет, мол, среди нас подходящего, давайте из района! И ни кого-нибудь просили, а Уруспи...

Очень устает Азамат. Сердце вдруг защемит, то вдруг так заколет, будто острие кинжала пробует прочность натруженных мышц. В обкоме сменили двух секретарей. Один из «новых» позвонил, сказал, что завтра приедет. И хотя Азамат собирался с утра опять по району, никуда не пошел. Уединившись в кабинете, он слышал, что в приемной ходят и шушукаются, но знал, что сюда не войдут, не прервут его мрачных раздумий.

«Утром встань, соберись неторопливо, позавтракай. На работе тоже не торопись, делай, сколько успеешь, сколько сможешь! Вечером вовремя приди домой и отдохай в семье. Эх, как было бы хорошо!.. А то всю жизнь куда-то торопись, раньше всех поднимайся, позже всех ложись. И за все, и за всех отвечай. А в результате?.. Я тоже не больше других ем, не лучше других одеваюсь. И даже хуже многих».

Взгляд Азамата остановился на руках. Когда-то они были сильными. И чего только они не переделали: рубили лес, добывали руду, пахали землю. Вспомнил себя на тракторе. Однажды ночью, ремонтируя трактор, рассадил босую ногу о железный шпиль. Хлестнула кровь. Как ее остановишь? Хорошо, что рядом оказался Тотрадз. Положив на рану подорожник, перевязал ногу своей рубашкой, которую разорвал на полосы, потом взвалил его, громад-

нога парнягу, на свои суховатые плечи, понес в село... Бспоминать все это почему-то не хотелось. Азамат вышел из кабинета...

Вечером он пошел с Ханифой в клуб. Из города приехали актеры. На сцене показывали одного начальника, отставшего от жизни. Вокруг него, как воронье над падалью, собирались самые нечестные люди. Один из наглецов, увидевший, что начальнику приходит конец, заявил: «Твои авансы проедены». Совесть у человека разворовали...

Зрителям нравилось. Аплодируют, смеются. Выкрики:

— Ишь ты, пуп земли, ключ ущелья!

— Ротозей!..

— Вот устроился! Как у Христа за пазухой!

— Да как они смеют! — шепчет возмущенная Ханифа. — И что это за театр! Почему допускают? Неблагодарные... И ты еще говоришь, что надо для людей стараться!

Азамат был поражен, как большого человека, которого показывали в спектакле, обманывали близкие. Льстили, подхалимничали. А он... «Действительно, ротозей! — ярился про себя Азамат. — Я бы им показал». И настолько опять расстроился, что, вернувшись из клуба, не стал ужинать, лег спать.

Проснувшись, опять вспомнил того, из спектакля. Левая половина груди ныла, была какой-то чужой. Не хватало воздуха... И хотя он пошел на работу, но там опять засел, безмолвный и угрюмый, в кабинете. Выложил перед собой сводки, отчеты. Ждал...

Секретарь обкома приехал после обеда. Вошел к Азамату, как добрый старый друг. Был он одет со вкусом, в хорошем костюме, галстук в полоску, белая накрахмаленная сорочка, шляпа. Азамат так никогда не одевался...

— Как здоровье твое? — спросил гость.

Вопрос показался Азамату подозрительным: «Когда хотят человека снять с работы, ищут самые разные причины. Даже пенсию могут назначить досрочно. Но мне еще рано». И он ответил:

— Спасибо, ничего.

— Ну и прекрасно.

Говорили о многом. Новый секретарь расспрашивал, как учатся дети Азамата и какие виды на урожай в районе. И хотя Азамата очень тронули вопросы о его ребятах, которыми он втайне гордился, все же отвечал он ос-

торожно, тщательно обдумывал каждое слово. Чуточку лишь разошелся, когда заговорил о том, каков по его наблюдениям будет урожай.

— В этом году уродится столько, что... Колхозникам придется возводить новые амбары. На каждом гектаре кукурузы должно быть минимум сорок тысяч ростков. На каждом ростке, допустим, один початок. Каждый початок минимум даст сто граммов зерна. Вот тебе уже сорок центнеров. Если хотя бы половина хлеба, что у нас останется после расчета с государством, пойдет на корм скоту, то и молока получим в полтора раза больше и мяса тоже около этого...

Азамат смотрел на гостя, как бы спрашивая: «Ну, как тебе кажется, разбираюсь я в хозяйственных вопросах или нет? Продолжать дальше?..»

Гость понял его и кивнул: «Да, да».

И Азамат говорил. И, может, говорил бы еще и еще, но секретарь обкома перебил его:

— Планы ваши радуют сердце. Но хотелось бы... Ты ничего не сказал о тех, кто будет выполнять и уже выполняет эти планы... Кто мастер этих высоких урожаев? Сколько человек работают на фермах? Чем занимается наша молодежь? Кого из района посылаете на укрепление колхозов?.. Партийно-политическая работа...

Азамат покраснел, подобно молодому парню.

— Это тоже есть... Есть и это, конечно.

Назавтра, по предложению гостя, поехали в колхозы. Взяли с собой и Сослана.

Каламурза сегодня выглядел особенно расторопным: Азамат сообщил ему, что приедет секретарь обкома. На любой вопрос гостя он отвечал без запинки. И все-таки Азамат все более и более приходил в уныние, потому что секретарь забирался в такие места, в которых никогда не приходилось бывать и где из каждого угла уныло глядели грязь и бесхозяйственность.

Азамата окончательно убило то, что секретарь обкома попросил позвать к нему Тотрадза Габуева и долго с ним беседовал. Затем он назначил официальную встречу Каламурзе и новому секретарю парторганизации Борису. При этом он заметил Азамату:

— Я не хочу вам мешать заниматься делами. Работайте. А я тем временем поговорю с людьми.

«Лишний, значит, я при всех этих разговорах».

И не заметил еще Азамат: чем обстоятельнее знакомство,

мился гость с хозяйством «Красного Кавказа», и с делами района вообще, тем все более суровым он становился.

Вечером, беседуя с членами бюро райкома, он многое высказал:

— Кажется, кадры у вас иногда подбираются неправильно. Или я ошибаюсь?.. Подумайте. В «Красном Казказе», например, по мнению Азамата, председателя переизбирать не нужно. А у колхозников другие разговоры. Надо, мне кажется, разобраться более внимательно. Отстал от требования жизни — заменяйте другим. Если этого, другого, придется искать среди работников района, мы не будем возражать,—при этом секретарь обкома посмотрел долгим пристальным взглядом на Азамата. От этого взгляда сердце Азамата беспокойно забилось, в груди родился какой-то непонятный страх.

— Еще одно, — продолжал гость. — Габуева Тотрадза, кажется, наказали несправедливо. Ведь что происходит? Мы всегда говорим о народе. Клянемся именем народа. А вот высказал кто-то свое мнение... Это — маленький кто-то. И тот маленький, и другой маленький. И тот же прав. И другой не прав. А где же тогда наш большой и всегда правый, где же народ?..

Секретарь обкома уехал, а тревога, поселившаяся в сердце Азамата, не только не исчезла, но все росла и росла...

---

* 24 *

Старший бухгалтер «Красного Кавказа» Циусур и его помощники с утра до вечера сидят при закрытых дверях: готовятся материалы к отчетному докладу. Листаются толстые приходно-расходные книги, а счеты очередями так и сыплют свою дробь!..

— Я говорю, без учета в наш век и часа одного прожить нельзя. То ли дело во времена наших предков! Даже ског считали парами, — Циусур, довольный своим остроумием, поглаживает пухлыми руками лысую голову.

— Ты прав, как стрела, — соглашается один из помощников, и в устах его древнее выражение звучит не то похвалой, не то издевкой — не очень-то разберешься.

— Конечно, прав, — Циусур говорит уже без благодушия и горбится коршуном. — Работать и дурак может, а вот подсчитывать... И плохую работу можно показать хорошей, если знать секреты вот этих дубовых косто-

чек, — и выбивает на счетах такую чечетку, что все поднимают головы и смотрят на него восхищенно.

До начала отчетного собрания осталось немного. В этом году перевыборов нет (устав должны соблюдать!), но Каламурза все равно неспокоен...

Состоялось собрание в первое воскресенье марта. Азамат послал на него представителями Сослана и нового председателя райисполкома Алибека. На эту должность он выдвинут после ухода Уруспи в «Иристон».

Старый клуб переполнен. Как говорится, яблоку некуда упасть. Здесь не только те, кого колхозные дела беспокоят искренне, но и те, кто просто любит поскандаливать, пошуметь, кто не очень-то утруждает себя работой.

Вместе с Тотрадзом пришел Темирболат. Возвратился из гор. Приехал, чтобы побывать на собрании: тянет к себе родное село. А видимо, там, где он сейчас, совсем неплохо живется: на Темирболате хорошее зимнее пальто, богатая барашковая шапка, новенькие сапоги.

Каламурза явился заблаговременно. Утром, поднимаясь с постели, на козью шкуру возле кровати он сперва опустил правую ногу... Выходя из дома, через порог постарался перешагнуть сначала правой ногой. На улице, дойдя до первого переулка, начал отсчитывать шаги. Загадал, если до телеграфного столба получатся парные, значит, опасности нет никакой. Шаги получились парными и он воскликнул про себя: «Будь спокоен, друг Дудиев!»

В клубе он не ждал, как обычно, когда с ним поздороваются. Подходил к людям, одному тряс руку, другому — ласковый кивок. Приветствуя стариков даже снял шапку.

Когда объявили повестку дня, поднялись споры. Не понравилось людям, что не будет перевыборов. Борису, новому секретарю парторганизации колхоза, приходилось особенно трудно. Некоторые коммунисты еще до начала собрания требовали, чтобы перевыборы были в повестке дня. Борис не выполнил их воли. Во-первых, потому, что многие колхозники прочили в председатели его самого. А еще потому, что не мог он пойти против указаний райкома, не мог поступить вопреки воле первого секретаря, хотя и понимал, что колхозники правы и их требования законны.

Каламурзе предоставили слово. Он говорил очень мягко, не шумливо, как прежде. Тотрадз сидел близко к докладчику и все посматривал на него снизу вверх. Словно сомневался, Каламурза ли перед ним?

Закончив говорить о международных вопросах, сказав о Пленуме ЦК партии, обсуждавшем вопросы подъема сельского хозяйства, председатель перешел к положению в колхозе.

— Если говорить откровенно, то у нас было много недостатков. Я, в первую очередь, беру вину на себя. Руководил я недостаточно требовательно. И мы правильно поступили, что вместо Михаила избрали парторгом Бориса. С его помощью мне стало куда легче. Если говорить откровенно, то, опять же, как не упомянуть звено Тотрадза, вырастившее замечательный урожай.— Знал председатель, за кем может пойти народ и кого потому надо хвалить.— Но перед нами стоят задачи прямо-таки грандиозные! Мы должны собирать урожай кукурузы, пшеницы, картофеля, овощей в четыре-пять раз больше, чем собираем сейчас. И на каждый трудодень мы должны давать по семи, а то и по восьми килограммов зерна. Не менее. А кроме того, надо в два-три раза увеличить выдачу картофеля, овощей, денег. Слава о нашем селе Дубравы должна прогреметь по всей Осетии!..

«Вот так Сырдон¹ кормил завтраками своего заемодавца», — думал Тотрадз, покачивая головой.

— Дела наши идут хорошо, но некоторые из нас,—продолжал Каламурза, — слишком спокойно относятся к недостаткам. Ведь немного у нас осталось еще ломать кукурузы, а попробуй выгнать кого-нибудь в поле...

— Да чтобы и враг твой так же работал! — выкрикнул кто-то из зала. — Весной убирает кукурузу!

Каламурза, сделав вид, что выкрика не услышал, продолжал свою речь...

Сослан взглянул на часы: уже был на исходе второй час. Люди шумели, не слушали. И чем сильнее поднимался гул, тем больше воды успевал выпить Каламурза, тем чаще большим красным платком вытирал потную шею, мокрый лоб.

Наконец он закончил. И хотя многих подивил мягковатый, для Каламурзы необычный тон доклада, и хотя многих председатель непривычною обходительностью обезоружил, вопросы все же возникали и с каждой минутой становились все злее и злее.

— Можно спросить? — потихоньку поднял руку широкоплечий старик, потом встал и сказал: — Люди доб-

¹ Сырдон — один из самых популярных героев осетинского народного эпоса — хитрец и шутник.

рые, и все-таки до каких пор у нас будет вот такая безалаберщина. Я не понял как следует Каламурзу.

Ему никто еще не ответил, как со всех сторон уже посыпалось:

— Зачем нам нужна ферма для коров?

— А куда девались наши ульи?

— По чьей вине пропала пшеница в поле?

— Почему не даете колхозникам корм для скота?

Люди выкрикнули сто «почему».

Опять поднялся широкоплечий старишок и, поглядев на Сослана, сидевшего в центре президиума, и на Алибека, сидевшего рядом с Сосланом, спросил:

— Пусть-ка скажут начальники из района, такого человека, как я, можно ли заставить быть врачом в нашей больнице?

Сослан, улыбнувшись, ответил:

— Видимо, нельзя...

— Видимо, или совсем нельзя?

— Нельзя, — сказал решительно Сослан.

— Большое тебе спасибо, — и старик сел.

Со всех сторон раздался хохот: поняли люди намек старика.

— Можно я скажу? — крикнул Дзенаго.

Ему дали слово. Дзенаго встал, осмотрелся и решительно зашагал к сцене. Удивлялись люди, как это вдруг несмелый Дзенаго вышел говорить первым. Да и выглядел он сегодня аккуратным: старая, видимо, отцовская, но еще неплохо сохранившаяся каракулевая шапка сдвинута лихом назад; телогрейка, тоже не новая, заношенная, но не топорщится рваньем — очень ровиценькие, неброские заплаточки на ней.

Заговорил он:

— Это самое... Люди хорошие... Это самое, мужчины и женщины. Клянусь богом, клянусь землей, я вам хочу рассказать одно дело, — и осмотрелся вокруг; не то мысли растерял и сейчас их собрать старался, не то просто передохнул. А может быть, поперхнулся, потому что увидел Тамару. Девушка стояла со своими подругами возле стены, неподалеку от выхода. Смеялась, нагибаясь к подружкам, и что-то говорила. Растерялся, наверное, Дзенаго, но тут же вспомнил красавицу Марию, ее советы: «Как скажет первый выступивший, так и все будут говорить. Расскажи, как Каламурза не щадит себя и что лучше его даже сам святой Георгий не справится с делом. Да говори

так, чтобы тебя слышали! Говори, смело. Пусть Тамара посмотрит. Небось думает, ты ни рыба ни мясо».

И, вспомнив это, Дзенаго продолжал:

— Я вам хочу сказать то, что хочу сказать, клянусь богом, клянусь землей::: Люди добрые, если председателем нашего колхоза изберем самого Бога, бригадиром назначим Уáстырджи¹, полеводом — Уáцилла², заведующим фермой — Фалварá³, заведующей кладовой Нартовскую Шатану — все равно и они того не сделают, что делает для нас Каламурза. За это я голову даю на отсечение...

— А кому нужна пустая кубышка! — крикнул кто-то очень громко, и сразу многие засмеялись. Дзенаго казалось, что он слышит особенно звонкий смех Тамары. Совсем сбившись с мысли, он озирался и не знал: говорить ли дальше или бежать скорее вниз, на свое место?.. Вдруг люди зашевелились, расступаясь: Зашушукались. Те, кто сидели в зале, стали оборачиваться: по узкому проходу шагал Азамат.

Каламурза подсказал председателю собрания, чтобы секретаря райкома избрали в президиум, и сам первым захлопал: Хлопая, многие встали. Воспользовавшись этим, Дзенаго незаметно покинул трибуну:

:::Один за другим выступали колхозники. Каламурзеказалось, что все выступающие — это вовсе не те люди, которых он знал до сих пор: такими откровенными они раньше не были.

Мика, как всегда, разоделся: пальто тонкого дорогого сукна на меху, каракулевая шапка и::: как всегда, разбитые, разношенные калоши на хромовых сапогах.

— О, солнышки мои! Я богу молящийся человек, поэтому прекрасно знаю: все происходит по его велению. И хлеб, и скот, если бог их не дает, не народятся по велению самой умной бумаги. Даже вот нашему председателю, какой он ни разворотливый, ни понимающий, ничего не добиться, если бог:::

— Сейчас он все грехи Каламурзы свалит на бога, — насмешливо и громко прозвучал чей-то голос в зале. И так же, как во время выступления Дзенаго, раздался дружный хохот.

¹ Уáстырджи — в осетинской мифологии покровитель мужчины.

² Уáцилла — покровитель урожая и плодородия.

³ Фалварá — покровитель скота.

Когда на трибуну поднялся Тотрадз, в зале притихли.

— Не всегда я говорил полным голосом о наших бедах. И потому считаю себя виноватым. Не должен так поступать коммунист. Ему во имя людей нельзя жалеть себя. Ленин так завещал нам... Колхоз наш может быть богатым. Земля у нас — как земля. Машин много, народ работающий... Каламурза везде и всюду шумит о государственных поставках. Но ведь мы государству взамен мяса сдаем кукурузу и вместо молока и яиц — опять же ее. Вы думаете — Каламурза в самом деле заботится о государстве?.. Да нет. Ему лишь надо показать себя перед начальством. Говорят, он любит какую-то непростую яичницу. Интересно посмотреть, когда вместо яичницы перед ним оказалась прелая кукуруза!

Люди расхохотались.

— Давайте говорить по существу, — Азамат сурово посмотрел на старика.

— Это и есть по существу! — ответил Тотрадз. — По существу, голубчик мой, по существу. Каламурза многих прямо-таки выгнал отсюда.

— Клевета! — не сдержался Каламурза.

— Какая уж тут клевета. Правда. Сущая правда!.. Да чего ж от него и требовать. — Тотрадз посмотрел на багровое лицо, дышавшее яростью и злобой, но не сумелся. Продолжал: — Всю жизнь любил он ходить по танцам да пирам. Только вот в самое последнее время сталтише воды, ниже травы. Поприжало его. Но пройдет еще некоторое время, и он снова возьмется за свое. Короче говоря, я вношу предложение: хватит Каламурзе быть председателем...

«Правильно сделал, что приехал, — думал в это время Азамат. — Разве Сослан и Алибек справились бы с такими. Смотри, пожалуйста, как разбушевались. Первый развижу такое. В других колхозах вродетише было», — и когда Тотрадз закончил, Азамат не сказал:

— Собрание имеет повестку дня. И мы должны придерживаться порядка.

— Эх, если бы мы держались порядка, — подал кто-то голос, — тогда бы разве до такого докатились!

И опять со всех сторон полетели выкрики.

А Каламурза, оглядывая бушевавший зал, думал: «Теперь я знаю, как надо работать! Каждого поставлю на свое место. Каждый получит свое!»

— Партия призывает: колхозную жизнь надо сделать хорошей, а во главе колхоза поставить достойных мужчин, — заговорила, когда ей дали слово, Таурзат, женщина боевая и уважаемая. — Я не отношу Каламурзу к достойным. Мужчина! Какой там мужчина! Всю войну он просидел здесь, рядом с женщинами, и кое-кому грея спину. В селе, где нет достойных, говорят, лиса правит. Позор для вас, дубравинские мужчины! Если бы мы не ждали, когда вы сами примете меры, мы бы давным давно показали ему, что значит — мужчина!

Люди опять расхохотались.

— Давайте сделаем так: привяжем к его хвосту кусочек старой жести и пусть с шумом катится на все четыре стороны! — гремел голос напористой Таурзат.

Люди кричали:

— Разгоним все правление!

— Изберем Бориса!..

Кто-то трусовато, но пронзительно:

— Оставим Каламурзу...

Азамат решил взять собрание в свои руки. Не попросив слова, он встал и стоял, ожидая, пока зал успокоится. Краем уха он слышал:

— Т-с-с... Азамат говорит... Перестаньте!..

— Кое-кто не понял сути дела, — начал хмуро он, — и хочет сбить нас с правильного пути. Сегодня речь идет не о смешении правления. Тогда бы и мы знали...

— Кто же это «мы»? — выкрикнул кто-то одинокий из глубины зала.

— Выборы были в прошлом году, а в этом должен быть только отчет.

С места вскочил Темирболат и, уставившись быком на Азамата, заговорил:

— Мы больше не хотим жить по прошлогодним законам! Колхоз принадлежит народу, и распоряжаться им, и решать в нем дела все должны сообща. Кто не может жить без Каламурзы, пусть забирает его вместе с прошлогодней шерстью!

Каламурза привстал, шепнул что-то Азамату на ухо, и тот громко, с угрюмой неторопливостью сказал:

— Здесь нечего делать тем, которые сбежали из колхоза и кочуют в поисках длинного рубля!

— Дудки! Один раз прогнали меня, хватит! — ударив шапкой о колено, Темирболат сел на свое место.

— Нам надо согласиться с желанием колхозников,

пока собрание окончательно не превратилось в хаос, — сказал негромко Азамату Сослан.

— Запутал ты дела. Оставь меня, справлюсь сам, — не поворачиваясь к нему, ответил тоже негромко, но зло Азамат. Никогда прежде не перечили его слову. А ге-перь... Это его раздражало. Он решил еще раз поставить повестку дня на голосование. Большинство было за то, чтобы перевыборы проводить. Азамат почувствовал не- приятный липкий пот на спине. «Сам народ не разрешит сместь Дудиева», — вспомнил он свои слова, сказанные секретарю обкома.

В это время люди, стоявшие в дверях, почему-то забеспокоились. Молодой паренек подошел к президиуму. Что-то сказал на ухо Сослану. Тот, помрачневший еще более (он все время сидел насупившись), повернулся к Азамату. Первый секретарь выслушал его. Постоял безмолвным за столом. Ждал, когда все утихнут. Сказал:

— Скончался Долат... Собрание переносим на послезавтра.

...Азамат, Сослан и Алибек шли проститься с покойным. К дому старого Долата двигалось много людей. Еще издали слышались причитания женщин, плач мужчин.

Там Азамат задержался ненадолго. Попросив извинения, отправился домой. Настроение его было и так подавленным, а тут еще такое горе. Ему даже вдруг показалось, что дорога, по которой шел он долгие годы, вдруг куда-то исчезла, что он совершенно сейчас одинок, как будто находится где-то на необитаемом острове. «После того как вы летом оставили его в поле, он больше не поднялся на ноги», — вспомнились слова Сослана.

Вскоре подъехав к окраине районного центра, Азамат остановил машину и вышел. Холод сжимал ноздри. Постояв немного, Азамат сказал шоферу:

— Езжай, я пойду потихоньку.

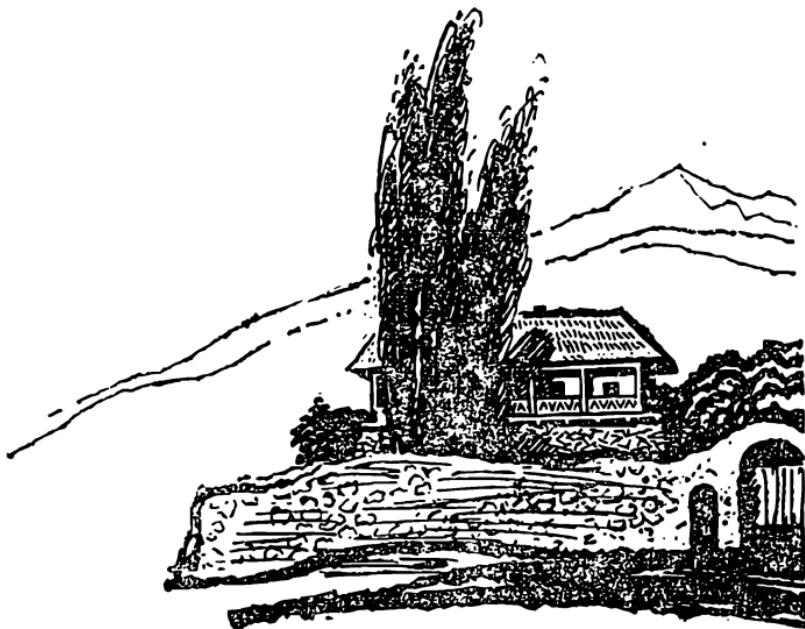
«Когда же последний раз я шел пешком по этим местам?» — стал он припоминать и не мог вспомнить. Под тяжелыми сапогами скрипел лежалый мартовский снег.

«Если бы в этот колхоз пошел кто-нибудь из вас самих, мы бы не стали возражать», — зазвучали вдруг в ушах слова секретаря обкома. Он стал перебирать в памяти людей, подавших заявления о направлении в колхозы... «Нет, нет...» Путаные мысли не давали покоя, и он пошел быстрее, будто размашистым и быстрым шагом хотел уйти от мучительных дум.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

---

* 1 *

К Марии Дудиевой сегодня должны пожаловать важные гости. И когда багровый петух, хлопая сильными крыльями, пропел третий раз, Мария проворно поднялась с постели. Наскоро умывшись, принялась с помощью соседки, немолодой сухопарой женщины, убирать три просторные комнаты и галерею в нижней половине дома. До блеска натерла керосином свежевыкрашенные полы. Затем переоделась в коричневое шелковое платье, повязала белый передник, затянула косынкой·ослепительно черные, слегка выющиеся волосы и взялась за разносолы.

Жила Мария одна: как-то года два тому назад она особенно крепко поссорилась со своим Дзандаром. Наутро муж собрал в чемодан самые нужные вещи и, не говоря лишних слов, укатил в далекую Бухару. Поначалу Мария не знала, радоваться такому обороту дела или горевать. Но, что бы там ни было, жизнь есть жизнь, и она заставляет человека искать выход из любого положения. И Мария поступила так, как считала разумным. Единственную дочь, одиннадцатилетнюю Залдузхан, она отправила в город к своим родителям. А сама...

---

* 1 *

«Недаром говорится, жизнь — что тебе вода в тарелке, — подумала Ханифа, глядя вслед мужу. — Чуть наклонилась тарелка, и вода... Каково ему после легковой машины садиться на эту таратайку!..» Ханифа расстроилась, нижняя губа у нее стала подергиваться, пухлой рукой она растерла на щеке слезу.

А Азамат задержался перед воротами на улицу. Оглядел свое одеяние. Сегодня на нем поддержанная, изрядно потертая на боках кожанка. Всю войну носил. А потом она висела на чердаке. Вчера вот снял, основательно почистил. На ногах — смазанные тавотом рабочие сапоги.

Подтянув еще потуже пояс кожанки, Азамат поверх низкого забора оглядел всю улицу, убедился, что, кроме присланного за ним из Дубравы возчика, не видно ни души, и быстрым шагом вышел из ворот.

Крепко сколоченная бедарка на высоких рессорах стояла напротив ворот, где раньше всегда останавливалась машина. Кобыла вороной масти, впряженная в нее, выглядела не очень резвой. Дзенаго — он был возчиком — привстал, поправил коврик, постланный на сиденье, произнес:

— С добрым утром, Азамат!

Азамату было неприятно видеть Дзенаго. Он даже не ответил ему. Еще раз бросив быстрый взгляд в одну сторону, в другую, он со смущенным видом полез в бедарку.

В руке у Дзенаго плетеный ременный кнут с ручкой из гибкого терновника. Как только новый председатель колхоза опустился на сиденье, кнут взвился в воздухе и свист, подобный змеиному, раздался над головой Азамата. Лицо его нахмурилось, брови сошлись, и первый раз в жизни скрип колес тронувшейся вперед бедарки вызывал раздражение.

До сих пор не забывается собрание дубравинских колхозников. Как там все перепуталось: Впервые за многие годы Азамат вдруг почувствовал, что нет прежней силы в голосе, что слова звучат, не убеждая и не доказывая... Но самым странным и глубоко оскорбительным было то, что когда секретарь обкома партии предложил его кандидатуру председателем колхоза, нашлись такие, что закричали: «Не хотим!» А ведь всегда казалось, что если в районе и есть кто-то, не уважающий его, то таких, которые бы осмелились выступать против, все-таки нет.

«Ладно, хватит об этом,— раздумывал Азамат, трясясь на гулкой бедарке.— Не в наследство же получил я должность секретаря райкома. И что о ней жалеть. Неприятно только видеть разных Борисов и Тотрадзов торжествующими. Уж как они на собрании воевали за то, чтобы провести меня в председатели! А почему?.. Очень им хотелось спихнуть меня из секретарей райкома. А коротышка...

Тоже хорош. Думает, что я и с этой должностю не справлюсь. Секретарю обкома заявил: «Давайте лучше я поеду в колхоз. Азамат старый опытный работник, он полезнее будет на прежнем месте». Если бы знать, что в этом тихоньком человечишке столько коварства, ноги бы его не было в нашем районе!»

Пятнадцать лет проработал Азамат в районных организациях. Секретарь райкома по кадрам, председатель райисполкома, первый секретарь райкома. «Теперь,— опять думал он,— забудь все это! Теперь ты председатель колхоза. Теперь тебя и каждый осел лягнет, и каждая собака укусит. Даже в районной газете будешь фигурировать».

В прошлом году руководители одного колхоза умудрились сдать на мясопоставки дойных коров. И на засе-

дании бюро райкома этот вопрос разбирался. Азамат тогда сказал председателю колхоза и парторгу: «Вместо тех коров вас самих бы надо сдать». Содрогнулся сейчас, покачал головой Азамат.

Грохотала по ухабистой каменистой дороге бедарка, тряслась, подскакивала. При каждом толчке у Азамата перетряхивало все внутри. А Дзенаго все погонял да погонял.

Показались Дубравы. Близко от дороги — кладбище. Видна свежая еще могила, холмик желтоватой глины. Похоронен Долат. Азамат отвернулся.

Вот уже и улица. Два кирпичных дома рядом: Окна забиты досками. На трубе третьего дома сидит рябая сорока — в трубе устраивает себе гнездо. Еще одно покинутое жилище: неогороженный двор, полуразвалившиеся стены из саманного кирпича... Напротив — высокий пирамидальный тополь. Несколько надломившихся ветвей его повисло, ветер безжалостно их треплет. Азамату чудится, будто окна каждого дома смотрят на него, как злобные глаза из-под нахмуренных бровей. Он вздрогнул и попытался отогнать от себя тревожащие воспоминания.

...Несколько дней Азамат знакомился с хозяйством колхоза: съездил на молочно-товарную ферму, побывал

в конюшне, в кузнице. А в субботу после полудня заявился к нему Каламурза.

— Ей-богу, Азамат, наблюдаю я за тобой и жаль мне тебя становится. Разве так тебя надолго хватит? Давайка завтра поедем в лес. Посмотришь, откуда мы лесоматериал возим. Диких кабанов в лесу — до черта. Может, и нам на шашлык достанется. — Каламурза говорил проникновенно, и хотя не каждому слову, но все же Азамат ему верил. — Умереть мне на этом месте, Азамат! Никто ведь так, как я, не радуется тому, что ты будешь здесь работать. Если я тебе понадоблюсь, то, пожалуйста. А вот район жаль, захиреет теперь наш район. Клянусь отцом и матерью, не могу понять, как это в обкоме решились на такой шаг. Видимо, этот коротышка, работая там, завел себе покровителей...

«Можно немного и развеяться, — подумал Азамат. — А то действительно от этих забот, от пакостного настроения совсем захиреешь». Каламурза увидел, как лицо председателя просветлело, и понял настроение Азамата.

— Так я скажу от твоего имени, чтобы приготовили сегодня ночью двух верховых коней, — сказал он. — Выезжать надо рано, чтобы на рассвете с Нарзанной поляны спуститься в дальнее ущелье.

...Охота была удачной. Еще не свечерело, когда с тушей молодого кабана вернулись они к Нарзанной поляне, разожгли костер, насадили мясо на шампуры...

Лесная дорога, по которой возвращались домой, хотя и была узкой, но Каламурза все время старался держать коней, как говорится, голова к голове. Ему хотелось вызвать Азамата на откровенность, и он то и дело заводил с ним разговор.

— Надо знать, где охотиться. Не будешь знать, разве удастся подстрелить...

— Истина, — отвечал Азамат с угрюмоватой шутливостью. — Ты прав и прям сейчас, как ружейный шомпол.

Каламурза, может быть, и обиделся на такое, да в колхозе пока нет заведующего хозяйством. А Каламурза пока без должности. Потому, помолчав немного, поглядев на огромные буки упирающиеся верхушками в небо, спать заговорил:

— Замечательный лес! Был бы в колхозе рачительный завхоз. Скажем, заготовил бы тысячу кубометров. Газве не пригодились бы?

— Да пригодились бы, — любуясь могучими букаами, сказал председатель.

Лес остался позади, дорога петляла среди кустарников. Смеркалось: Очень скоро, как всегда это бывает в горах, стало темно, и тогда огонек, мерцавший где-то внизу, в селении, стал ярким и зовущим.

Скоро в ночном безмолвии, нарушающем только стуком копыт, Азамат услышал голоса:

— Тянни, мое солнышко, поднатужься. Скоро и дома будем, — говорила женщина.

— У меня в чуяках грязь и вода, — отвечала девушка, и голос ее вздрогивал, будто она хотела расплакаться.

— Да пусть за твои страдания станет тошно руководителям нашего колхоза. Пусть каждая эта минута зачтется им неискупимым грехом!.. Может, оставим дрова здесь? За ночь земля подмерзнет, а утром и без тебя, с малышами, дотащи.

— Ну вот еще! Будешь сама надрываться и их мучить!

Каламурза сразу узнал женщину и быстренько повернул коня в сторону.

— Нам по нижней доро-
ге прямее, — соврал он Аза-
мату.

Азамат уехал следом за Каламурзой. Порядочно они уже проехали, а в ушах все еще звучал голос женщины: «Да пусть за твои страда-
ния станет тошно руководи-
телям нашего колхоза!..» Где же он слышал этот го-
лос? И вдруг вспомнил от-
четное собрание.

«Мужчина? Разве Кала-
мурза мужчина!» — так го-
ворила вдова Таурзат. Это ее голос. И почему-то сразу всплыл в памяти случай из давно минувших дней. Таурзат была тогда молоденькой девушкой. Азамат работал уже трактористом. Однажды в поле, на людях, он, шутя, похлопал ее по щеке. В глазах Таурзат заблестели слезы. Потом уже, позже, один из друзей сказал Азамату: Таурзат тебя любит. Он и сам всегда был рад видеть ее, веселую, огневую, лишь в его присутствии чуть-чуть робевшую... «А впрочем, — сказал себе Азамат, — кто бы там ни был, а надо помочь. Жен-
щины, видимо, увязли в грязи...»

Он резко повернул коня, бросив сухо:

— Езжай. Я догоню тебя.

Каламурза, сначала не понявший, что к чему, при-
держал коня. Потом, разобравшись в намерениях Аза-
мата, пробурчал ему вслед: «Дураком был, дураком и остался». Хлестнул сильно лошадь и поскакал дальше.

Азамат нашел женщин, когда в темноте чуть не на-
ехал на тележку с дровами.

— Доброго вам пути!

— Кто это? — женщины были напуганы. — Неужели Азамат?

— Когда-то меня так звали...

Он слез с коня, пожал холодную шершавую руку Таурзат, поздоровался с Тамарой, повод уздечки свое-
го коня привязал позади тележки, встал меж оглобель и

изо всей силы рванул. Грязь была глубокой, сверху подмерзшей, колеса шли в ней очень тяжело. Скоро Азамат устал, взмок. На ходу он немного расслабил широкий пояс, надетый поверх полушибка.

«Нет, нет, на мою долю тоже выпало немало тяжелого. Познал я, как живется раздетому, голодному. Были тяжелые годы... А война?.. Опять приходится отстраиваться заново. И нужно бывает иногда поднатужиться, все мускулы напрячь. Но придет время... Уже недолго ждать... Нет, нет. Я прав был. Вот лишь...»

Он посмотрел на тусклый свет, мерцавший в каком-то окне селения. Казалось, что этот свет все время удаляется. Как будто и не дойдешь до него. «М-м-м» — глубоко вздохнул он, похоже, что простонал.

— Азамат... Ну как же можно, Азамат! — Таурзат, напуганная конем, захрапевшим вдруг в темноте над самой ее головой, кажется, еще не пришла в себя. Больше коня ошеломил ее сам Азамат, вставший вдруг в оглобли. Она ничего не могла сказать и только вот сейчас подступила к нему, будто хотела отобрать оглобли.

— Лучше бы нам совсем оставаться без дров. Переходни хоть!.. О боже!.. Из-за нас еще и другим мучиться!.. С тех пор как ушел наш кормилец на фронт... О боже! О боже!..

— Ничего. Скоро наши дела поправятся. Уже недолго ждать, — Азамат отвечал натужно, но, казалось, не потому, что дыхание сдавливало тяжесть, а будто он был виновен перед Таурзат, у которой и муж с фронта не вернулся, и детишек много, и дрова ей приходится возить на тележке из далекого леса. Показалось в эту минуту Азамату, что не только с этими напуганными женщинами вместе он везет на тележке дрова из лесу. Будто все жители его района (не мог он привыкнуть к мысли, что его район — уже не его район), обливаясь потом, тащат дрова в тележках, кто впряжен в арбу, кто на спине вязанкой. А малые дети кучками сбились в застывших хатах...

«Да, какие только муки не приходится переносить человеку! Охх, охх!» — вздох его был глубоким и тяжким.

Было уже поздно, когда тележка подкатила ко двору Таурзат.

— Ну, я теперь пойду, — сказал Азамат, остановившись.

— Да как же можно? Или мой очаг... Или брезгуешь нами? — упавшим голосом спросила Таурзат.

Соскоблив щепкой грязь с сапог и вытерев их у порога о какую-то тряпку, Азамат вошел в дом. В нос сразу ударил запах застоявшейся квашеной капусты.

Ребятишки, видимо ожидая возвращения матери и старшей сестры, не спали. Они сидели за столом, а перед ними, приставленная к самому окну, горела лампа без стекла; язычок коптящего пламени, извиваясь, тянулся кверху.

* 2 *

Весна не торопилась: то теплый ветер подует, и тогда над землей, подобно дыму утреннего костра, стелется прозрачно-синеватый туман, то вдруг небо нахмурится, холодный северный ветер нагонит низкие темные тучи, и начинается дождь со снегом.

Как-то поутру стоял Азамат возле окна и смотрел на улицу. Всю ночь шел дождь со снегом, а теперь то и дело проглядывало солнце: бурлили грязные ручьи. Не поворачивая головы, Азамат тихо сказал:

— Вчера Борис пошутил: весна этого года напоминает Марию.

— Не нравится мне твой парторг, — недовольным голосом ответила Ханифа. — Сам — калац недопеченный, а язык — шило.

Азамат обернулся к жене. Она готовила завтрак и, как жирная утка, двигалась медленно, переваливаясь с ноги на ногу. Одета она была в пестрый шелковый халат, без пояса и казалась потому еще полнее.

— Откуда ты можешь знать, каков мой парторг?

— Я твоих работников знаю лучше, чем ты сам... Он же из тех, кто черта за заднюю ногу изловит. Говорила я тебе — не послушался.

Азамат рассердился. Сказал, не скрывая раздражения:

— Лучше бы ты своими делами как следует занималась.

— Ну знаешь, — не испугалась она. — Мне это все невмоготу. Извелась. Измучилась.

Вскоре после того как Азамата освободили от должности секретаря райкома, ушла домработница. И это сказалось сразу же: полы потемнели, на лестнице заве-

лась грязь, стала редкостью свежевыстиранная, отутюженная одежда. А Ханифа?.. А Ханифа еще более расплылась.

Азамат уже целый месяц говорит, что надо переселяться в Дубравы, но Ханифа об этом и слышать не хочет.

— Мне опять намекнули...

— Ах, этому сморчку дом понадобился! Жениться собирается. Это еще видно будет! — на столе загремели тарелки. — Парни еще посмотрят, как он женится! — сердясь, Ханифа бросалась резкими выражениями. — Я знаю мать той девушки, на которую он нацеливается. Шепну — она и поглядеть на дочь ему не позволит. Вот только бы опять с ней встретиться!..

Азамату не хотелось спорить с женой. Он оделся и вышел. На улице уже ждала бедарка.

В последнее время домашние ссоры стали слишком частыми. Азамат еще не разобрался, что тому причиной. Оказывается, до сих пор, куда бы ни зашла Ханифа, чего бы ни захотела, отказа ей не было. А теперь даже на молочном заводе не может купить масла и сливок сколько захочется. Она об этом не рассказывала мужу, но донимала его намеками, недомолвками, сердитыми нападками. Недаром, выйдя из дома, он каждый раз глубоко, с облегчением вздохал. Правда, и в колхозе немало неприятностей. Вот и сегодня: приехал, а его уже ждет Борис.

— Партийное собрание скоро. Надо поговорить, как подготовились к севу, — сразу же начал парторг. — Раньше мы на такие собрания обязательно приглашали кого-нибудь из райкома. Так, может, Сослана пригласим?

Азамату казалось, что Борис каждым словом старается унизить его. Он отвечал неторопливо, сурово хмурясь.

— Когда твои Сосланы еще не знали, что такое райком, я уже там секретарем работал... Помнится вы все меня признавали своим руководителем. Или я поглупел? А может, вы боялись меня? Может льстили?..

— Трусливым и льстивым ты, кажется, меня не видел.

— Что еще имеешь сказать?

— Могу и еще кое-что. Считаю упущением, что бухгалтерия колхоза доверена Циусуру. Мне не верится, чтобы он не мошенничал.

— Что заметил за ним?

— Ничего...

— Мы взрослые люди и говорить должны по-возрослому.

— Никому не нравится и то, что имущество колхоза вручил Каламурзе.

— То есть как вручил? Мы же на заседании правления решали. Район поддержал. Хозяйственника расторопнее действительно не найти.

— Нас с Тотрадзом не было на правлении.

— Я не знал, что без вас ничего решать нельзя...:

— Ты меня неправильно понимаешь. Другие члены правления не осмелились возражать.

— В следующий раз соберу правление в вашем доме!.. Знаешь!.. Раз вы меня избрали председателем, не мешайте работать. А не нравлюсь — пожалуйста, завтра же могу уйти.

...Азамат вспомнил, что его и парторга колхоза вызывал к себе Сослан. Теперь, скрыв это от Бориса, он поехал в район один. Возле здания райкома столкнулся с председателем артели бондарей.

— Ну, как поживаешь, дружище? — как к старому приятелю обратился к Азамату бондарь. — Теперь мы оба с тобой председатели. — Он положил руку на плечо Азамата. — Интересно, как встретит нас новый-то!..

С трудом удержался Азамат, чтобы не сбросить с плеча нахальную руку. «Видимо, еще и не такое придется претерпеть, если жив буду», — подумал он. И припомнилось ему опять кое-что из прошлого.

Азамат только лишь начинал работать в райкоме. Однажды секретарша сказала ему:

— Вот уже несколько дней приходит к вам один гражданин. Очень, говорит, надо повидать.

— Пусть зайдет.

Вошел человек среднего роста, белобрысенький, караулевая шапка под мышкой. Азамат поднялся навстречу. Гость шел, уставившись взглядом на Азамата, как на святыню, вытянув заранее руку. Каракулевая шапка у него вдруг выпала и покатилась под стул. Он, будто и не заметив этого, продолжал идти с вытянутой рукой прямо на Азамата. Хозяину кабинета пришлось поднять шапку из-под стула, пришлось надеть гостю на голову, которую тот выставил перед собой в угодливой растерянности.

— Я... Ей-богу... Чудеса... — бормотал он тогда.

С тех пор он часто посещал секретаря райкома, иног-

да для того, чтобы получить новую работу. И его назначали. Был он всегда угодливо-предупредителен. А сейчас вот хлопал по плечу, как старого приятеля.

Азамат сурово взглянул на бондаря и, ничего не сказав, вошел в здание. Даже не посмотрев в сторону девушки, которая долго работала у него секретаршей и сейчас, увидев его, встала, хотела поздороваться, он, с видом человека, облеченного властью, прошел прямо в кабинет первого секретаря.

Сослан вышел навстречу из-за стола и пожал ему руку. «На первых порах я тоже вот так вставал навстречу посетителям», — подумал Азамат.

Взгляды их встретились. Бывший секретарь райкома почувствовал, что его глаза сверкают гневом. И он постарался потушить этот гнев. Поглядев внимательнее в лицо Сослана, увидел, что оно очень усталое. Не смог подавить злорадства: «Посмотрим еще, посмотрим, как ты будешь тут справляться!»

Наверное, Сослан понимал, что творится в душе Азамата, но настроение его не испортилось.

— Как живете? — стал спрашивать он. — Как дела идут?

— Работаем, — отвечал Азамат, не скрывая недовольства. — Я слышал, что вы у нас несколько тракторов забираете. Что, ждали, пока я перейду в колхоз?

— Ну что вы, Азамат! В прошлом году в «Красном Кавказе» было слишком много тракторов. Теперь мы исправляем эту ошибку.

— Выходит, за мой счет подстраховываетесь? Но если каждый раз... — тут он, видимо раздумав, перевел разговор на другую тему: — Ладно, пусть будет так. Но... Короче говоря, у нас многое не ладится. В колхозе нет денег... Семян не хватает. Чабаны голые и босые, фуражка нет, — Азамат все это как бы выдавливал из себя: говорил и будто боялся, что сейчас его сразу ударят вопросом: «А вы где были? Когда секретарем...»

— С кадрами тоже неважно, — помолчал немного. — Парторга нет...

Сослан отвечал суховато, и чувствовалось в его тоне осуждение, но было и участие, которое он не хотел слишком выражать, приглушая его.

— В моих советах вы не нуждаетесь. Но хочу сообщить, государство опять выделило нам ссуду. Купим племенной скот, построим коровники. О чабанах поза-

ботьтесь сами. Своевременно обеспечьте себя и семенами овощных культур. Силос и сено вам взаимообразно дадут соседние колхозы — это я беру на себя.

— Кадры, — промолвил опять Азамат.

— Ты имеешь в виду Бориса. Но тут я тебя не понимаю.

— Он тяжел на подъем и упрям.

На лице Сослана мелькнула улыбка и потухла. Он говорил уже без подчеркнутой сухости.

— Был у меня знакомый охотник. Он долго выслеживал медведя, и все безуспешно. Тогда взял да и вырыл посреди тропинки большую яму... Зверю зачем было идти по тропинке? По ней ходил сам охотник. Сам и угодил в яму... Бориса ты направил туда. — Заметив, что Азамат хочет возразить, Сослан остановил его движением своей маленькой руки. — Если хочешь знать мое мнение, то я скажу прямо: ты послал его туда в отместку за строптивость, но он очень помог колхозу и поможет еще. Была бы свободная должность, взяли бы его в район, он ценный работник. А пока тяните упряжку вместе. Тебе стоит получше узнать его: — Сослан так свободно держался, вел разговор так непринужденно, будто по меньшей мере лет десять работал секретарем и никогда не был в подчинении у человека, сидевшего сейчас перед ним. Это неприятно поражало, и Азамат подумал: «Может, я действительно на своей тропинке вырыл яму. Может... Но еще посмотрим, кто в нее упадет».

Явился Алибек. Как всегда с взъерошенно-взвихренными волосами. Протягивая руку. Сослану, улыбался; шаг его был мягким, крадущимся. «Так и ко мне подходил», — подумал Азамат. Алибек, повернувшись затем к председателю колхоза, удивился:

— Азамат? Ты здесь? Здорово! И где это ты запропастился?

Игриво-вольные слова, почти шутливый тон ударили, да так, что Азамат почувствовал, как перехватывает дыхание. «Или я с ума схожу, или они подлецы, — подумал он. — Как он разговаривает со мной!.. Неужели это тот уважительный, угодливый Алибек? Нет, еще несколько таких встреч, и я не выдержу!» Азамат, не скрывая брезгливости, смотрел на человека, которого по его настоящему, кажется, совсем недавно утвердили председателем райисполкома.

Азамат хотел сказать что-нибудь колкое Алибеку, но тут взгляд его упал на мягкое кресло, которое много лет служило ему, к которому он настолько привык, что все иные и по сей день кажутся неудобными. Вспомнилось, что однажды, поругавшись с Сосланом, заявил: «Иди, садись на мое место». Как же нужно было сгупить, чтобы тащить сюда из города этого сморчка! «Нашел нож, которым тебя же зарезали! Уж пусть бы прислали кого-нибудь, занимавшего прежде солидную должность. Ведь если у этого воробышка дела пойдут на лад, что будут говорить люди?»

У Азамата разламывалась голова, казалось, что вся кровь прихлынула к вискам. Еще немного — и ему не справиться с собой: ударит кулаком по бывшему своему столу, вскочит и, бросившись вон, вынесет двери головой.

* 3 *

Сослан сдержал свое слово: «Красному Кавказу» соседние колхозы дали в долг сено и силос. Но Азамат не знал, как справиться с другими бедами. Недавно вправление колхоза приходил Бимболат. В старом холщовом халате он совсем похож на мальчишку. Заявил Азамату:

— Если мы, как и прежде, мало будем получать за работу, то простобросим ее. На всю бригаду пастухов — ни одной бурки. Ни у одного из нас нет сапог.

Азамат успокоил колхозника:

— Зайди через неделю. Что-нибудь сделаем.

И вот теперь Бимболат опять пришел. На ногах у него самодельные чувяки. Насквозь промокшие, расположились в швах, на полу кабинета остается грязный след.

Азамат чувствовал себя смущенно. Что сказать человеку? Взять деньги в долг? Но кто одолжит? А ведь прежде он упрекал председателей колхозов: слишком часто, мол, обращаются в банк за ссудой.

В кабинет вошел Тотрадз. Недавно бюро райкома партии отменило решение о его выговоре. Старик ходит повеселевшим. Сейчас поздоровался, сел на стул возле двери. Когда растроенный Бимболат ушел, Тотрадз долго смотрел на оставленный его чувяками след... Потом сказал:

— Азамат, если дело требует много сил и ума, посоветуйся с народом: это путь верный. Другого я, пожив-

ший на земле, не знаю... Вот, к примеру, почему бы так не сделать? Пусть несколько стариков отправятся в лес. Нарубят тычки. Знаешь, по таким обычно фасоль вьется? Отвезут их в Ставрополье — там всегда нужны подпорки для виноградных лоз. Обменяем на пшеницу!

И старый принял вслух подсчитывать, сколько пшеницы можно получить за каждую тысячу.

Азамат рассказал на правлении о предложении Тотрадза. Всем эта мысль понравилась. Только Каламурза засмеялся и стал говорить:

— Однажды, как гласит предание, Сырдон взял в долг кусок самодельного сукна. Подошло время — надо возвращать. Сырдон не торопится. Тогда сам добрый человек пошел к Сырдону. И раз пошел, и другой. Сырдон только лишь обещает. А однажды, как видит добрый человек, Сырдон возле своего дома, вдоль дороги, делает ограду из колючек. «Радости желаю тебе, Сырдон!» — «Благословен будь и ты...» — «Ну, как, ты еще не собираешься вернуть мне долг?» — «Дорогой мой, не будь назойливым. Видишь, я и так занимаюсь твоим делом». — «Что-то я не вижу, чтобы ты моим делом занимался». — «Как не видали!.. Вот я ставлю ограду из колючек. Осеню здесь погонят овец. Овцы будут теряться об ограду. На колючках останется шерсть. Я ее соберу, натку сукна и отдам тебе». Рассмеялся добрый человек. А Сырдон воскликнул: «Так! Так! Можно тебе смеяться, когда ты получишь от меня такое добротное сукно!»

— Шутки шутками, — продолжал Каламурза с серьезным видом, — но я лично против такого предложения. Не пристало нам заниматься спекуляцией. Оскандалимся. И что будут говорить о нашем председателе?

— Место Сырдона все равно останется за тобой, Каламурза, — съязвил Борис. — Разве кто-нибудь способен с тобой тягаться?

Члены правления смеялись.

Азамату было ясно, что другого выхода все равно не найти. И не так уж важно поэтому, одобряют теперь это предложение или не одобряют. Он сказал:

— Значит, решили: завтра посыпаем в лес людей.

Прошло две недели. Наняли машины. Тычки повезли Тотрадз и колхозный бухгалтер Циусур. Вернулись они через несколько дней, привезли пшеницу. Часть ее тут

же продали, чтобы купить огородные семена, сапоги для пастухов и чабанов. Остальная пошла на питание колхозников, работавших в поле с ночевкой.

* 4 *

Земля нарядилась по-весеннему. Облетел цвет плодовых деревьев, но пшеничные поля зеленели дружно. Через грязноватую жухлость прошлогодней сухой травы пробилась свежая поросьль, и горные склоны и широкие долины стали изумрудно-зелеными.

С самого утра верхом на лошади Азамат объезжает поля. На небе ни облачка, солнце припекает по-летнему, но ветер с севера легкой прохладой перебивает жару. С далекого поля доносится монотонный гул трактора. Вдали виднеются группы людей: молодежь пропалывает посевы. Проехав по краю загона, обработанного стариками, Азамат увидел, как ровно взошла кукуруза, и повеселел. Он был доволен: здесь посеяны семена, которые достал он.

Каким станет колхоз через пять, шесть лет? Через два десятилетия?

Шумит вдали Большая река. Вон там, на ее берегах, они возведут просторную ферму, светлые, уютные общежития. Будет радио, загорятся электрические лампочки. В селе выстроят новый клуб. Для колхозников — добродушные дома. Откроют вечернюю школу:..

Сильно дернув поводья, Азамат повернул коня в сторону Большой реки. Поехав напрямик, остановился перед старым руслом. Он устал и решил немного отдохнуть на зеленой траве. Спешился и, привязав повод уздечки к передней ноге коня, пустил его пастьись: Разостлав на траве свой простенький, защитного цвета пиджак; присел.

Прямо перед глазами пересохшее русло, а немного дальше Большая река катит свои быстрые воды. Старое русло сплошь заросло густой зеленой травой, кое-где поднялись кусты лещины.

Взор Азамата долго блуждал по просторным далям, потом, опустив взгляд, Азамат увидел стебелек «тимофеевки», раскачивавшийся перед лицом. Ухватил жесткую метелку, потянул — половина стебелька с шипением вылезла. Машинально взяв в рот нежный кончик стебелька, стал жевать и вспомнил, что не ел сегодня. Тем временем на «тимофеевку», оставшуюся без пышной

метелки, опустился кузнецик, вцепился в стебель сильными лапками и стал раскачиваться. «Ишь ты! — покачав головой, подумал Азамат. — Увидел, что я сорвал половину, и тоже вцепился. Так и с людьми: стоит только пошатнуться человеку, получить удар, как на него набрасываются».

Размышления его прервал свист, раздавшийся неподалеку. То чабаны пригнали на берег реки овец. Стада уже должны были быть на горных пастбищах, но задержались, потому что не прошли вовремя ветеринарную обработку.

Показалась отара. Впереди овец, жадно хватавших траву, гордо шествовал с поднятой высоко головой серый криворогий козел. Поворачивая развесистые рога то в одну, то в другую сторону, он словно прикидывал; просматривал будущий путь отары. К траве притрагивался изредка, а время от времени начинал бить копытами землю, словно требуя к себе внимания, а потом опять важно шел вперед. «Вожаком и козел бывает», — вспомнил Азамат мудрые слова и улыбнулся невольно. «Ишь как важно держится! Можно подумать, что без него отара погибнет!»

В это время от стада отделились два круторогих барана. Сперва они немного потеряли морды о траву, похоже было, что после еды важно вытирают подбородки. Затем разошлись в стороны. Фыркнули, немного постояли, потом, точно их кольнули чем-то острым, напрягая все силы, рванулись друг к другу. Грохнул удар рогов...

Выглядели бараны хорошо, после весенней стрижки шерсть уже отросла, а от подбородка свисали толстые складки жира.

Первый удар, видимо, был пробным. Бараны вновь разошлись и опять ударились.

«Если бы были их рога стальными, сейчас от них летели бы искры, звон их слышался бы на другом берегу, — подумал Азамат. — Интересно знать, что они не поделили сейчас?»

Желая их разнять, Азамат решил уже подняться, но в этот момент услышал подзадоривавший свист чабана. Было ясно, что молодому парню нравится это сражение. Парень не видел Азамата, кричал:

— Кала, опп! Мими, стукни! Фыр-р-р-рит!

Бой становился ожесточенным. Вот баран с кличкой Кала опять далеко отступил, потом, разогнавшись; нале-

тел на другого. Баран, которого чабан называл Мими, опустился на колени, наверное, для того, чтобы удар пршелся по самому основанию его рогов. Кала, удариив, отшатнулся в сторону. Мими некоторое время стоял на коленях, приходил в себя. Потом вскочил, низко опустив голову, помчался на Кала и косым ударом треснул его в лоб. Наверное, Мими казалось, что он свалил врага, но тот, расставив ноги и всем тулowiщем подаввшись вперед, все-таки выдержал неожиданный удар. И, выдержав, опять отходил назад, набирая разгон, чтобы уже без хитрости, но напрямую, всей тушей ударить..

Азамату больше нравился Мими. Он боялся, что Мими будет побежден, и, когда Кала, далеко отступив, летел вперед бурей, Азамат невольно съеживался.

Долго еще бились бараны. Но вот Мими низко опустил красивые рога, отвернулся в сторону: с морды у него срывались хлопья пены. Кала, не обратив внимания на то, что противник убрал рога, сдается, налетел на Мими, стукнул его в бок, и оба они скрылись в овраге.

— Остановись, чтоб тебя зарезали на поминках невестки Каламурзы, красавицы Марии! Ты зачем еще преследуешь его?! — раздался звонкий мальчишеский голос: молодой чабан бросился вдогонку за драчунами.

«Удивительная штука жизнь. Никто еще не разобрался в ней до конца, — может быть, впервые за долгие годы подумал вдруг так Азамат. — Козел...: Посмотрите на него!.. Ведет себя так, будто овцы без него сразу же погибнут. Или эти бараны, так беспощадно колотившие друг друга. Целой отары и то им мало — ненасытные глаза! А какие клички им дали!.. Кала — это же Каламурза. Мими — с красивыми рогами — Мика...»

Азамат поймал себя на мысли, что давно уже не приходилось ему думать о простых, будничных вещах. Простое всегда казалось ясным, без сложности. Нет, нет!.. Даже здесь, на берегах Большой реки, чабаны; которые, может быть, только раз в году видят всех своих сельчан, даже они... Надо же! Толстый нахальный баран — Кала! С красивыми рогами, но тщедушнее — Мими! «Удивительная штука жизнь. Сложная штука». Азамат почему-то покачал головой, усмехнулся, поднялся, быстро вскочил на коня и вдоль берега Большой реки поскакал к изумрудно-зеленым полям пшеницы.

Выкупавшись, Мария села перед большим зеркалом, попудрила мягкие щеки, гладкий лоб, шею, ярко-красной помадой провела по крупным губам. Потрогала упругие груди. Кроме дочери Залдузхан, детей у нее не было. Но даже губы единственного ребенка не коснулись этих грудей.

Дело в том, что Мария слышала, будто в старину богатые женщины, чтобы не испортить свой бюст, нанимали для детей кормилиц. И вот когда родилась Залдузхан, Мария заявила, что городские врачи запретили ей кормить ребенка грудью. Дочь выкормила золовка...

На село опустились сумерки. Мария еще раз проверила, как накрыт стол. Ножи оказались по левую сторону от маленьких тарелок, она их переложила на место. Сердце учащенно билось, и рисовалась ей такая картина: по дороге мчится машина. Сидят в ней Каламурза и Сослан. Речь о ней. «Мария», — даже произносить это имя приятно, оно вызывает на лицах улыбку... Думая о Сослане, она приложила руку к груди, для того, чтобы как-то успокоить резкое биение сердца.

Сегодня, под предлогом дня рождения Залдузхан, надумала пригласить она Сослана, Алибека и Азамата.

Во дворе послышались шаги, Мария выбежала в коридор. Увидела одного лишь Каламурзу.

— А друзей своих где оставил?

— Они сами меня оставили, — попробовал отшутиться Каламурза.

— Где Сослан с товарищами?

— У них опять какое-то собрание.

— О боже! Дни бедствий! Столько добра понапрасну...

— Нет, клянусь отцом и матерью, не напрасно! — Каламурза широко раскинул свои толстые руки. — Или бог не даст нам без них хорошей жизни?

«Только о тебе, таком бестолковом, бог, наверное, и печется!» — рассердилась на Каламурзу Мария, отвернулась от него. Он крепко обнял ее и зашептал на ухо. «Разве меня одного уже для тебя недостаточно?» Она сердито глянула на него, вырвалась и, размахнувшись; принялась хлестать по жирным щекам. Каламурза, растерявшийся от неожиданности, затряс головой, словно на лицо его налипли снежные комья и он хотел сбросить их. А Мария,

зарыдав, убежала в комнату и там ничком упала на диван.

Каламурза добросовестно выполнил поручение. Он повидал всех, кого приглашала Мария. Сослан обещал привезти, если только будет возможность. Каламурза еще раз зашел к нему, но не застал. Можно было твердо надеяться на Алибека, но его вдруг вызвали в город. Извещен был и Азамат.

Сейчас Каламурза стоял растерянным. Подумал было, что надо повернуться и уйти, но ноги не слушались.

Мария, уткнувшись в подушечку мягкого дивана, всхлипывала и проклинала про себя своего бывшего мужа Дзандара, Каламурзу, слала угрозы Сослану. Услышав скрип двери и шаги Каламурзы, остановившегося у порога, она поднялась, смахнула слезы.

— Ну, заходи, чего как бодливый бык смотришь? — сказала и хоть не весело, но улыбнулась.

Обида и гнев Каламурзы моментально исчезли. Подобно хищнику, кидающемуся из засады на свою жертву, он бросился к Марии. Немаленькую и нехрупкую, он все же легко поднял ее на руки. И она засмеялась, как всегда игриво-бисерным смешком, обхватила руками короткую бычью шею родича своего мужа и стала целовать его в толстые щеки. Каламурза, кружась, понес Марию во внутреннюю комнату, опустил ее на кровать. Сквозь прозрачный шелк, туго обтянувший ее тело, видна была упругая грудь, точно высеченная из белого мрамора. Жадные глаза Каламурзы округлились...

— Мне так и хочется всю тебя целиком проглотить...

Потом уже, когда голова Марии поклонилась на его руке, он заговорил о делах:

— Жаль, конечно, что неудачно получилось с этим приглашением. А то быть бы тебе на хорошей должности. Скажем, приемщицей молока. А я бы, глядишь; на строительстве фермы. А потом и заведующим. Я переправлял бы к тебе с фермы, а ты бы откладывала.

— Да... Как мне надоела эта жизнь... Живут же в городе. Я прямо губы себе обкусала от зависти.

— Не расстраивайся... Настанет день, и мы с тобой заживем в городе, в многоэтажном доме. Нет, лучше в своем особнячке. Я ведь не собираюсь здесь вечно жить. Лишь бы раздобыть денег...

С тех пор как Каламурзу освободили от председательства, кладовая Марии оскудела. Надо было поступать на

работу. Потому-то она и пригласила к себе таких гостей. Много надежд возлагал на этот обед и Каламурза. Районное начальство надо задобрить. Еще неизвестно, спрашивается ли Азамат с работой в колхозе. Может, председательское место опять освободится?

— Мне тоже надоело, — продолжал он сейчас, — со всякими завистниками встречаться. Циусур теперь при встрече ужом держится.

Мария плохо его слушала. Она думала о себе, жалела себя. Одинокая жизнь ей теперь казалась особенно горькой. Вот утром увидела Бориса. Но тот даже как следует и не поздоровался. Ждала сегодня Сослана, а он не приехал.

— Хороший замысел есть у меня, — продолжал свое Каламурза. — Не знаю только, как осуществить... Все мои беды идут от Тотрадза и Бориса. Старый волк вцепился в меня, не отпускает. Недавно на партийном собрании грязью поливал. Дескать, Каламурзу — да на ответственную должность! Клянусь отцом и матерью, я оторву ему крылья. А заодно и тому, долговязому, который и тебя все еще простить не может.

— Ты остерегайся их, душа моя, — откликнулась она. (Насолить долговязому! Почему же не насолить, если даже смотреть в ее сторону не хочет!) — Действуй хитростью. А я всегда помогу тебе.

— Как легко было работать с Михаилом! Ангел, золотой человек.

— Бедняжка. Уж слишком он простосердчен. Мне казалось, что у него и мужских-то качеств никаких, хи-хи-хи...

— Это тебе, конечно, лучше знать...

— Бессовестный! Я... Тебя::: Погибнуть бы тебе! У меня в мыслях, кроме тебя, никого никогда нет; — проговорила Мария и опять заплакала. Но заплакала она не от его обидных слов. «Господи, — думала она, глядя на большой красный нос Каламурзы, на его толстые губы, которые только что целовали ее. Теперь ей уже не казалось его лица энергичным, фигура сильной, такой, которой она всегда любовалась. — Я, — думала она, — «Краса земли», как говорит этот старый плут Мика. Но для кого я краса? Неужели вот для этого грубого барбоса?.. И какого б я имела мужа, если бы не эта проклятая война и ни этот немощный барахольщик Дзандар! А теперь вот с этим нахальным барбосом я должна провести мои

лучшие годы! Нет, нет! Ни за что, клянусь мамой! Я еще найду, найду самого лучшего, самого...»

Каламурза заметил, как опять дрогнули ее сочные губы и хлынули слезы по красивым щекам. И он стал бережно вытирать их, наивно полагая, что она плачет, переживая его «шуточку».

* * *

Прошло уже несколько месяцев с того дня, когда Сослан начал работать первым секретарем райкома. Новый, тяжелый груз лег на его не очень широкие плечи. Но секретарь, по-видимому, еще не почувствовал всей тяжести этого груза. До сих пор разноса ему никто не учил. И выговором никто не грозил, и отстранением от работы тоже. Сам он пока лишь больше присматривался к людям. Зато удивительно изменилось к нему отношение некоторых. Правда, не всех. Уруспи, вчерашний председатель райисполкома, как относился по-товарищески просто, так прост в обращении и сейчас. А вот другой... Только по имени-отчеству. Уступает дорогу. И первым не сядет, хотя годится Сослану в отцы.

Первый человек в районе. Так говорили когда-то об Азамате... Где бы ты ни был и что бы ты ни делал, твое слово самое решающее, поступки твои — пример всем остальным. Позавчера на бюро райкома, говоря о посадке овощей, ошибся — сроки перепутал. Но никто из товарищей почему-то не сказал об этом. Такое огорчает...

Первый человек... «А собственно говоря, почему первый?» — это какой-то внутренний голос с оттенком недовольства спрашивает. «Да потому, что это действительно так, — отвечает другой, оптимистически-светлый, не тронутый сомнениями и озабоченностью. — Так оно и получается на деле, хочешь того или не хочешь». — «Но есть коллектив, есть бюро, пленум, конференции», — возражает сомневающийся. «Да, есть. Но и там кто-то произносит первое слово, кто-то заключает, подытоживает, за кем-то просто больше прав. И опять это ты, первый секретарь. Если же ты скажешь не так, это почти всегда заметят, но не всегда поправят. Каждый твой неудачный шаг, каждая ошибка, оплошность всегда будут видны людям, всему району. Но тебе не всегда будет известно, что думают о тебе. Из тысячи мнений о себе ты, может, будешь знать десять. Не больше!..» — «Стало быть, этот недо-

статок должен как-то восполнить. Каким образом? М-м-м... Каким образом? Работать по совести, делать по совести, и самый строгий отчет держать прежде всего перед самим собой, перед совестью человека и коммуниста».

С какой-то неприятной грустью вспомнился Сослану отчет, который был подготовлен в прошлом году по животноводству и из-за которого пришлось поссориться с Азаматом...

Далеко впереди расстилалась зеленая степь. Машину бежала по укатанной дороге послушно и ровно — Сослан сам сидел за рулем. Впереди, на обочине, показалась рослая серая лошадь. Она стояла понурив голову. Вокруг нее вились много ворон. Это удивило Сослана, и он остановил машину поблизости. «Почему они так кружат над живой?.. Или уже почуяли, что скоро ей конец?» Приоткрыв дверцу, он внимательно посмотрел на лошадь. Видимо, она немало поработала на своем веку. Теперь была настолько худа, что хребет торчал обломками скалы, ребра проступали, как толстые прутья на расшатанном плетне. Отвислые губы словно хотели поцеловать землю, да не могли до нее дотянуться. Очевидно, когда-то это был сильный породистый скакун, с длинными стройными ногами, красиво изогнутой шеей, небольшой точеной головой...

Вороны не испугались даже машины. С противным карканьем они поднимались в воздух, кружились над животным и опять опускались неподалеку. А одна, нахальная, то сядет лошади на спину, то на торчащие остро кости крупна, совсем не дает лошади покоя. А лошаденка, бедняжка, махнет раз-другой тонким длинным хвостом, попрядет ушами — ворона не улетает.

Сослан, сам не зная для чего, объехал вокруг лошади, распугал птиц. Взглянув еще раз на клячу и увидав на лбу лошади отметину, вспомнил коня, которого в прошлом году привели им на подмогу, когда машина повисла колесами над обрывом. Старый Долат звал коня Шелестом. «Когда-то, — рассказывал Долат, — Шелест летал быстрее всякой птицы. А теперь вот состарился вроде меня. Все мы тут, на ферме, состарились: и Шелест; и рыжий пес, и я...»

Грустные чувства нахлынули на Сослана. Долат... Он вспомнил день смерти старика. Тогда колхозники, услышав о кончине старика, все как один ушли из клуба

с собрания. По дороге к дому Долата можно было в этот час слышать самое разное:

— Погиб бедняга.

— Проклятая ферма все силы вымотала.

— А по-моему, глупец тот, кто уж так старается. И для кого?

— Не для Каламурзы, но для потомства. Для нас, умных дураков.

— Чего горевать, дай бог каждому пожить столько...

— Да нет, в такие годы и безвылазно на вонючей ферме!.. За что такое наказание?..

Народ все подходил...

Уже издали слышался плач какого-то пожилого человека. Плакал он громко, старательно. Сослан узнал Мику. Растирая пухлыми руками глаза и громко плача, поднимался Мика по лестнице. Немного погодя он стоял рядом с Сосланом и Борисом. Вытерев рукою глаза, говорил:

— Замечательный был человек! Замечательный! Видит бог и не даст мне сказать неправду, я его больше чем родного брата, любил. Пусть бы лучше к моему гробу собрались сейчас добрые люди!.. Если нужно помочь в отношении поминок, — это Мика говорил уже деловым тоном Борису, — или чего там другого, то я готов. Видит бог, я готов...

На следующий день Сослан купил кирпич, чтобы выложить могилу. Из близких сел на арбах, бричках, машинах ехали родственники и знакомые отдать последний долг умершему. В доме, во дворе, на улице собралось столько народу, что негде было повернуться.

Около полудня позвала Сослана Доми, жена Долата. Старуха сидела в углу комнаты с другими женщинами. Она уже не плакала, но каждая морщинка на ее лице говорила о скорби. Глухим, слабым, вздрагивающим голосом она заговорила:

— Мое солнышко, Сослан, благодарю тебя за труды твои. Может, будет кто-то жив из наших, когда нужно будет отблагодарить тебя, отблагодарят. А теперь у меня просьба. Да стану я жертвой за вас, сделайте могилу пошире... Не осуждайте меня: я уже стара, немощна. Смерть недалеко. Положите меня рядом с ним.

— О чём ты, Доми? — испугалась какая-то женщина. — Разве можно так думать и говорить?

— Оттого что произнесешь «огонь», во рту не загорится. Так ведь говорит наша осетинская пословица, мои солнышки. Если не сегодня, так все равно когда-нибудь... Да пусть достанутся мне все ваши болезни, исполните мою просьбу...

Сложили просторную могилу. После кончины мужа Дони уже не оправилась. Прошло около месяца, и ее похоронили рядом с Долатом.

И сейчас перед взором Сослана опять стоял старик возле фермы. Опираясь на палку, он говорил: «Ладно, солнышки мои, ладно. Все равно я грязный... В такой машине...»

Чем больше сейчас Сослан думал о тех днях, тем быстрее гнал машину, словно где-то впереди было нечто такое, что необходимо догнать и расправиться... И он опять повторял про себя: «Да, только по совести! Да, прежде всего отчитываться перед самим собой, перед совестью своей, перед совестью человека и коммуниста. Не для показухи, не для рапорта! Долат жил не для того, чтобы удивить кого-нибудь. Десятки лет на ферме... Только по совести!» — повторял он, словно давая себе клятву..:

---

* 7 *

В один из воскресных дней Сослан поехал в город: очень хотелось повидать Зину. Позвонил ей на работу, но Зины там не было. Что делать? Сослан пошел к Тереку, присел на лавочку. В прошлом году как-то чуть не до утренней зари гуляли здесь по берегу.

Долго сидел Сослан, вспоминая. Потом, поднявшись, неторопливо пошел и сам не заметил, как очутился возле дома, где жила Зина. Постоял в нерешительности, потом, поправив галстук, одернул полы пиджака, подошел к двери и нажал кнопку звонка. Из-за двери выглянула невысокая, худощавая, пожилая женщина в темно-синем цветастом платье, поверх платья — белый передник. На смуглом лице следы пудры. Она с неприязнью посмотрела на Сослана.

— Извините, пожалуйста, мне надо повидать Зину, — сказал он и почувствовал робость, кровь бросилась к лицу.

— Ее нет дома.

Зная, что дочь обидится, если знакомого ее не пригласить, мать, лишь приличия ради, промолвила:

— Заходите... пока.

Сослан решился и вошел.

В большой солнечной комнате — красивые ковры, черное, сияющее блеском пианино, мягкий диван, радиоприемник на полированной светлого дерева тумбе.

— Как поживаете? Как ваше здоровье? — спросил Сослан после тягостного молчания.

— Спасибо, живем своим трудом.

— Остальные ваши где? — Он хотел спросить, где Зина, но не решился: уж слишком сухо с ним обходились.

— Не знаю, — отвечая с явной неохотой, женщина стояла, рассматривая тонкие белые руки, и всем видом показывала, что не будет огорчена, если гость распрошается и уйдет.

Раздался звонок. Женщина пошла открывать дверь, и тотчас же послышался веселый голос Зины:

— Отлично, мамочка! Это хорошо, что он появился.

В комнату вошли трое: Зина, ее отец и еще высокий статный мужчина лет сорока в светло-сером, в полоску костюме. Зина, как близкому человеку, протянула Сослану руку:

— А, товарищ секретарь! Давно уже тебя не видно! Каким ветром в этих краях? Виктор, — она повернулась к незнакомому мужчине, — прошу, это мой хороший знакомый.

— Твой хороший знакомый и для меня будет другом, — нагнувшись в поклоне и словно подчеркивая этим маленький рост деревенского гостя, дородный мужчина испытующе и холодно посмотрел на Сослана. Говорил он манерно, растягивая слова. Руку подал с таким видом, как будто преподносил Сослану в подарок необыкновенное сокровище. Весь вид его как бы заявлял: «Знакомиться мне с тобой, собственно говоря, и не к чему».

Отец девушки, человек уже в годах, с висками почти сплошь белыми, снял шляпу, которой прикрывалась совсем голая, глянцевито блестевшая макушка, и, скрестив руки на выдававшемся вперед животе, добродушно смотрел на своих гостей.

— К селу и к его представителям я неравнодушен, — сказал он не без патетики, которая, однако, не убавила его добродушия. — Там, на селе, так много поэзии! Там итицы щебечут, петухи поют... Помните, как у Шолохова? Гениально, бесподобно... А здесь что? Фабричные и заводские трубы. Когда-то Энгельс говорил о небольших горо-

дах, которые должны существовать при коммунизме. Для здоровья это бесподобно. — Увлекшись, взмахивая руками, мелким быстрым шагком он прошел к большой картине, висевшей напротив окна. — Да вот полюбуйтесь «Рожь» Шишкина. Какой простор, сколько воздуха! А вот здесь копия с картины Левитана «Старый пруд» — он пояснял это скороговоркой, машинально, как видно, привыкнув пояснять всем гостям, не без оснований полагая, что не каждый может быть знаком даже с известнейшими произведениями живописи. — Или вот опять! Какая благодать! Это, между прочим, тоже Шишкин. «Дубовая роща». Копия снята самим автором. Картину я купил в Москве. Дубы крепкие. Надо думать, — он сжал кулак и потряс им перед своим лицом, — с глубокими корнями! Такое дерево устойчиво, как сама жизнь... Есть и другого плана копии. Я, знаете, люблю живопись. Вот работа Рембрандта, называется она «Портрет ученого». Обратите внимание: кажется, что человек сейчас заговорит. Да, несчастлив был сам Рембрандт! Как несчастлив!.. А тут у меня копии с картин Рафаэля, Рубенса, Веласкеса, — он шел в другую комнату, невольно увлекая за собой гостей. — Понимаете, сам я даже прямой черточки карандашом провести не сумею, но перед талантом преклоняю седую и лысую кудышку! — Он звонко шлепнул себя по голове. — Особенно мне нравятся наши отечественные. Нет, нет, это бесподобно! Это так берет за душу!

— Опять ты начал! — подала голос хозяйка из другой комнаты. — Расхваливаешь свое! А куда нам до других! Спроси Виктора: в Америке, говорят, уже нашли средство против рака.

Хозяин остановился, как будто его звонко хлопнули по лбу — не больно, но неожиданно, и он сейчас не знает: рассердиться или нет? Добродушие, каким он был прямо-таки начинен, взяло верх. Он засмеялся и, повернувшись к дверям в соседнюю комнату, ответил:

— Вы, видимо, опять изволили просвещаться через Би-би-си. — И, повернувшись к Сослану, громким шепотом, рассчитанным на то, чтобы подразнить жену, сказал: — Моя хозяйка из «критиков».

— О, бог ты мой! — воскликнула Зина. — Опять эти «принципиальнейшие» расхождения! Послушай-ка лучше, — и, сев за пианино, побежала быстрыми пальцами по клавишам.

Когда смолк последний аккорд, Виктор быстро подошел к Зине и горячо пожал ей обе руки.

— Браво, браво! — проговорил он, выражая и рукопожатием, и округлившимися глазами, и плавным покачиванием головы свое восхищение. — Великолепно! Удивительно!

На Сослана игра Зины особого впечатления не произвела, и он неопределенным тоном произнес:

— Ничего, вещь хорошая.

Девушка понимала, что особым музыкальным даром она не блещет: нужно было лишь погасить «принципиальную» перепалку родителей. Но мать была иного мнения. Она вообще считала, что у дочери исключительные музыкальные данные. Недаром когда-то нанимала ей учительницу. Недаром, когда у них бывали гости, мать заставляла Зину что-нибудь сыграть.

— Очень волнующая музыка, — не удержавшись и на этот раз, высказала она свое мнение. Потом, через паузу, желая показать, что тоже кое в чем разбирается, добавила: — Надо было в гамме ля-ми-жур сыграть, звучало бы куда богаче.

Зина смутилась, вскочила со стула и побежала к окну, будто что-то на улице привлекло ее внимание. Сослану хотелось рассмеяться, и он с трудом сдержался. Виктор, уставив округлившиеся серьезные глаза на хозяйку и с прежней степенностью кивая головой, сказал:

— Вы абсолютно правы. Ля мажор это было бы действительно богаче.

За обедом, когда уже вторая бутылка хванчкары была почти пуста, Виктор с Сосланом заспорили. Кандидат, выпустивший первую книгу, достраивавший дачу, собираяший материал для докторской диссертации, говорил:

— Сто партийных работников за год столько не потрудятся, сколько наш брат хирург на одной-единственной операции. Разве можете вы, — направлял он нож на Сослана, сидевшего напротив, — понять, что это значит удалить половину желудка. Это не то, что разводить тыквы или свиней.

Зина покраснела. Сослан заметил, что она украдкой подергала Виктора за рукав. Сослан отвечал:

— Когда-то, говорят, один цирюльник написал поэму в честь Ньютона. Принес ее великому ученому. Прочел: «Дорогой друг, делай парики. Делай парики!» — сказал

ему Ньютон. И вы правильно говорите, что человек не должен лезть в дела, в которых ничего не смыслит. Плохо вы шутите, дорогой друг, насчет тыквы и свиньи. Это вопрос большой политики. А политика, как вы знаете, поскольку с отличием окончили институт и по этому случаю были оставлены в аспирантуре, никогда не являлась предметом забавы. Свинья и тыква имеет прямое и непосредственное отношение и к медицине, и, по крайней мере, к здоровью трудящихся. Это хорошо понимает каждый сегодняшний ученик. Свинью, конечно, можно ругать. Смеяться над ней можно. Тем более, что свиньи бывают разные. Помните в басне у Крылова? Наелась желудей и давай подкапывать корни дуба...

Лицо кандидата покрылось пятнами.

Отец Зины, усмехнувшись, с прежним добродушием, но без многозначительности произнес:

— «Веритас одиум парит...» Как помнится, это латинское изречение означает: «Истина исключает ненависть...»

Виктор, приподняв руку, посмотрел на свои золотые продолговатые часы.

— Ах! — воскликнул он, как будто вспомнив нечто важное. — Мне еще надо прочесть лекцию городским врачам. Я опаздываю!.. Прошу прощения:

Ушел... Немного погодя Сослан тоже встал.

— Зина, проводи гостя, — сказал отец. И, подавая на прощание руку Сослану, заметил: — А ты заходи, заходи. Не обращай внимания на каждый злешний скрип.

Гуляли они долго. Пришли в сквер. Сели на скамейку. Зина была утомлена. Сразу после работы они с Виктором почти целый час ходили по улице. Перед Сосланом она чувствовала какую-то неловкость — видимо, потому, что его холодно встретила мать, резким был с ним Виктор.

— Ты не сердись на маму, — говорила она. — Мама у меня все-таки славная. Она вся из противоречий. Но в доме все держится на ней. Она слишком любит меня. И слепо любит. Я не могу относиться к людям так, как она. Я больше доверяю не уму, но сердцу.

— Вот и хорошо, — сказал Сослан, чувствуя особую теплоту этих ее слов. — Я тоже чаще доверяю сердцу. И здесь мы с тобой заодно. Мне бы вообще хотелось быть с тобой во всем заодно. — Он потянулся к ней, обнял. — Мне уже невмоготу жить без тебя... Поверь.

Зине казалось, что дыхание Сослана стало обжигать

ей лицо, у нее кружилась голова. Она понимала, что Сослан начинает позволять себе лишнее, и старалась высвободиться.

— Ой! Пусти меня... Пусти...

— Не пущу! Не хочу. Не могу...

В этот момент в темноте послышалось покашливание: кто-то сидел на соседней лавке. Зину будто ледяной водой окатили: она узнала голос. Сразу встала. Сослан ничего не понял, но тоже поднялся. Мимо них прошел человек высокого роста; серое летнее пальто даже в сумраке несвещенной аллеи выглядело необыкновенно внушительным. Зина повернулась так, чтобы не смотреть вслед тому, кто прошел... Это был Виктор.

«Я, как мальчишка, обнимаюсь с девушкою на бульваре. А друзья моей любимой за нами по пятам ходят. Да чтоб тебе бездомным стать! — незлобиво ругался про себя Сослан, поглядывая в спину удалявшемуся кандидату. — А ведь, кажется, спешил какую-то лекцию читать. Ну, да ладно, ходи себе...»

Долго еще они гуляли не разговаривая.

Взошла луна. Мерцали звезды. Шумел Терек.

Наконец Сослан опять заговорил о своих мечтах, о всем, что не давало покоя:

— Ну, как все же? Не согласна? Ты извини меня... Скажи откровенно я прошу...

Зина глубоко вздохнула. Она все еще не могла прийти в себя. Виктор все видел и слышал. Зина радовалась: не будет теперь надоедать, оставит в покое. Но Сослану она ответила:

— Не знаю... Не знаю, что тебе сказать. Совсем не знаю... У меня есть родители. Мать.. Я пока ничего не могу сказать...:

* 8 *

Этим вечером, как и всегда, в правлении колхоза собрался народ. Кто пришел увидеть друга, кто новостью поделиться, кто просто выкурить трубку.

— Слушали радио? Опять новое постановление...

— Москва поняла, почему тут нам тяжко...

— Постановлений много... А только я не думаю, что наш колхоз встанет на ноги.

Азамат, сидя за столом, писал что-то, низко наклонившись; услышав ворчание, подумал: «Вот ведь как! Уже ничему не верит. И многие так. И в этом — все беды. Но

погодите, маловеры, — вскипал он про себя. — Пройдеи два-три года. Мы и самого черта заставим под нашу дудку плясать. А вас, маловеров, уж и подавно. Твердая рука нужна, крепкое руководство. Все остальное будет. Колхоз — это что машина: у хорошего шофера пойдет по любой дороге. А я руль в руках держать умею».

Размышляя так, он подсчитывал на бумаге, сколько же теперь в колхозе рабочих рук. Побольше бы мужчин... И еще, во сколько же обойдется новая ферма, если строить из кирпича. А если саман? Ухватились некоторые за этот саман!

— А взять нашу ферму, — это, кажется, опять тот же голос. — Какая это ферма! Кому она такая нужна!

— Что верно, то верно, — поддержал кто-то у самых дверей. — Коровы что тебе козы!

— Будешь козой. Держи и тебя на одном чуреке, не бось жена сбежит.

— Сбежит, да не к тебе!..

Тут же сидел Борис. Читая газету, он, как всегда, подчеркивал красным карандашом казавшееся ему важным. Не отрываясь от газеты, заметил:

— Правильная мысль: без хороших ферм не будет крепкого колхоза.

— Это-то так, — подбросил словцо и Тотрадз, все время молчавший, — но если нет зерна, то и скотина не скотина. Нам за кукурузу держаться надо.

— Вот-вот! — раздалось насмешливое. — Держись! А нам бы пшенички. Хлебца белого да мягкого! Наелся бы...

— Смотри, брюхо не отрасти!

Каламурза в новом пальто с каракулевым серым воротником сидел в стороне, на мягком диване. Потихоньку раздевшись, перебрался на стульчик, еще на другой и оказался рядышком с Азаматом. А тот по-прежнемуглядит в бумагу и считает, и пересчитывает, умножает, перемножает: не иначе как теперь уже будущие доходы колхоза выводит.

— Новые помещения для скота и породистые коровы — гвоздь сегодняшнего дня! — голос у Каламурзы внушительный; да еще кулаком, как прежде, в председателях, перед лицом любит помахивать.

— На какое золото покупать и строить? Не на то ли, что от тебя в наследство осталось? — не утерпев, пустил ядовитую стрелу Тотрадз.

— Возьмем ссуду в банке. — Каламурза сделал вид, что колкостей не понимает. Знал он, что сейчас время такое: давай какое-нибудь броское предложение! А колкости?.. Стоит ли их замечать? — Скот купим на Ставропольщине, привезем из России костромских и швицев. Вот и с хлебами тоже! Надо другие сорта сеять. Есть сорта пшеницы: пятьдесят—шестьдесят центнеров с га! У нас и кукуруза столько не дает. — И Каламурза, как величайший знаток, начал перечислять сорта, о которых вычитал на этот случай в газетах.

Тотрадз чувствовал, что пройдэха Каламурза опять что-то замыслил. И хотя сегодня ему нездоровилось, даже говорить не хотелось, он принял высмеивать Каламурзу со всеми его необыкновенными планами. Швицы и костромские коровы? А они приживутся на нашей земле? Местные породы улучшать — это еще дело. Ссуду от государства? Сколько же можно брать у государства? Сорта хлебов? А всякий ли сорт годен для нашей земли? В прошлом году сеяли...

Под Азаматом заскрипел стул.

— Товарищ Габуев всегда чрезмерно резок.

— Правду надо говорить, — повернулся теперь уже к Азамату Тотрадз.

— Не присваивайте себе всю правду; — председатель рассердился. — Мы тоже о ней печемся.

— О чем спор, — сказал Борис, откладывая в сторону газету. — Не отцовские табуны и отары делите!

— Почему некоторые всегда говорят от имени колхозников? — Азамат поднялся, чувствовалось: рассердился сильно и теперь не сразу успокоится. — Мы разве тоже не колхозники? Нет, мы колхозники! И потому мы заявляем: коров купим! Коровники построим! И не какие-нибудь, а настоящие. Из кирпича и сосны. Покрыты будут железом и шифером!

— Глину месить будет тот, у кого самые большие ноги! — съязвил кто-то.

Люди засмеялись. Каламурза понял, что это в его огород камень. О ногах Каламурзы в Дубравах рассказывали анекдоты. В магазине никакие сапоги и туфли ему не подходили. Он шил все в городе, по специальному заказу...

Азамат еще больше рассердился.

— А вы что хотите, поручить важнейшее строительство тому, кто бегал из колхоза? — (Шел раньше разго-

вор: не поручить ли бригадирство на строительстве Гемирболату? Отличный он плотник.) — Нет, строительство мы поручим надежному и энергичному... — он вскинул руку, чтобы указать на сидевшего рядом Каламурзу. Но тут Борис сказал негромко, но веско:

— Подумаем. Подумаем еще:::

Борис обрадовался, что люди с такой живостью говорят о наболевшем и трудном. И не такая уж беда, если кто-нибудь подаст из угла голос, похожий на воронье карканье. Не беда. Самое главное, что люди спорят, думают, ищут. Зашевелился народ: Обсуждают задачи, поставленные партией. Задачи партии:: Сейчас Борису не хотелось говорить вслух, но радости в душе было так много:::

Партия!.. Она сильна народным разумом. Без народа нет и партии. Без мудрости народа нет и мудрости партии. Народ! Гордость земли: Смысл красоты всего сущего. Вот Тотрадз. Немолодой, уже начинающий сутулиться, гнуться, сидит, озабоченный колхозными делами. Азамат тоже хочет лучшего. Все они стремятся к одной цели. Но представление о наикрадчайшем пути к ней — различное. Сколько в колхозе людей, столько, пожалуй, и планов. А долг партийного работника — понять, что будет наиболее верным и правильным, что надо поддержать. Азамат:: Азамат во многом прав. Хотя зачастую его трудный характер портит дело. Но Тотрадз тоже не из тех, с кем легко ладить::

Было уже поздно. Народ постепенно расходился из управления колхоза. Но Азамат все еще сидел за своим столом. Раздумывал. Разгоряченный спорами, а главное, осуждением, какое слышалось ему в словах не только Тэтрадза, он говорил себе: «Прояви чем-нибудь себя, Азамат. Прояви. А не то пропадешь. Совсем пропадешь. Люди скажут: «Как же это он возглавлял целый район, если даже с одним колхозом не может управиться?» А сделаешь что-нибудь, и опять заговорят о тебе. Опять вот здесь, — он мысленно взглянул на то место, где раньше поблескивал значок депутата, — опять он будет красоваться».

В управлении сидел еще и Борис. Хоть он и склонился над газетою, но не читал, а все ломал голову: кого же направить на строительство? Каламурзу? Нет, нет. Тотрадза? Не для него эта работа. Темирболата? Не потянет. А что, если самому пойти? Сегодня здесь са-

мый ответственный участок: денежные средства, материалы. Использовать все это надо разумно. Да и посматривать, чтобы не разворовали.

В лампе керосин почти весь выгорел, она сильно коптила. Азамат придинул лампу ближе, подкрутил фитиль и удивился:

— Борис, ты еще здесь?

— Ст такого яркого света уходить не хочется, — усмехнулся парторт. — Мне бы надо поговорить с тобой.

— Давай, я слушаю, — сразу упавшим голосом произнес Азамат. Опять начнет поучать. Неспроста Каламурза то и дело напоминает, что Тотрадз и другие прочили Бориса в председатели.

Свет гаснущей лампы стал еще более тусклым, но все же было заметно, как ожидающе-гневно засияли глаза Азамата.

— Мне не нравится мое положение. — («Вот! Вот!» — еще более напряженным стал Азамат.) — Освобожденный парторт нам пока не полагается. Должность же моя, можно сказать, липовая. Заместитель председателя по животноводству! А животноводством не занимаюсь.

— Давай займи мое место.

— Да нет, при чем тут твое место! — немного даже рассердился Борис. — Я, может быть, и для своей должности слаб. Вот что я решил. Пойду работать на ферму. На строительство. От партийной работы тоже не отказываюсь.

«Всю жизнь привык я относиться с недоверием к людям, — выговаривал себе Азамат и почувствовал, как в висках забушевала кровь. — Но нет, все же этому мямыле строительство не поручу! Провалит. Это не лекции читать, не в газетах отметки карандашом делать. Там энергия нужна, Каламурзу туда. А тебя в лес, на заготовки. Посмотрим, на что ты способен». И он, чуть разжав брезгливо отвисшие губы, проговорил:

— Посмотрим. Подумаем... С райкомом тоже надо согласовать. Думаю, что в лес (там тоже очень важный участок) можно будет. Все равно Каламурза один везде не успеет. И там, и здесь. Можно... в лес.

* * *

В просторных ивняках, на берегу реки выбрали площадку для новой фермы.

— Подкову приобрели — теперь еще коня бы заметь, — шутил Борис, подбиравая бригаду лесорубов.

На лесозаготовки отправлялся и Дзенаго: поручили ему присматривать за волами.

Хорошо жилось Дзенаго прежде. И вот, говорят, Тотрадз и Борис настояли, чтобы снять его с работы полевого сторожа. Если прежде он верхом разъезжал, то теперь у всех на побегушках. И работа: то одно, то другое!

Здесь, в лесу, работать никакой охоты. В селении хоть изредка можно увидеть Тамару. Ее румяными щеками сейчас кто-нибудь любуется. Небось сын Тотрадза теперь котом ее обхаживает: Мария правильно называла его нахалом.

Проходя мимо, Борис суховато бросил на ходу:

— Присматривай за волами. Вся надежда на них.

«И чего эни все ко мне пристают! — Дзенаго злыми глазами посмотрел вслед высокому Борису, который, шагая, головой задевал за ветви деревьев, и с них осипался густой хрупкий иней. — Что им от меня нужно? Сын председателя:: Из сторожей тоже, наверное, потому и спихнули — не доверяют. И кто только слух такой пустил!::»

— Кукиш вам, кукиш! — выбросив руку вслед Борису, негромко проговорил он. — Кукиш!

И, плюнув в сторону волов, подбиравших клочки сена со снега, взял топор и, размахивая им направо и налево, срубая тонкие кусты и ветки, пошел бесцельно бродить.

Высокие толстые буковые деревья широко раскинули свои мощные сучья; тонкие ветки под тяжестью снега пригнулись вниз. Так и кажется, что чья-то искусная рука рядила деревья старательно, как девушек к празднику. Слышится частый резкий постук. Это где-то на суху сидит дятел. Издалека доносится испуганный голос сойки. Захотелось Дзенаго перешеголять птиц, сунул он два пальца в рот и давай выводить весенние птички рулады.

Когда вечером возле шалаша собрались лесорубы, Тотрадз улыбнулся Дзенаго:

— Ты, солнышко мое, оказывается, соловей настоящий. А я-то все тебя считал воробьем. Вот, думаю, воробышек, в пшеничной мякине промышляющий...

— «Почему это он ё пшеничной мякине? — забеспокоился Дзенаго. — При чем тут вообще пшеница? Может, он знает, что я не раз ее тайком к Марии отвозил?»

Несколько дней валил снег, а потом вдруг потеплело. Лесорубы волновались: удастся ли до предвесенних оттепелей вывезти все, что заготовили? Тем более что волы, которых Дзенаго больше радовал палкой, чем сеном, еле волочили ноги. Тогда Борис предложил попробовать на вывозке трактор.

Просить подмогу отправился Тотрадз. Азамату было некогда. Он спешил в город, на совещание, где передвики сельского хозяйства должны были поделиться опытом, как увеличить поголовье скота в короткое время.

В МТС, как всегда, заупрямились: ремонт! Не отремонтированные не имеем права отправлять на работу. Отремонтированные — тем более! Готовим их к посевной. А специальных, трелевочных, в МТС нет.

— Да и какой же тракторист согласится работать в лесу, в горах! — директор осуждающе смотрел на Тотрадза. — Разве у наших трактористов по две головы?.. В вашем колхозе всегда что-нибудь не так! Кроме твоего сына, в ваш колхоз и на хорошую работу никого из трактористов не заманишь! Вот мы сейчас позовем его и спросим...

Немного погодя в директорский кабинет вошел Ладемыр. Вид его не понравился отцу. Выпачканная мазутом телогрейка не застегнута, одно ушко шапки свисает вниз. Худые щеки не бриты.

Как бы ни были глубоки и сильны чувства отца к сыну или сына к отцу, осетинский обычай не велит выказывать их даже после долгой разлуки. Тотрадз, чтобы в глазах директора не выглядеть смешным, все-таки протянул сыну руку. Но тут же ворчливо заметил:

— У меня руки и так не особенно чисты, а ты мне их совсем измазал... Ходишь незастегнутый. Да и шапка у тебя...:

— Садись, — сказал директор трактористу.

Ладемыр не сел. Медленно, будто нехотя, застегнулся, шапки не тронул. Стоял, опираясь спиной о стену и с любопытством глядя на отца: никогда еще не видел его обросшим такой густой седой щетиной.

— Ладемыр, твой отец просит трактор. Бревна вывозить через Нарзанное ущелье. Решиться кто-нибудь из вас?

— Не знаю... Кто пойдет в такое место!..

— Это что же? — посмотрел на сына Тотрадз. — Мой дед должен туда ехать? С того света прикажешь вызвать?

— Даже если и пойдет, то только если его будут просить не из «Красного Кавказа»... Там тракториста и за человека не считают. И вообще для лесных работ нужны специальные тракторы.

Директор весело посмотрел на Тотрадза: «Разве я тебе не то же самое говорил?» А тот еще более рассердился.

— Москва для Нарзанного уцелья не успела специальный трактор выпустить! И что это, в самом деле, разве для себя этот трактор прошу! Снег скоро таять начнет. Все заготовки в лесу останутся.

Директор встал и вышел из комнаты: «Попробуйте, мол, тут договориться без меня». Тотрадза такое обескуражило. Конечно, ехать на тракторе в гэры не простое дело! Нужно ли принуждать парня? Один он у меня. Вдруг... Но все же сказал:

— Мальчик, неужели ты меня считаешь беспонятливым? Или ты думаешь, я совсем без сердца? Подскажи хотя бы, что можно сделать?

— Не знаю, — Ладемыр глядел в пол. — Туда трактору трудно взобраться....

— Да это-то я знаю. Но там люди ждут. Там добро народное пропадает...

— А почему ты об этом больше всех печешься? Разве в колхозе кроме тебя людей больше нет? Пропади это добро пропадом. Буду я из-за него шею ломать!

Отец побагровел и трясущимися руками стал застегивать свою шубу.

— Ты где такому научился? — он бы, наверное, кричал, если б гнев не сдавил горло. — Ты где научился делить добро на мое и не мое? Тебе хоть раз говорили дома что народное — это не твое?.. Дэвольно! Не заставляй меня!.. Задушу своими руками, щенок ты паршивый! Как я могу просить кого-нибудь другого, если ты тоже тракторист! Решай сейчас же! Из нашей семьи никто никогда не увиливал от общего дела, каким бы оно трудным ни было!

Ладемыр никогда не видел отца таким взволнованным. Вены на худой шее вздулись, было видно, как кровь пульсирует частыми, сильными рывками; руки трясутся, не могут застегнуть пуговицы шубы...

На следующий день отец и сын чуть свет выехали на гусеничном тракторе. После полудня они были уже в лесу, там, где начинался крутой подъем.

— Вот теперь, мальчик, твоя голова тебе понадобится, — отец, пригнувшись, посмотрел вверх, в гору. Ладемыр стал прикидывать, где выбрать дорогу, чтобы не очень уж круто и чтобы пройти меж деревьями. Отец вылез и отправился вперед. Высматривал, где удобнее повернуться, длинною палкой шарил в снегу: нет ли где предательской ямыны?

— Мальчик, давай-ка вот сюда. Тут можно взобраться. Потом держись правее вон того горбатого дерева, там уже недалеко до нашего стана.

Ладемыр повернул трактор. Нажал сильно на рычаги, и стальной великан, натуженно гудя мотором, медленно пополз вверх. Но вдруг трактор вздыбился, подобно коню, задрал нос, и гусеницы заскряжетали в воздухе. Отец закричал в отчаянии:

— Осторожно, опрокинешься!

Ладемыр и сам понимал это.

Оглянувшись назад, еще сильнее нажав на рычаги, Ладемыр, словно прижал трактор к земле. И тот клюнул чуть, зацепился передними траками, полез на гребень. На шум мотора бежали лесорубы...

Тотрадз чувствовал, как сердце, минуту назад сжавшееся маленьким тугим комком, отходит, начинает биться спокойнее, ровнее. «Нет, ничего, — думал он, украдкой смахнув слезу, выбившуюся в уголок глаза. — Ничего, он, кажется, наделен мужеством. Он не будет говорить: «не мое», «пропади пропадом...»

Десять дней трактор Ладемыра гудел в Нарзанном ущелье. Толстые бревна одно за другим спускались вниз. И тогда Тотрадз с Борисом принялись подсчитывать, сколько же получится тесу после распиловки. Оказалось, что уже и достаточно.

— Обрадую пойду Ладемыра, — сказал Борис. — Намучился тут парень. — Пусть отдохнет до утра, да и в обратную дорогу.

Трактор гудел надрывно. Громадное бревно, напоминавшее тушу слона, волочилось за ним, оставляя в снегу глубокий ров. Ладемыр помахал Борису: «Не слышу, мол, ничего не слышу!»

Парень был радостно настроен. Признаться, первые дни далось ему тяжко. Наверное, сбежал бы, не будь

здесь отца. А потом увидел, каким ликованием встречают внизу, на большой дороге каждое бревно эти люди, которым пришлось взять топоры, пилы, пришлось жить в холодных шалашах, и сам заразился общей страстью спорить чуть не о каждом бревне: сколько из него выйдет досок?

Сейчас, радуясь, что скоро конец, скоро стащит вниз последнее бревно, увлекся и не заметил, как подмял молодое деревцо. И только в заднее окно увидев его, обшарпанное, раздавленное, но все равно еще поднявшееся, обругал себя и подумал: «Какое дерево загубил! А было бы стройным, красивым!» И вспомнилась Тамара — высокая, стройная, круголицая. Когда она лебедем проплыает по улице, ей всегда смотрят вслед. Она и матери его, и отцу нравится... В селении ее уважают, любят. Завтра отсюда можно выехать пораньше, чтобы встретиться...

Трактор вдруг затрясся, качнуло в сторону. Сзади его толкнуло что-то тяжелое. Ладемыр успел еще заметить, что он уже перед самой крутизной на пробитой им дороге. Но трактор ползет не туда. Его сильно заносит и валит на бок. «Сейчас перевернусь!» — мелькнуло в сознании; в какой-то миг захотелось выскочить из кабины. Но он сильно нажал на рычаги. Трактор, словно собираясь прилечь набок, накренился, постоял так, потом бухнулся обратно на гусеницы... Позади грохотало: будто накатывалась лавина. Трактор толкнуло так сильно, что он поехал вниз на неподвижных гусеницах. Ладемыр вылетел из кабины, перевернулся в снегу. Ему показалось, что на него наваливается стог сена, потом еще и еще. Сдавило дыхание. Он потерял сознание.

---

* 10 *

— Давайте еще раз скажем ему. Может быть, согласится.

— Едва ли. Он, как норовистая лошадь: если уж запрятмился, не сдвинешь с места. Но попробовать надо, — ответил Темирболату Борис.

— Мне кажется, что он согласится. Насколько я понимаю, ему очень хочется в чем-нибудь показать себя, — сказал Тотрадз и первым вошел к председателю.

Азамат был один. Он поприветствовал вошедших, усадил их, потом, заложив руки за шею, встал за столом.

— Я вот опять подсчетами занимался. Очень уж ограниченные возможности у нас... Да вы, надо полагать, не так просто зашли?

— Мы тоже, как умели, прикидывали. Темирболат считает, что, если ферму строить из камня или саманного кирпича, это обойдется намного дешевле, — начал Тотрадз.

— По меньшей мере, в два раза дешевле. Если будем строить из камня, то беру это дело на себя. Шахтеры помогут нам. — Темирболат говорил с уверенностью, ему не присущей.

Азамат задумался. «Недавно я говорил о своих намерениях в райкоме, до этого — в министерстве сельского хозяйства. Мое предложение одобрили. А теперь я должен на попятную идти! Коровники из саманного кирпича? Нет, не те времена! Этим никого не удивишь».

— Надо и нам хоть чем-нибудь проявить себя.

— И мы за это. Только если проявлять, так разумным хозяйстванием, бережливостью. Не показухой! Нет и нет! — сказал Тотрадз твердо, как будто ножом отрезал. Азамат стал еще больше раздражаться и, еле сдерживая себя, процедил сквозь зубы:

— В такое время саманом никого не удивишь!

— А мы что, циркачи или джигитовщики? Но там каждый действует на свой риск и страх, а здесь все делаются людьми сообща и для всех.

— Не хватит ли меня политграмоте учить? Сам знаю, что делаю...

— Знать должен не только ты, но и мы. Люди, колхозники! Пора бы эту простую политграмоту тоже усвоить! — не удержался Борис.

— И наверху знают, в райкоме, в обкоме! Если вам так необходимо. Будет толочь в ступе воду. — Азамат понимал, что эти люди так его не оставят, и разговор закончил более примирительно: — Ладно. Можно попробовать и из камня. Действуйте! — И кивком головы дал им понять, что можно уходить.

В один из дней Борис и Темирболат поехали в горы, туда, где год назад работал Темирболат. Вернулись обратно с двумя опытными взрывниками.

Известковая скала неподалеку от Дубрав грохотала и ухала несколько дней. Большие глыбы мягкого камня отваливались и широкими прыжками устремлялись вниз. Там их разбивали кувалдами, обтесывали топорами.

На заготовке камня больше месяца работало три десятка человек, несколько машин, подводы.

С того времени как Темирболата поставили бригадиром строителей (а его все-таки сделали бригадиром, так как более подходящего человека не было), у него прямотаки крылья выросли.

Темирболат еще в юные годы освоил много ремесел. Переселенцу из Южной Осетии надо было кормить семью, а у него ни земли, ни скота. Какую только работу не приходилось ему выполнять. Он был и грузчиком, и землекопом, и известь гасил, и на каменоломне работал. Расторопный и сметливый, он скоро стал славится как хороший каменщик и плотник. Немного домов найдется в Дубравах, которые не пришлось ему строить.

— Мне все время хочется стоять возле тебя и смотреть, как ты работаешь, Темирболат, — сказал ему как-то Борис, который часто бывал на стройке. — За твоими руками глаза не поспеваю. И какая работа! Красота!

Темирболат ответил:

— Во время войны в нашу часть попал пожилой солдат, русский. Ленинградец. Тридцать лет он плавал на корабле. Видел бы ты, как он страдал. — Темирболат легко поднял большой камень, повернул одной стороной, другой, и камень лег в кладке так точно, будто для него тут специально готовили место. — Этот боец, — продолжал между тем Темирболат, — чувствовал себя рыбой, выброшенной на берег. Как он мечтал опять попасть на корабль! «Не могу, говорил, никак не могу на сушу. Корабль для меня, как дом родной». Привычка... Я тоже привык к камню, извести, топору...

Борис покачал головой, усмехнулся.

— Удивительные дела происходят в жизни. Раньше я тебя знал только сварливым. А теперь над тобой будто ангел пролетел.

— Эх, Борис, Борис! Легко работать, когда за семью спокоен. Вот пойдут у тебя дети, тогда и ты узнаешь, что значит настоящие заботы.

Борис глубоко вздохнул. Врачи посылают жену его, Асиат, в город. Может быть, вылечат, и тогда у него тоже будут дети, кудрявая дочь, черноглазый мальчик. Как мечтал об этом Долат.

— Вот так-то, Борис. Без потомства плохо. Раньше бездетность страшным проклятием считалась.

— Еда, потомство... Если бы человеку ничего другого не требовалось...»

— Внимание к человеку, душевность. Без нее, как без теплого очага в холодную пору, никак не проживешь. Возьми Тотрадза и Каламурзу. Большая разница между ними.

Хотя Темирболат еще рассуждал так, но с тех пор как начали строить ферму, сердце его уже не было столь строгим к Каламурзе. Тот очень часто наведывался к строителям на грузовике, восседая рядом с шофером. Он теперь на строительстве главный.

Вот и сейчас он снова появился. В белом кителе, брюках галифе, в начищенных сапогах. Легко выпрыгнул из кабины и властным голосом хозяина спросил:

— Ну, как вы тут у меня поживаете? В чем нужда? Или вам еще и птичьего молока достать? Могу, если потребуется.

— Спасибо, у нас все есть, — ответил Темирболат.

— Все есть, говоришь?.. Ошибаешься, трудовой мой побратим! — Опустив руку на плечо Темирболата, Каламурза повел его в сторону. — Иногда бывает надо прислушаться к тому, что выскажет Каламурза. Помнишь, я намекал, что хозяину не нравятся все наши затеи с камнем? И вот вчера он вернулся из района разъяренный, вызвал меня к себе. Говорит: «Поезжай в город и хоть из-под земли достань триста тысяч штук кирпича. Кроме тебя, мол, этого никто не сделает. А нам, если строить, так по-настоящему!.. Только из кирпича!» Понял? А мне что? Прихвачу машину неоприходованных яблок... Будут свободные деньги — будет и кирпич...

— Ничего не понимаю. А куда девать всю гору этого камня? Возили, тесали... Столько трудов...

— А это все... под землю.

— Как?.. Куда?..

— Выложим этим камнем сilosные ямы.

— О, бог мой! Да разве у себя во дворе хозяин стал бы так делать!

— Ты знаешь!.. — притянул его к себе совсем близко Каламурза. — Придерживай язык, тогда мясо будешь есть... Райком, Сослан тоже за это. Наш колхоз должен показать пример.

Каламурза не заикнулся о том, что кирпич — это его идея: Азамата, все думавшего о том, как «проявить» и

«показать» себя, было не очень трудно склонить к мысли, что уж если строить, то с размахом!

— А вообще, — продолжал Каламурза почти задушевно, — надо было предвидеть все это, когда вы секретаря райкома ставили председателем. Я плох был для вас?.. Вот так-то! А нам что. Наше дело маленькое. Что прикажут, то и будем делать. С Борисом и другими ты об этом ни-ни! Начальство без Борисов знает, что и как надо делать.

Каламурза собрался было уезжать, но вновь подошел к озадаченному Темирболату.

— Я вижу, — сказал он, — ты так занят, что и головы тебе поднять некогда. Ты, как я видел, фундамент заложил. Свой дом ставишь. Я тоже думаю себе построить. Несколько лет собираюсь. Но не решусь. Когда я в председателях ходил, совесть не позволяла. Знаешь ведь, какой у нас народ... Так что я тебя понимаю. И, клянусь отцом и матерью, сердцем болею за тебя. Помочь тебе надо. Есть излишки лесоматериалов... — Каламурза будто бы задумался. — Чем кому-нибудь другому отдавать, тебе отправлю! Ты же наш лучший! На тебе здесь все держится. Пригодятся... А лесоматериала у нас — до черта. Заведующий лесопилкой мой дружок. Так что, — и он подмигнул:

— Спасибо... — Темирболат растерялся еще более; никак он не ожидал услышать такое от Каламурзы. Что сказать в ответ? — Но ведь из колхозного...:

— Отбросы. Списанное. За мой счет, бери.

— Да отблагодарит тебя святой Хетаг. Я... я тоже в долгу не останусь.

— Да о чём ты... Или мы уже не осетины? — И Каламурза, похлопав его по плечу, пошел к машине.

Темирболат долго смотрел ему вслед: «Вот что значит жизнь! Помнит она человека, и тот сразу становится другим. Ишь, каким этот стал! А два-три года назад по-человечески никогда и не заговаривал со мной... Разобрался теперь, кто прав, кто нет. И, видимо, он не такой уж плохой, как о нем отзываются Тотрадз с Борисом. Они раньше друг другу много насолили, поэтому и теперь не уживаются... А мне что до них! Каждый под свой котел подбрасывает дровишки, каждого заботит свой чурек...»

У Тамары настроение редко бывает плохим. Вот и сегодня, прибирая в доме, она напевала: голос грудной, мягкий, не очень сильный, но задушевный. Мать, занятая по хозяйству, проходя мимо дочери, спросила:

— Ты ничего не узнала о нем?

— О ком?

Таурзат остановилась.

— Разве ты не слышала? Ладемыр...

Сразу побледнев, Тамара оцепенела. Круглое лицо ее вытянулось, глаза стали большими.

— В лесу, говорят, ему ногу придавило... Это совсем не опасно, — мать увидела на лице дочери плохо скрываемое волнение. — Совсем не опасно...

Тамара схватила коврик, лежавший возле кровати, перевернула его, еще перевернула и со словами: «Сколько пыли, надо выбить», — выскочила из комнаты.

В этот день она поняла, что Ладемыр ей очень дорог. «Боже мой, вдруг — калека!» И он представлялся ей то безногим, то безруким. «Ну и пусть. Ну и пусть, — думала она. — Даже если безногий. Даже если безрукий...» Она чувствовала, как сердце начинает биться учащенно, стоит только подумать о Ладемыре.

Тамара была первым ребенком в семье. Отец в ней души не чаял. Только, бывало, проснется и сейчас же к ней: «Ну, как ты, моя куколка?» Тамаре помнилось, будто отец совсем не спускал ее с рук. До тех пор, пока не ушел... на фронт. Чтоб уже не вернуться...

У матери прямой, сильный характер. Она всегда открыто выскажет любому все, что думает. Тамара привыкла следовать ее примеру. Никому из подруг она не прощала лживого слова, обмана. Всем делилась с матерью. Всегда и во всем. Но сейчас не смогла.

Через два месяца в селе стало известно, что Ладемыр вернулся из городской больницы, но ходит пока с костылем.

Как-то мать Тамары спохватилась: брала у Габуевых пиво в их графине, а графин до сих пор хозяевам не отнесла.

...Тамаре и хотелось и не хотелось идти к Габуевым. На полдороге ее охватил страх, и она чуть не вернулась, но пересилила себя.

Свежепобеленный, на массивном фундаменте дом Габуевых выглядел приветливо. Тамара помедлила перед воротами, а затем вошла во двор. Огляделась. Двор был аккуратно убран. Тамара тихо поднялась на веранду. «Неужели никого нет дома? Почему в доме ни звука?» Осторожно приоткрыла крайнюю дверь. Вошла. Прямо напротив двери на кровати лежал Ладемыр. Спал. Его лицо, смуглое и худощавое, было спокойным, и только широкие черные брови шевелились: наверное, Ладемыру снилось что-то — он нервничал. Тамара, пятаясь, хотела закрыть дверь, но Ладемыр проснулся.

— Тамара?! — он вскинулся на кровати. — Заходи, заходи!

— Не поднимайся! — испугалась она: лицо ее полыхнуло румянцем. — Вот ваш графин... Мама прислала...

— Поставь вот сюда, — он указал на столик посреди комнаты, накрытый белой скатертью.

Тамара вошла в комнату, и как ни старалась она глядеть только перед собой, взгляд ее все-таки встретился с восхищенно-радостным взглядом Ладемыра. Щеки опять вспыхнули румянцем, она опустила голову.

Тамара!.. Еще в школе Ладемыр, бывало, лишь увидит ее, и сердце начинает колотиться сильно и радостно. На службе в армии сколько передумал о ней, но написать так и не решился. А когда стал работать трактористом, то лишь изредка попадал в родное село и ни разу не поговорил с нею.

— Тамар... — голос от волнения был сдавленно-хриплым, — подними мне, пожалуйста, подушку повыше. Наших нет дома, позвать некого.

Она подошла к кровати и потянулась было к подушке, но он схватил вдруг ее руку и прижал к своей груди.

— Отпусти. Не надо, — она задрожала; хотела вырваться и не могла из его крепких, жилистых рук.

— Ты не бойся... Я... — он еще сильнее прижал ее руку к груди, смотрел ей в лицо, в испуганные глаза, словно просил, чтобы глаза не прятались, не убегали, чтобы рука не стремилась вырваться. Девушка боролась с волнением, но все еще справиться с ним не могла, руку, однако, уже не отнимала с прежней силой.

— Нога очень болит?

— Не бойся, — сказал он веселым тоном. — Как только у кого-нибудь в селе будут танцы, обязательно пойду и так оттанцуЮ!..

— В селе каждый день танцы.
— Да?.. А когда у нас самих будут танцы?
— У вас? Когда твою сестру замуж будете выдавать.
— Нет, нет! — он сел на кровати. — Сначала — когда тебя засватаем.

Лицо ее опять распыпалось, она спрятала глаза, опустила низко голову.

С веранды послышались шаги. Вошли отец и мать Ладемыра. Бутиан, словно недовольная гостьей, осмотрела ее с ног до головы. Тотрадз обнял одной рукой Тамару. Сердце девушки забилось с тревожной радостью, она смущенно проговорила:

— Вот... мама ваш графин прислала.

— Вижу, вижу, — Бутиан смотрела на Тамару, сдвинув брови. — Теперь им девушкам только кузыми иходить...

— Не слушай ее, Тамара, — засмеялся Тотрадз. — Она и себя-то лишь один раз в году любит. — Вот, посмотри, — он указал на черный-пречерный волосок, росший на бородавке, украшавшей щеку жены. — Вот этот волосок — барометр ее настроения. Торчит вверх — осторегайся, Бутиан! Вниз... А вот вниз он у нее редко когда смотрит! Вот так-то, моя цыпушечка! — и он опять привлек ее к себе по-отцовски ласково. — Среди наших девушек ты самая лучшая. Да!.. А как, в этом году тоже будешь соревноваться со мной? Смотри! Стальный вол, как говорится, выносливее. Или не прав я, — повернулся к жене, — гордая девица Бутаевых?

— Если бы еще немного больше выпил, еще бы красноречивее был. Посмотрите на него: надумал вдруг усы растить!

— Эх, Лезихан, Лезихан! (Имей в виду, Тамара, это ее праздничное имя...) Пусть бог не посыпает мне смерти до тех пор, пока я не станцую на свадьбе Тамары и вон того, устроившегося на кровати. Вместе с тобой, Лезихан, не станцую. И усы свои до тех пор не сбрею. А вообще, чем они плохи? Тамара, ну-ка посмотри на них.

На какой-то миг показалось Тамаре, что с нею отец. Она чуть не разрыдалась.

— Да, станцуешь, — обиженно отвечала ему Бутиан. — Дождешься от вас свадьбы, невесты! Скорее вы опять отправитесь в лес... Ноги свои ломать.

— Ты опять границу переступаешь! Ноги ломать — общественное. Свадьба — дело личное. Одно с другим за-

чем путать? Пойдем... Пойдем-ка и не будем мешать им беседовать. Садись, садись, Тамара. Он целые дни один — разве сладко? Расскажи ему что-нибудь.

Когда они вышли, Тамара потрогала волосы. Впервые она пожалела, что отрезала косу.

Ладемир наблюдал за ней, и карие глаза его, веселые и яркие, были совсем здоровыми.

— Ты не пугайся, что мать поворчала, — сказал он. — Мать во всем — за старые обычаи. Но тебя она любит. Она очень тебя любит. И все в нашей семье...

* * *

Однажды Каламурза появился на ферме ранним утром.

— Я раздобыл кирпич, — сказал он Темирболату. — Надо начинать его возить. Отправим молодежь. Пусть едут Тамара, Оля... Дзенаго... — и Каламурза подмигнул парню.

Последнее время Дзенаго стал очень следить за собой. Появились у него шевиотовый костюм (правда, поношенный), ботинки (совсем новые).

— Вот что делает любовь! — поддразнивали его девушки. — Но как ты ни наряжайся, Тамара все равно не смотрит на тебя. Повернись-ка лучше к нам лицом.

— Я тоже не кожура мушмулы, — отбивался от них Дзенаго поговорками. Но в присутствии Тамары немел.

Сейчас на машину Дзенаго собирался влезть первым, чтобы помочь девушкам, но те опередели его. Когда машина трогалась, то Оля, встретившись взглядом с Дзенаго, вдруг перемахнула через борт.

— Я забыла! — кричала она вслед набиравшей скорость машине. — Я догоню вас. На следующей!..

Тамара и Дзенаго сидели на доске, положенной на боковые стенки кузова. На крутых поворотах локоть Дзенаго касался голой руки Тамары, и тогда кровь парня закипала.

С отличным настроением ехал Дзенаго! Когда машина грохотала по мосту через бурлящую горную реку, то парню вдруг захотелось, чтобы мост провалился. Тут бы уж Дзенаго себя показал! Он бросился бы к Тамаре и вырвал бы ее из разъяренных волн...

В какой-то момент глаза их встретились. Дзенаго показалось, что Тамара поняла, как много в нем мужества. На что только он не решился бы сейчас!

Нет, Тамара все-таки не чувствовала, что творится с ним. Сидит так, словно рядом с ней никого и нет. Откуда знать Дзенаго, что она, тоже на крыльях мечты, где только сейчас не побывала! Собирается на учебу. Вместе с сестрой Ладемыра... Ладемыр. Говорят, он позавчера вышел на работу. Вот если бы вдруг он встретился!

А возбужденный Дзенаго вспомнил, что ему говорил недавно Каламурза.

«Ты думаешь женщина не теми желаниями живет, что и мы с тобой?.. Приглядись-ка к Тамаре. Она же, как порох! Стоит прикоснуться к ней, и она вспыхнет! А вспыхнула и — твоя».

«Ха-ха-ха! Женщины любят искроглазых парней», — прозвучали в ушах слова Марии, будто она вот сейчас, сию минуту говорила их, громко смеясь.

Дзенаго подсел ближе к Тамаре. Она отодвинулась. Он опять двинулся к ней. Поскольку она ничего не сказала, он обрадовался: «Не сердитесь». И, быстро наклонившись к ней, чмокнул в щеку. Девушка от неожиданности подскочила, ее глаза расширились и засверкали. Она размахнулась и влепила вдруг Дзенаго такую пощечину, что бедняга свалился с доски, на которой сидел, и очутился в противоположном конце кузова.

---

* 12 *

«Этот худосочный человечишка второй год хитростью берет верх надо мной! На святом пиру второй год занимает место старшего. Надо против него настроить народ...» — так рассуждая сам с собой, шел по улице мельник Мика.

Темирболата он застал дома. Тот выстругивал топорище из карагача.

— Клянусь святым Хетагом, ты работаешь как вол.

— Это поразительно! — говорил Мика, ощупывая в то же время глазами двор. Возле сарая были сложены недавно распиленные доски.

— Отличный лесоматериал, хм, хм! — закашлял Мика и сразу переменил тему разговора. — Клянусь святым Хетагом, Каламурза очень отзывчивый человек.

— Я их в районном центре купил... А кто говорит плохое про Каламурзу? — покраснев, сказал Темирболат, про себя подумал: «Чего ты, как ищейка, вынюхиваешь, чтобы дом твой разрушился!.. Каламурзу хвалит. Себе Каламурза разве столько увез?! Как я сглушил! Каламурза губы

мне помазал, а теперь и рта уже не открыть! Уплатить бы за эти доски! Да Каламурза об этом и слышать не хочет».

— Ну как, — продолжал между тем Мика, — готовимся ко дню святого Хетага?¹ Или наше селение хуже других? И вообще, послушай, почему распорядителем по святыни должен быть кто-то, но только не наш, не дубравинский! Разве мы уже не пользуемся уважением? Или изменили своим святым?

— Прав ты, Мика, прав, — сказал Темирболат и со смущением подумал: «В холодных окопах, слушая свист пуль, сколько раз я молился: «О высокий Уастырджи, не выдавай! Помоги! Если вернусь домой, то самые богатые жертвоприношения свершу в твою честь...» Он, слава богу, уберег меня, а я пока и палец о палец не ударил». — Работы много, — виновато сказал он сейчас Мике. — Головы поднять некогда.

— Что ты, что ты, Темирболат! — всплеснул руками Мика, — работа, которую ты предпочтешь святому Хетагу, разве будет угодна богу?..

Добился-таки Мика, что должность распорядителя перешла к нему. И с тех пор у Мики забот полон рот: праздник святого приближается. Надо купить жертвенных животных, араку. Надо собирать денежные пожертвования.

В один из тихих солнечных дней Мика вышел рано утром из дома. Поверх красного шелкового бешмета на Мике белая черкеска, на голове золотистая каракулевая шапка. А на ногах, как всегда, великолепные мягкие сапоги и дырявые галоши. Селение за селением обходил Мика, побывал в «Святом кусте». Домой он вернулся с мешочком денег. И сейчас же к нему явился Каламурза. Глазки масленые, как у кота, предвкушающего богатую поживу. Мика встретил его радостно: нужна приятельская помощь.

— Ну, как поживаешь? — спрашивал он сейчас Каламурзу. — Твой хозяин еще и теперь бодливым быком смотрит?.. Когда-то был в нашем селе старый бугай. Потерял все свои способности, так стал страшно бодаться. Наш председатель не похож разве на него? Ха-ха-ха!

— Ха-ха-ха! — во всю глотку захохотал и Каламурза. — Остер ты на язычок, черт бы тебя побрал!

¹ Обрядовый праздник. Проводился в роще («Святой куст»), расположенной неподалеку от г. Орджоникидзе.

— Скажи-ка своему другу, бодливому бугаю, — перешел на серьезный тон Мика, — чтобы он нам машину дал. Надо поехать за жертвенными животными.

Каламурза моргнул, но ничего не ответил.

— Что ты на меня посматриваешь, как мартовский кот с крыши! Не бойся, свою долю получишь.

— Ты всегда был догадлив.

— А что же! Разве я глупее тебя? Нет, я знаю даже то, что ты в будущем году скажешь. Ну, так как насчет машины?

— Все машины колхоза вот здесь у меня, — Каламурза похлопал себя по карману. — Дам тебе одну. Поедешь якобы за кирпичом в Моздок. А Темирболат нам акт подмахнет.

— Здорово приучил ты этого черношеего. Подумать можно, что вы давнишние друзья!

— Когда ось смазана, то колесо не скрипит.

— Видел, видел я твою смазку в его дворе...

На второй день Мика покатил на машине за Моздок. Оттуда в город; к знакомому мяснику, привез бычка и трех телок. Поехал дальше... Перед праздником святого Хетага он смазал дегтем и закопал в подвале под домом железную коробку, полную денег.

* * *

Темирболат готовил арбу. Он хотел пораньше быть у святилища, чтобы успеть до наступления темноты заколоть жертвенного барана и помочь распорядителям пиршества. Об этом просил его Мика. Темирболат уже укладывал в арбу солому, когда появился Тотрадз.

— Посевы гибнут, работы по горло, а люди устраивать пиры задумали, — говорил он Темирболату. — Дня три гулять будут. Не меньше. Партийно поручило мне обойти всех на нашем краю. Если бы ты мне тоже помог...

Увидев доски, сложенные возле сарая, удивился:

— Хороший лесоматериал. Где ты достал?

Темирболат смущился.

— В районном центре. С трудом достал, — ответил, отводя глаза в сторону, и подумал: «Лучше бы мою голову оплакивали, чем терпеть этот позор! Куда деваться?»

— Ты, кажется, куда-то собираешься?

— Думаю поехать в святилище... В Хетагову рощу.

— Значит, это верно, что со строительства все ушли? — удивился, но теперь уже не очень, Тотрадз. — Это ты отпустил? Без твоего разрешения не ушли бы... Значит, и сам, и других?..

Темирболат спокойно ответил:

— Я никого не тяну. Ко мне никто не привязан. А самому мне надо поехать. Пусть не отбирают у меня моего бога. Наш младший мальчик худощавым растет. Советуют помолиться святому Хетагу.

— Вот уж не знал, что святой помогает худощавым, а то отвез бы туда свою хозяйку, — Тотрадз не скрывал злой усмешки. — Ну что же, силой не стану тебя удерживать. Но запомни мое слово: когда-нибудь опять будешь каяться.

— Ты извини меня, Тотрадз, — Темирболат был непреклонен. — У тебя своя религия: книги и газеты. А у меня — своя: святые небожители. Лучше бы нам не трогать друг друга. И потом, я не верю тому, кто называет себя безбожником. Каждый из нас молится втихомолку... — лицо Темирболата покраснело, на морщинистом лбу выступили бусинки пота.

— Вот тут ты говоришь неправду, друг мой, — Тотрадз провел рукой по щетинистым усам. — Присядем-ка. Я много ходил сегодня, надо отдохнуть.

Тотрадз прошел к сараю, опустился на доски. Снял с головы серую войлочную шляпу, положил ее рядом с собой. Достав из кармана газету, оторвал от нее большой кусок, насыпал табаку. Скрутив цигарку толщиной в мизинец, прикурил от зажигалки.

— Я никогда не был там, в горах, где вы жили раньше, — сказал он. — Но, наверное, и там то же самое, что на моей родине: глубокие ущелья, высокие хребты, голые каменные склоны... Предки наши никогда не забывали имя бога. Даже беднейшие к празднику откармливали барашка или телочку, бычка. В жертву Хетагу. Рука дающего часто, как гласит наша пословица, и получает часто... Я слишком издалека начал свой рассказ. Короче говоря, у моего отца был старший брат по имени Темыр. В откровенном слове, как говорят, нет порока. Так вот, поверь: Темыр был виднее, сильнее, умнее моего отца. Каким уважением он пользовался! И чего только он не знал! Что не умел делать! Много звезд на небе — для каждой из них было у него название. Какая погода будет? Скажет — не ошибется. Рану перевязать, вывих-

нутую руку вправить — все умел. Детей у него народилось, кажется, четырнадцать. Но умирали. Маленькими. В живых остались сын и две дочери. Скотины у него: чайная лошадь и две маленькие коровы. Однажды лошадь не пришла с пастбища. Сын отправился на поиски... Нашел только ее кости: волки съели. Повернулся парень, направился домой, — Тотрадз затянулся, выдохнул неторопливые густые клубы дыма, — в Узком ущелье шальная пуля какого-то охотника свалила мальчика замертво. Мать, услышав о гибели, слегла и скоро умерла.

А в одну из летних ночей по воле, да, по воле создавшего нас бога, молния ударила в ветхий домишко. Девочки и отец их остались невредимыми. Но загорелся хлев, и коров не могли спасти. Дядя не был старым, но он стал ходить, опираясь на палку.

Наступил день пасхи. Мы, как всегда, пригласили соседей. Позвали и дядю. Но он не пришел. Опять послали за ним: за нашим праздничным столом без него не могли произнести первого тоста. Я направился к нему. Темир долго смотрел на меня, а потом усмехнулся, погладил по голове и сказал: «Пусть молится кто-нибудь другой. Хотя бы тот же Кавдын. Он дружен с богом, и бог ему дает. Может быть, его молитва скорее достигнет Хетага... Где бог, где?! Я уступаю Кавдыну своего бога!»

— Кавдын был наш сосед, — продолжал свой рассказ Тотрадз. — Зажиточный человек. Даже птица, как говорят, боялась пролететь над его домом. Никто не любил его. Почему же Темир отдал ему своего бога? Мне, мальчишке, этот вопрос глубоко запал в душу. А потом я понял: у кого было больше, тому этот бог еще давал. А другим... Тогда еще, в детстве, в юности в мою душу закралось сомнение: а есть ли бог?

Темирболат смотрел вниз. Молчал. Но, услышав последние слова Тотрадза, встрепенулся, лицо нахмуренное: не разберешься, возмущен ли святотатством друга или только делает вид? И слова, которые он поторопился сказать, тоже были произнесены без особого чувства.

— Слава всевышнему. Слава... Да простит он твое неведение...

А вечером Темирболат запряг лошадь строительной бригады. Положил в арбу небольшого черного барана, связав ему ноги, бочонок, полный пива, накрыл сеном. В камышовую корзину аккуратно уложил три пирога,

поставил кувшин с аракой. Посадил рядом с собой младшего сына и поехал к святыни.

По пыльной, накаленной летним солнцем дороге шли и ехали пожилые люди, девушки, парни. Знакомых попадалось мало, народ все больше из других селений.

Темирболат распряг лошадь неподалеку от рощи, спутал ее и отпустил пастьись. Пошел искать Мику. Мика с важным видом сидел в стареньком скрипучем кресле возле брезентовой палатки, где несколько человек свежевали жертвенных животных, и что-то записывал на широкий бумажный лист.

Темирболату стало не по себе, когда он увидел распорядителей общественного пиршества. Одним из них, пожалуй, первым после Мики, ведавшего закланием жертвенных животных, был некто Уасил. Темирболат узнал его несколько лет назад. Гуляли на свадьбе далекого родственника. И когда поднялись из-за столов, то вот этот самый Уасил встал возле двери с ведром араки и не выпускал из комнаты того, кто не выпивал большую кружку. Среди гостей был молодой человек. Однорукий. Когда Уасил слишком уж стал приставать к нему, тот начал пристально разглядывать его.

— Дорогой гость, ты что, похожего на меня из своей родни потерял? — усмехнулся Уасил.

— Потерял, — как-то очень мрачно ответил ему совсем непьяный однорукий. — Потерял. А теперь нашел и уже постараюсь не выпустить! — выкрикнув это, он своей единственной рукой схватил Уасила за ворот и выволок на улицу. — Так не помнишь меня?! — кричал он, встряхивая Уасила.

— Я никогда тебя не видел... — Уасил вдруг начал дрожать всем телом.

— Смотри на мою руку!

— Я тебя не знаю... И при чем рука?

— А я тебя знаю! Твой меченный глаз тебя выдал. А ну, вспомни!.. Село возле Львова! «Опомнись, — говорил я тебе по-осетински. — Не делай этого».

Лицо однорукого покрылось вдруг белыми пятнами.

— Тогда ты был в форме немецкого офицера! — кричал он и встряхивал, встряхивал Уасила, будто душил врага. — Среди военнопленных ты искал таких же, как сам! Предатель!..

Темирболат слышал потом, что Уасила арестовали. Значит, он отсидел срок? А теперь вдруг почетным

человеком при святынище? Руками, обагренными человеческой кровью, закалывает жертвенных животных?

Темирболата затрясло как в лихорадке. Он отозвал в сторону Мику и рассказал ему все, что знал про Уасила.

Тот выслушал, а потом стал закручивать кончики усов.

— Мало ли что говорят друг о друге люди! Великому богу нет до этого дела! Клянусь тебе, что Уасил порядочный человек, честный осетин. Не принимай ты близко к сердцу старые истории. Давай-ка лучше по одному рогу, — и Мика закинул назад голову, показывая, как сейчас они с Темирболатом выпьют араки.

— Нет, извини, Мика. Я видел войну. Сердце моего младшего брата, еще не разогревшись огнем, там потухло. Я уверен, вот такой же негодяй поднял на него руку.

— Все по воле великого бога. Он одинаково любит всех, кого создал. Прошу тебя, не расстраивайся. Отдохни... Посмотри, в этом райском уголке все танцуют, поют... Все по воле великого бога...

Темирболат повернулся, зашагал прочь.

«По воле великого бога...» — повторял он, размашисто шагая. Вспомнилось вдруг, как, поссорившись с Каламурзой, должен был уехать из родного села. Это тоже нужно было богу? А что Каламурза председателем колхоза стал, это тоже божья воля? Почему мой единственный брат погиб на войне? Почему подлый Уасил вернулся живым и невредимым? Что это за справедливость?.. «Тогда еще закралось в мою душу сомнение: а есть ли бог?» — Тотрадз как будто бы был рядом и сейчас повторял эти негромкие слова.

Роща погрузилась в полный мрак. Лишь кое-где еще горели костры. Откуда-то доносились неясные голоса.

Освежевав барана и уложив тушу в арбу, Темирболат тут же, возле колес лег соснуть. Сын устроился под боком. Проснулся Темирболат, когда начинало светать. Сон на воздухе освежил, взбодрил. Укрыв потеплее сына, Темирболат отошел от арбы и вдруг наступил на что-то твердое. Нагнулся, смотрит: на траве лежит баранья ножка. Быстро вернулся к арбе, пошарил и оцепенел: туза барана исчезла. Осмотрелся по сторонам: не собаки ли вытащили? Никаких следов! Кинулся в одну сторону, в другую. Нигде. Ничего.

Поймав спутанную лошадь, Темирболат принялся торопливо запрягать ее в арбу. От стука оглобель проснулся сынишка.

— Тому¹, мы куда-нибудь поедем? — протирая глаза, спросил он.

— Домой, бичо², домой... Согласно воле божьей, домой.

* 13 *

Лето в разгаре. Маленький огород Габуевых похож на полные пчелиные соты: так на нем все строго и ровно, так богата урожаем каждая грядка. Созрели помидоры и ярко-красными крупными гроздьями склоняются, как алам³, кочаны капусты широко раскинули листья, греют на солнышке круглые головы. И чего еще только нет в этом огороде: салат, укроп, щавель. Вдоль забора заросли смородины, малины...

Два раза в день Бутиан успевает полить грядки, пропалывает их от сорняков. Вот уже пора и тычки поставить к помидорам, подвязать тряпочками гнушиеся стебли...

Тотрадза несколько дней нет дома. Всё в поле да в поле. Появился вдруг.

— Нет уж, пусть бог не создает второго такого мужчину, как наш. Даже на старости лет не подумает о своем доме, — ворчливым голосом и негромко, но чтобы Тотрадз слышал, заговорила Бутиан. — В доме двое мужчин, а помидоры пропадают...

— Что это ты на свое лицо напустила: не лицо, а готовый прорваться чирей, — появляясь в огороде, сказал Тотрадз. — Или из дома уходим, чтобы где-нибудь камни с места на место перекладывать? Посевы пропадают... Ты лучше дай мне что-нибудь пожевать, с голоду, умираю.

Бутиан подняла голову, увидела лицо мужа, и сердце у нее защемило: похудел, щеки ввалились! Забыв о грядках, заторопилась Бутиан на кухню.

---

¹ Тому — ласковое сокращение имени Темирболат.

² Бичо — мальчик, грузинское слово, получившее распространение у осетин.

³ А лам — украшенная ветка ели; по старинному осетинскому обычанию, фрукты, сладости нанизывали на нитку и привязывали к небольшой елке или к отдельной ветке, с которой всадники в день памяти умерших скакали по улицам.

Когда Тотрадз поужинал, то дочь Азау помыла ему ноги, принесла чистые носки, чувяки. Азау в этом году закончила среднюю школу. Сдала документы в медицинский институт, где через неделю начнутся экзамены. И если Бутиан, встретив мужа, разворчалась о подпорках для помидоров, то разве и вправду эти подпорки беспокоили ее? Как слышала Бутиан, вся молодежь хлынула нынче в ту самую школу докторов, куда собирается дочка. Бутиан жизнь готова отдать, но только пусть дочь попадет в эту школу. А хозяин... Ведь давно в партии. Все его знают. Куда пойдет, разве ему в чем-нибудь откажут?

Все это Бутиан говорила сейчас мужу.

— Надо тебе вместе с ней съездить в город. Иначе, клянусь моими горько оплакивамыми покойниками, она никуда не попадет.

— Не попадет, так всегда в поле есть место, рядом со мной, — ответил Тотрадз и взглянул на дочь, как она относится к его словам. Азау выглядела усталой: сегодня целый день она сидела за книгами. Но дочь не была на него в обиде. «Если я должна стать врачом, — думала она, — то и так попаду в институт. А отец... Отец всегда прав. Он у меня хороший».

— Почему он должен ехать со мной? — сказала она матери. — Вон у Тамары некому ехать, так, значит, ей и думать не нужно об учебе?..

Эти слова не понравились матери. И вспомнилась Бутиан недавняя встреча с Марией, вспомнилось все, что та говорила об Азау, о Ладемыре...

Бутиан встретилась с Марией на похоронах. Та в толпе провожающих подошла к ней.

— Ах, как я рада видеть тебя, Бутиан! Клянусь матерью, ты краса и гордость женщин нашего села! И все еще такая молодая и стройная. (Какая уж молодость, какая стройность, если ногу приходится волочить. А все-таки доброе слово приятно услышать.) Ну, как поживаете? Тотрадза тоже давно не вижу. Он, наверное, как и всегда, молодцом выглядит? — болтала Мария, а потом, как бы между прочим, выложила Бутиан целую кучу неприятных, душу рвущих новостей. — Говорят, что вашу дочку любит Бимболат, сын Темирболата Наниева. Такой молокосос! Еще нас вытереть не умеет. В прошлом году никуда не ходил учиться. А говорят, он и Азау тоже нравится. Говорят, она ему заявила: пусть хоть сегодня

присыпает сватов... У меня сердце дрогнуло, — продолжала Мария и приложила руки к груди. — Что хорошего увидит ваша дочка в доме Наниевых? У них же такая орда! Еле сводят концы с концами. Я так забеспокоилась, что подумала, надо предупредить Бутиан. Я же вашу Азау, думаю, и без клятвы мне поверишь, люблю, как и свою единственную... Нет, нет, клянусь мамой, так люблю...

Они шли в неторопливой скорбной процессии, и Бутиан не поднимала глаз, чтобы взглянуть на Марию, оглушившую ее такой новостью.

— Да, чуть не забыла, — продолжала та сладким голосом, — чуть не забыла пожелать, чтобы девушка, которую сватаете, принесла в ваш дом только счастье.

— О какой девушке ты говоришь?

— Да я ли говорю! Послушать, так ведь это как в весеннем лесу щебетанье. И все об одном: Габуевы на днях введут в свой дом невесткой дочь Таурзат... Она и вправду хорошая, но мне кажется, что девушку, достойную вас, не скоро найдешь на белом свете. А к тому же, говорят, что на строительстве фермы они с Дзенаго друг без друга и минуты обойтись не могут. А однажды, мол, когда возили камни, то Тамара даже подругу свою попросила слезть с машины. Оставь, дескать, нас одних. Когда у девушки нет отца, когда ей некого бояться... — Мария поджала губы и покачала многозначительно головой.

— Кто любит посплетничать, тот чего только не выдумает...

— Правда, правда. Так оно и бывает. Наговаривают на девушку. Но будто мать Тамары сказала, что не о трактористе-зяте у нее мечта. А интересно знать, какого же она ищет? Ведь Ладемыр целого села стоит, клянусь матерью.

Они уже подошли к кладбищу. Одна из женщин зачаровала, плач подхватили другие. И тогда Мария, так, словно она до сих пор с трудом сдерживала слезы, зарыдала вместе с женщинами. Бутиан тоже заплакала: и чужое горе переживала искренне, и свое...

Тотрадз не знал опасений жены, но за дочь, скрывая это, очень переживал. Сдаст ли экзамены? «Ничего, — говорил он себе. — Если в этом году не пройдет, в будущем постарается. Она ведь еще молодая — время у нее есть».

* * *

Который год подряд собирается Тамара поехать на учебу, но каждый раз что-нибудь да мешает. Но теперь, когда наступил день отъезда, душу охватила необыкновенная грусть. Стается Тамара не выдать своих чувств, скрывает от матери, что у нее на сердце. Целый день не выпускает из рук метелку, веник, тряпку.

Перед тем как сложить вещи в чемодан, она надела свое любимое голубенькое, с белыми цветочками платье. На него пошли деньги из пенсии, которую мать получает на младших. Платье подчеркивало стройность фигуры. Тамара кружилась перед зеркалом. Губы у нее яркие, как будто она их накрасила.

«Кто-нибудь подумает, что и вправду крашу. Если бы Ладемыр увидел меня в этом платье!»

Скрипнула дверь, неслышно вошла, словно впорхнула, Азау.

— А-а, вот ты какая! Не зря же тебя... Вот бы Ладемыр посмотрел...

Тамара покраснела, отвернулась. Потом тихо сказала:

— Знаешь, мне так грустно. Ну куда я еду? И что будет с мамой? Как тут она будет управляться?

— Не нагоняй на себя тоску. Отец говорит, вы учитесь, а я здесь на два дома управляюсь. Помогу, говорит. Хотел бы, говорит, съездить с вами в город, но... Ему очень некогда... Если бы ты знала, как он тебя любит! И я, и все наши! — с этими словами Азау обхватила Тамару за талию; комната наполнилась девичьим щебетаньем, смехом.

* 14 *

С тех пор как Темирболат побывал на празднестве в святой роще, он не позволял себе даже выходного. Словно стараясь искупить свою вину за прогул, он дневал и ночевал возле не очень быстро поднимавшихся коровников. Вот и сейчас — перерыв: кто поел и спит в тени кустов, кто-то даже уехал в селение, а Темирболат все расхаживает возле стен, похожих на старинную разрушенную крепость и раздумывает.

«Сколько здесь еще требуется трудов. А сколько средств включенных! Материалы, материалы нужны! Вся

надежда на Каламурзу. Только этот разбойник может что-то где-то достать. У него, как говорится, и в сухой степи вода родником забьет. И откуда у него столько знакомых! И не злиться на него нельзя, и прощать ему надо. Но сгореть бы ему!.. Жил я себе спокойно, а теперь из-за него, наверное, все меня вором считают...» И у Темирболата опять испортилось настроение.

В это время подошла легковая машина. Вылезли из нее Азамат, Циусур, Каламурза и еще один незнакомый человек. На плече у гостя висел фотоаппарат. Гость, как только встал ногой на землю, вынул из кармана блокнот, авторучку.

— Настоящий дворец!.. — воскликнул он, остановившись перед стенами коровника. — Не зря в Министерстве сельского хозяйства вас так расхваливали. Вы всех превзошли.

— А ну-ка, прошу вас, станьте вот там! — командовал он, снимая фотоаппарат с плеча. — Ты, Азамат, в середине. Открой хотя бы вот этот журнальчик. Говори что-нибудь. А вы, прошу вас, смотрите на Азамата. Все на Азамата: как будто слушаете, что говорит Азамат, — он отступил на несколько шагов. — Попрошу вас, разговаривайте, разговаривайте! Примите веселый вид! Вот так! Еще немногого... Готово! Извините. Мне надо еще записать ваши фамилии и кто кем работает. Снимок послезавтра появится в газете. И еще!.. — он достал блокнот из кармана. — Один вопрос... Через месяц ферму сдадите?

Темирболат хотел сказать, что слава богу, если через полгода закончат, но Каламурза опередил его:

— Как же! Как же! Обязательно!

Гость черкнул что-то в блокнотик, спрятал его в карман, закрыл футляр фотоаппарата, сел на переднее сиденье, другие — на заднее, и машина укатила. Темирболат долго смотрел вслед широкому облаку белой пыли. Покачал головой.

Через несколько дней Азамат и Каламурза опять появились на стройке. Бывший председатель колхоза выглядел прямо-таки победителем. Размахивая газетой, он говорил:

— Вот посмотрите! На первой странице! Здорово я получился! Азамат именно на меня указывает рукой. Ха-ха-ха!.. И галстук мой, смотрите! Черт, как они

быстро напечатали! — потом, успокаиваясь, добавил: — Это мой друг, который нас фотографировал.

Темирболат чувствовал, что где-то в глубине души ему приятно: его портрет в газете! Но с другой стороны: «Строители обязались закончить все работы через месяц!» От этой мысли было гадко, и еще было то удивительно, как фотограф расставил всех на снимке: казалось, что руководство колхоза специально собралось обсудить ход строительства. «Вот фокусники, — дивился он, разглядывая снимок. — Как это ловко все делается!»

Азамат, стоя чуть в стороне, заложив руки за спину, разглядывал сложенные из красноватого кирпича стены. Он представлял себе, как красиво будет выглядеть коровник. «Накроем шифером, изнутри побелим, механизируем подвозку кормов. Полы заблестят, как стекло. Коровы все будут племенные... Молочное озеро...»

Но радость пропала, когда вспомнил, что строительство неизвестно затянулось. Все сроки, обещанные им министерству и райкому, прошли. А работе и конца не видно. Деньги, отпущенные банком, тоже съедены, а Каламурза говорит, что материалы еще надо закупать да закупать. Словом, до двадцати недостает еще девятнадцати! Неужели опять придется просить ссуду? А скот, выходит, вновь будет зимовать в старых хлевах? И на какие деньги покупать племенных коров?

— Не пора ли заканчивать стройку? — посмотрел он сердито на Темирболата. — Вы к середине лета обещали мне закончить. Теперь уже скоро осень, а вы все еще, как жуки в навозе!

— Они изо всех сил стараются. Но не всегда получается так, как хочешь! — заступился за строителей бывший председатель.

— Что ответить, не знаю, — пожал плечами Темирболат. — Обещать мы не обещали. Это вы говорили: «Неплохо было бы к середине лета». Мы стараемся, сил не жалеем. Будем работать и днем, и ночью, от одних петухов до других.

Темирболат хотел еще добавить, что иногда день за днем приходится простоять, потому что нет то одного, то другого. Но промолчал: не хотелось портить отношения с Каламурзой. «Мне самому дом надо строить, — подумал он. — Дружба с Каламурзой еще может пригодиться».

Ладемыру часто вспоминался тот весенний день, когда лежал он дома с еще сильно болевшей ногой, лежал в каком-то полузыбьтии и вдруг, открыв глаза, увидел в комнате Тамару. Теперь девушка в городе. Много дней прошло, как она уехала, а вестей от нее нет. Отчего и сестра ничего не напишет? «Эх, почему я не на автомашине работаю? — думает Ладемыр. — Тогда бы, выбрав посвободнее вечер, махнул бы в город!»

Почти всю ночь, заложив руки за голову, лежал он на спине неподалеку от вагончика трактористов, считал, смотрел на звезды: они, словно сочувствуя ему, из теплой темной глубины трепетно мерцали, будто помаргивали.

В обед пошел к реке, выкупался, прилег на теплый песок. Мечты опять унесли его к любимой девушке. Ладемыр стал перебирать в памяти все встречи с нею и даже самые короткие разговоры. Как он завидовал парням, которые так просто ведут себя с Тамарой. И по улице открыто пройдут. И домой зайти не постесняются. А он боится. Поистине, на воре шапка горит. Ему всегда кажется, что если он остановится возле Тамары или пройдет с нею по улице, то люди обязательно подумают что-нибудь плохое. Так раздумывая, упрекая себя в трусости, вывел он пальцем на песке ее имя. Смотрел на него, смотрел да и уснул. Сзади неслышно подкрался Бимболат. Думал напугать друга. Но, увидев имя на песке, изобразил на лице совсем печальную сосредоточенность, протяжно громко произнес:

— Да не простит бог дочери Таурзат твои мучения, о бедный!

Ладемыр, проснувшись, вскочил и поспешил наступить на имя, им написанное, но по смешинке в глазах Бимболата понял, что тот уже прочитал.

— Чего ты как abreк ко мне подкрадываешься! — рассердился он. — Что ты преследуешь меня!..

Вечером Ладемыр запряг арбу, будто бы ему нужно было съездить в МТС, и направился в село.

Всю дорогу гнал лошадь. Подъехал к родительскому дому, когда было почти темно. И вдруг знакомый голос!

— Азау, так ты зайдешь завтра? Я буду ждать тебя.

Спрятав с арбы, он побежал в ту сторону, куда уходила девушка. Различив ее в темноте, тихо окликнул:

— Тамара!

— Ладемыр... — в ее голосе звучала нескрываемая радость.

Он подбежал к ней, обхватил руками плечи и поцеловал упругую горячую щеку.

Тамаре, так было обрадовавшейся неожиданной встрече, этот поцелуй вдруг напомнил другой. Как ее ескорбил тогда Дзенаго! Отбросив руки Ладемыра, она отпрянула в сторону... Пощечина в темноте прозвучала гулко, как выстрел из старого ружья.

Ладемыр долго стоял на месте. Щека его горела, словно не девичья рука нанесла удар, а кнут.

Дома он застал свою мать и сестру расстроеными. Оказывается, поездка в город была неудачной.

Старая Бутиан как-то похвасталась соседкам, что ее дочь поступает в школу докторов. Бутиан не просто хотелось, чтобы ее Азау получила высшее образование, нет. «Пусть и в семье Тотрадза, — думала старая, — будет свой доктор. Теперь уже в каждом доме есть или врач, или учитель, или агроном». Сама она не любила ходить по докторам. Потому и прихрамывала она на правую ногу. В свое время не обратилась вовремя к врачам. «Так вот пусть, — думала она, — дочь выучится на доктора и пусть на ней женится такой же, как она, доктор. Или, на худой случай, инженер». Об агрономе или зоотехнике Бутиан и слышать не хотела. Что в них хорошего? Агроном и в дождь, и в снег в полях пропадает, а зоотехник все время с коровами.

Теперь этим мечтам пришел конец. Что же будет с ее дочерью! Неужели же этот голоштанный Бимболат, сын Наниевых, про которого говорила Мария, будет тем самым, который вместо доктора, инженера заберет ее, ясное солнышко?

— Ох, ох, ноги подкашиваются...

Азау никак не предполагала, что мать будет так убиваться из-за ее неудачи.

— Нана, не огорчайся, — пыталась она успокоить мать. — Ведь я еще нестарая. Завтра же отправлюсь на ферму. Или хлеб вместе с отцом убирать буду.

— Не говори мне про ферму! Про хлеб, про твоего отца не говори! Если все делать, как ему хочется, мне ни минуты здесь не нужно оставаться!

Короткие пальцы жилистых и широких, как у мужчины, рук матери дрожали, она в изнеможении опусти-

лась на кровать, закрыла глаза. Азау присела рядом, прижалась щекой к материнскому лицу.

Ладемыр не стал ждать, когда его покормят, умылся молча и, не сказав ни слова, лег спать.

В тот же вечер приехал с поля Тотрадз. Мать и дочь еще не спали. Он вошел во двор, заметил в окне силует Бутиан, но все же громко сказал:

— Где вы? Или моя хозяйка сбежала с кем-нибудь?

Жена не ответила. И Азау сегодня не выбежала на встречу отцу. Тотрадз понял, что случилась какая-то неприятность.

— Кажется, — сказал он, входя в комнату, — наша дочь много времени потеряла напрасно?

— Конечно, дочь, у которой такой отец, многого не добьется! — не утерпела Бутиан...

Азау накрыла стол. Сели ужинать. Но мать и куска ко рту не поднесла. Охая и ахая, ушла к своей постели. Не раздеваясь, сняв только чувяки, легла. Поужинав, Тотрадз пересел на низенький стул, сказал дочери:

— Азау, солнышко мое, поиграй-ка.

— Только ты можешь в день печали такое выдумать! — послышался возмущенный голос Бутиан.

— А разве ты еще жива? — усмехнулся Тотрадз. — Давай сыграй, Азаухан. Хотя бы в честь того, что с матерью ничего не случилось.

Девушка принесла из комнаты гармонику, расстелила возле отца старое тонкое одеяло, села на него и тихо заиграла. Мать, показывая обиду, ворочалась на кровати, но не вставала. Однако скоро ее одолел сон.

Отец и дочь долго беседовали. Азау сбивчиво, не складно рассказала отцу о своей поездке. В медицинском институте большой конкурс: на каждое место человек по десять. Тамара, узнав про это, взяла свои документы и подала заявление в сельскохозяйственный. Но там тоже трудно. И только потому, что у нее была хорошая характеристика от колхоза, ей удалось поступить заочницей. А вот Азау вернулась ни с чем.

Около полуночи Тотрадз, поднявшись со стула, сказал дочери:

— Итак, папина цыпушечка, завтра отдыхай, а послезавтра — ко мне. Я скажу бригадиру, он тебя подвезет до нашего стана.

Но Азау не появилась в поле.

— Сиди дома, — приказала ей мать. — Я не против

работы. Но если тебя запишут в колхозницы, то ты останешься темным чурбаном, каким я осталась. А уж тогда, клянусь моими покойниками, я так обойдусь с тобой, что все село об этом заговорит.

* 16 *

О новой ферме теперь говорили и думали все. На партийном собрании опять разговор о ней. Мудрый Каламурза (был слух, что его прочат на заведывание фермой) держал пространную речь о том, как важны на этом первейшем участке работы молодые, боевые кадры.

И предложил мудрый Каламурза, чтобы доярок в новые коровники (а там придется дневать и ночевать) набирали, вербовали самые уважаемые люди колхоза: Борис и Тотрадз... Уверен был мудрый Каламурза, что на этом деле самые уважаемые люди колхоза нахватают себе синяков и шишек.

После собрания два друга долго сидели вдвоем. Раздумывали. Как звать людей на это дело, если каждый в колхозе может сказать: «Любил Долат ферму, она сгубила его. Разве и мне жизнь уже опротивела?» Долго раздумывали. Тотрадз наконец сказал:

— Ты на войне был офицером. Приходилось небось попадать в такой переплет: надо в атаку, а враг засыпает пулями? Как тут поступить?

— Командиру самому подниматься первым, — ответил хмуро Борис, еще не зная, к чему клонит старый.

— Вот именно, дорогой! — Глаза Тотрадза молодо блеснули. — Вот давай поднимемся и пойдем... А пока зайдем к нам.

Бутиан сидела на низенькой скамейке на verанде и резала яблоки для сушки.

Когда мужчины появились во дворе, она вышла навстречу, с Борисом поздоровалась за руку, пригласила их в дом.

— Поверь мне, Борис, — заговорил Тотрадз, как только Бутиан вошла за ними, — вот этому дому от меня пользы никакой! Вот уже истинно, как от быка молока! Но пока жива хозяйка, в этом доме никто не пропадет.

«Опять он какую-то беду для дома готовит», — подумала сразу Бутиан.

— Да, — продолжал стариk, — если бы я был писателем, то какую бы книгу написал о Бутиан! Все бы читали и плакали.

Хозяйка, навострив уши, все-таки не забывала накрывать стол. Она понимала, что такой разговор неспроста. Но тут же стала упрекать себя в излишней подозрительности. Разве муж не хвалит ее иногда просто так, от души? Наверное, и в ссорах, которые иногда случаются, она сама больше виновата. Вспыльчива очень. Правильно муж, посмеиваясь, говорит: «Ты вся в своего отца пошла. Ничего с тобой не поделаешь. Он тоже, бедняжка, драчливым был. Десятку готов был отдать, лишь бы подраться. Когда в своем селе уже, бывало, нет противников, так бежит в соседнее: не найдется ли там для его скул кулак покрепче?»

Вошла Азау. На ней было коричневое платье с поясом, на ногах носки домашней вязки, мягкие чувяки. Концы длинных толстых кос остались незаплетенными. На левой щеке чуть заметен шрам-рубчик: когда была еще маленькой девочкой, укусил соседский щенок.

— Да, — усаживаясь за стол, продолжал Тотрадз. — Я что хочу сказать? А то, что для здоровья важнее всего труд. Поверь мне, друг Борис, моя хозяйка всегда отличалась адским трудолюбием. Зато посмотри, она и сейчас бодра, энергична, ну что тебе девушка!.. А сколько ей пришлось перестрадать. Только из-за одного меня сколько ночей она провела в тревоге!

Лицо Тотрадза просветлело, он откинулся на спинку стула и полузакрыл глаза.

— Я тебе один случай расскажу. Давно это было. Кажется, году в двадцать четвертом. Нас, человек пять, пригласили в округ. Выдали ружья, объяснили задачу. И — в лес, ловить бандитов. Мы ночью в пещере без шума, без крика забрали троих. Тогда это дело было простым. Часто нам, коммунистам, приходилось за ружья хвататься. Но не об этом речь... Возвращались в село поздно. Усталые, голодные. Один из товарищей и говорит: «Давайте остановимся у того, чья жена бодрствует, ожидая мужа». Но другой: «Э, нет! Пусть тот, чья жена не бодрствует, приглашает нас на угощение»¹. На том и порешили. Бутиан тогда, как ты сам понимаешь, была

¹ По старым осетинским обычаям, жена, тем более молодая, должна бодрствовать в ожидании мужа, где бы он ни был и как бы поздно ни возвращался.

еще молодой. Да и я не особенно требовал от нее исполнения осетинских обычаев. Поэтому я-то уж совсем не надеялся, что она меня ждет. И другие это знали. Мне сразу и сказали: «Поезжай вперед, режь барана. Ты все равно, мол, не требуешь от бутаевской дочери исполнения осетинских обычаев». Прискакали в селение. Стали облезжать дома: везде спят. Подъехали к нашему. Смотрим, окно чуть-чуть светится. Хозяйка выскакивает нам навстречу. Вошли в дом. В большом чугунном котле над огнем — индейка, в хадзаре¹ тепло. Товарищи подняли меня на смех. За свободу других жен, мол, воюет, а свою жену всю ночь заставляет сидеть, себя дожидаться!

— Как же, очень я хотела тебя дожидаться! — подала свой голос Бутиан.

— Верно! — подхватил слова ее Тотрадз. — Верно! Но я только потом узнал! Думаешь, волновалась обо мне и ждала? Не-ет! — он засмеялся. — Оказывается, повздорила с моей матерью. Оказывается, свекровь прогулялась по ней печными щипцами. Так вот она, назло свекрови, принялась индейку варить, меня ждать. Не зря потом свекровь в ней души не чаяла. И все другие свекрови своим невесткам бутаевскую дочь в пример ставили. Я тоже, поверь мне, друг Борис, ни на одну женщину никогда в жизни не оглянулся. — Тотрадз подмигнул товаришу: «Ну, как, мол, по-твоему, умею я разговаривать со своей хозяйкой?»

А Бутиан вспомнились молодые годы, и она расчувствовалась. Правда, чувств своих ничем не проявила, сказала только:

— И как это ты помнишь еще все подробности, старик!

Тотрадз сразу все понял. Он знал, что только в самом хоршем настроении жена может назвать его так: «старик!»

— Вот так-то, солнышко мое, Борис, — продолжал он еще более приподнято. — И дети Бутиан тоже немощью не страдают. Труд!.. Труд для здоровья и самочувствия важнее всего.

Борис стал жаловаться Бутиан, что никто не хочет идти доярками на новую ферму.

¹ Хадзар — помещение, где семья готовит пищу, обедает, отдыхает. Это слово употребляется и в более широком значении: дом, семья.

— Да, если бы не мои дети, — говорила, расчувствовавшись, старая, — разве бы сидела я дома? Да я бы первая туда пошла.

Азау слушала разговор старших. И сказала вдруг, обращаясь к матери:

— Нана, а ты знаешь, теперь есть новый закон о тех, кто хочет поступить в институт. Кто работает в колхозе или на заводе, того принимают прежде всего.

— А почему тебя не приняли? Ведь ты уже несколько лет работаешь в колхозе?

— Надо не так, как я работала, а постоянно. Например, на ферме.

Бутиан вспомнила, что говорила ей Мария. «На девушку, которая туда пойдет, махни рукой». И сразу же выпалила:

— Нет, нет! Об этом и не заикайся! И пусть никто не заикается.

Тотрадз чувствовал, что сердце Бутиан всем сегодняшним разговором смягчено. Но все же надо еще поуговаривать ее.

— Бутаевская дочь, — заговорил он без всякой усмешки в голосе, без улыбки на лице, — ты обычно опасалась, чтобы твои дети не выросли лодырями, не умеющими согнуть спины. Что же теперь ты сама тянешь их назад? Это все равно, что упитанного скакуна не выпускать никуда со двора. Ведь ты, бывало, сама, зная, что твой муж партийный, с ранней весны и до поздней осени не приезжала с поля домой... А теперь... Азаухан хочет пойти дояркой. Ну, давай отпустим ее. Она не будет одинокой. Вот и Тамара идет. И Таурзат по-прежнему будет там. И Борис присмотрит. Ты почему-то во всем уже разуверилась. А народ зашевелился. Через несколько лет, я в это верю, колхоз «Красный Кавказ» и узнать будет нельзя.

— Да, да, как же! Дети вытянут его из ямы! Да у них из-под носа расташат и те крохи, что еще остались.

— Бутиан, запомни и мое слово, — сказал Борис. — Кое-кто уехал в город. Но они снова потянутся обратно, сюда, к чистому воздуху, к обильным полям, к богатым доходам.

— Да, мое солнышко, Борис! Да! — Бутиан качала головой.

— Уверяю тебя, опора моего дома, — говорил Тотрадз; с нежностью глядя в сухое морщинистое лицо жены. — Будешь ты ездить на своей «Победе», а водить машину

будет Азау. Свезет она нас, скажем, в город. И мы там, под руку, будем разгуливать по главной улице... По театрам да по кино пройдемся...

— Как же, как же!.. Меня там, колченогой, только и не хватало.

— Ты не огорчайся, старая. Те, что живут в городе, не лучше нас.

Сердце Бутиан все более и более смягчалось. «Если Тамара тоже идет дояркой, то вместе им будет легче. Поберегут друг друга...» Но сдаваться совсем она не хотела.

— Смотрите, — сказала будто бы недовольно. — Сами не маленькие да не глупенькие. Решайте.

И с этими словами вышла из комнаты, бросив взгляд на Азау исподлобья: «Сколько пришлось из-за тебя переволноваться матери!»

Тотрадз с облегчением вздохнул и подумал, что ему и Борису теперь с другими людьми говорить будет легче.

* 17 *

До тех пор пока председателем колхоза работал Каламурза, Циусур был всем доволен: каждый месяц в кассе отсчитывали ему хорошую пачку «хрустящих», кладовщик вовремя извещал, что появилась жирная баранина, отпуская пшеницу, не взвешивал и не огорчался, что путает закрома: насыпал Циусуру отборной семенной. Циусур не воровал. О, нет! Заниматься грязными делами, волочиться за женщинами он считал недостойным порядочного мужчины.

Но он любил, опять же, как всякий порядочный мужчина, жить широко. Бухгалтерское место ему нравилось, он его ценил. «Иные в поле и в жару, и в стужу, — рассуждал он, — а здесь и зимой — тепло и летом — прохладно. Сиди, подшивай бумажки, постукивай себе па счетах. С кого что причитается — удержи, кому что полагается — выпиши! Сам всегда сыт, одет. Свое берешь сполна, можно еще и с добавочкой... в меру».

Много лет он на этой работе, но никогда и ни в чем его не упрекнули. Кто и сколько должен колхозу, сам колхоз перед кем в долг, сколько скота и хлеба в наличии, сколько сдано или продано — все, что когда-либо попало к нему на учет, в толстых папках Циусура отмечено документом.

— Я ничего не знаю о том, кто какими прёделками занимается, кто что ворует. Я не сторож, я бухгалтер, — ответил он однажды Тотрадзу, когда тот сказал ему, что колхозное добро расхищается и неплохо бы контрольный учет поставить пожестче.

С народом Циусур вежлив, каждого называет «мое солнышко». Двадцатый год на одном и том же месте, в одном и том же колхозе! Сколько председателей сменилось за это время в «Красном Кавказе»! В тот самый день, когда председательский кабинет занял Азамат, Циусур достал из кармана маленький блокнот с пожелевшими листками и пониже фамилии Каламурзы написал: «11. Тутров Азамат».

Много времени прошло с того дня, а Циусур все еще не раскусил своего нового хицау¹. И это обстоятельство его беспокоит. Особенно непонятны ему отношения между председателем и Каламурзой. Верить Каламурзе, так они живут словно братья. И действительно, когда колхозу требуется что-нибудь добыть или купить, то Азамат говорит обычно: «Давай пошлем Каламурзу». Как тут не верить, что они действительно друзья! Но бывает и поиному. Если Азамат говорит, например, с бухгалтером и Каламурза вдруг вмешается, лицо Азамата мрачнеет, и он, плохо скрывая негодование, говорит: «Помолчи... Помолчи!»

А иногда Каламурза даже прибегает к помощи бухгалтера, чтобы добиться чего-либо у председателя. Так получилось и теперь.

Дело в том, что вынесли решение купить племенных коров. И если бы их покупали в других колхозах или у государства, то, наверное, Каламурзу не привлекло бы это дело. Но коров можно было закупить лишь у частников и где-то далеко. У Каламурзы сапоги поистерлись: зачастил к Циусуру. Однажды он намекнул бухгалтеру:

— Купить коров — это не тост за столом провозгласить.

— Что верно, то верно. Но мне-то тут о чем болеть? Мое дело: принять правильно оформленные документы.

— Если какой ротозей не оформит все правильно, то и тебя укорять будут.

— Может быть, намекнуть Азамату о тебе? — сказал Циусур, поняв желание своего друга. — Ты хозяин-стенник опытный. Лучшего разве сыскать?

¹ Хицау — начальник, хозяин.

Вообще-то Циусур недолюбливал Қаламурзу: рискованные он производил расходы, когда председательствовал, и не вовремя оформлял все документы. Постоянно золочился за бабами. Правда, надо быть справедливым: когда собиралась «шестерка», то Циусура никогда не забывали пригласить. Ну и колхозную кладовую перед ним не закрывали.

Решил Циусур помочь приятелю. Они зашли к Азамату. Бухгалтер встал по привычке перед столом. Сказал:

— Из банка звонили, что деньги на покупку скота нам выделены.

— Ты уж докладывал мне об этом, — не поднимая головы, ответил председатель.

Қаламурза, устроившийся по обыкновению в сторонке, на диване, подал голос:

— А чего мы тянем? Или какого-нибудь святого дня ждем?

Азамат и сам понимал, что здесь они тоже запаздывают. Об этом уже был разговор с парторгом. Борис предложил тогда послать Тотрадза. Поэтому и сейчас Азамат спросил:

— Так что, пошлем Тотрадза?

Қаламурза рассмеялся:

— Тотрадза? Он купит! Будет копейки пересчитывать и пригонит яловых.

— Не справится, — качнув ястребиной головой, подтвердил и Циусур.

— Бориса надо, — предложил Қаламурза.

— Опять ты болтовней занялся! — оборвал его Азамат.

Қаламурза знал, что Борис уехал на экзаменационную сессию в институт, вернется лишь через месяц. Но даже если бы он был здесь, Азамат ни за что не согласился бы доверить ему такое дело. Не любил Азамат Бориса и не верил ему.

— Кто-то, говорят, водил на веревке медведя, а сам искал его след, — сказал Циусур. — Зачем где-то, кого-то искать. Вот человек, лучшего нам не найти, — указал на Қаламурзу.

— Я и сам так думал, — ответил Азамат.

— Нет, нет... Но если это очень нужно, то... Клянусь отцом и матерью... — начал Қаламурза.

— Ладно... Решено, — твердо сказал председатель. — Выбери себе кого-нибудь в помощники.

Каламурза из правления колхоза отправился домой, сказал жене, чтобы собирала его в дорогу... Зашел к Мике и засиделся у него. А потом... очутился у Марии. До поздних петухов пробыл там. На этот раз она не ворчала на него и, как это частенько в последнее время случалось, не отправила его раньше времени домой.

— Без меня они как без рук, — похвалялся он, среди ночи опять усаживаясь за стол. — Завтра беру с собой деньги, еду. Куплю. Продам. Опять куплю... Что привезти тебе, бусинка души моей? Не дешеви! Заказывай!

---

* 18 *

— Хи-хи-хи! — Марию как будто щекотал какой-то чертик. — Хи-хи-хи! Самого себя! Только самого себя! — поцеловав Каламурзу в толстые губы и засмеявшись, она опять упала на кровать.

В полуденный час кто-то постучался в ворота Марии, и до нее донесся голос:

— Судьбу предскажу. Что ждет, расскажу. Кому счастье, кому нет — ничего не скрываю...

Мария открыла ворота, и во двор вошла пожилая цыганка. Босая, полы пестрого длинного грязного платья заткнуты за пояс, на смуглые щеки ниспадают угольно-черные космы.

— Ах, красавица! Какая ты счастливая! Дай-ка руку. Где только такая красавица выросла! Такой женщины даже в нашем племени нет! — говорила цыганка. Взяв руку Марии, повернув ее ладошкой вверх, она еще более восхитилась. — Какая счастливая! Твое счастье в твоих руках. Ах, какой большой начальник казенного дома интересуется тобой!..

Долго потом Мария размышляла: кто же он этот человек?.. Сослан? «Конечно же, Сослан! И чего я тогда жду?..» Она тотчас же стала собираться в дорогу. «Зайду под предлогом, что ищу работу, — решила она. — Зайду. Разговоры. То... се... Приглашу его к себе. Почему бы ему не согласиться! Он же не ребенок. А всесветные красавицы его порога тоже не обивают: не так уж он собой виден».

Она не застала Сослана на работе. Ей сказали, что он уехал по колхозам и если вернется, то поздно вечером.

Она возвращалась назад пешком, проклиная цыганку и свою несчастную судьбу.

«Не было среди подружек-сверстниц девушки, чтобы не завидовала моей красоте, — думала она. — А теперь все они жизнь свою устроили. Институты окончили. Ученых мужей заимели. Только я осталась недоучкой, безработная любовница колхозного животновода. А разве я была глупее других? Разве я не могу и сейчас еще составить пару настоящему мужчине?.. Ой, горе мое! Кому я теперь нужна, покинутая своим немощным мужем, со взрослой дочерью, с клеймом любовницы этого красногородского жеребца...»

Уже стемнело, когда она подошла к окраине родного села. От усталости подкашивались ноги. Вдруг до ее слуха донесся шелест колес: приближалась легковая машина.

«О покровитель мужчин¹, сделай так, чтобы в машине оказался Сослан», — взмолилась Мария и подняла руку. Машина остановилась, и дверцу открыл... Сослан.

— Садись, подвезу, — сказал он, хотя и удивился тому, что она в такой поздний час одна, за околицей, но спросить почему, постыдился.

Когда Мария села рядом (Сослан был один в машине), он стал расспрашивать ее о жизни. О том, как учится дочь. Не выдала ли она ее замуж?

— Что вы! Как можно! Ребенок. Совсем еще ребенок. Но спасибо, что вспомнили о ней. А я недавно очень хотела, чтобы вы побывали на дне ее рождения, чтобы сделали этот день для нас светлым и радостным, но вы не снизошли... Одинокая бедная женщина, кому она нужна. Изредка кто-нибудь из близких родственников, вроде нашего животновода Каламурзы, заглянет проведать на одну минуту. Но, по правде сказать, я терпеть не могу родственников своего бывшего мужа. Сроду бы не видеть их. А вы нас не удостаиваете вниманием, вам не до нас...

— Не всегда бывает свободное время...

— Проведайте нас... Клянусь матерью... Уверяю вас... Хотя... Чего ждать? Сегодня... — и она краем глаза посмотрела на Сослана. Он уверенно держал руль, будто всю жизнь работал шофером. — Почему сами машину водите? Разве мало забот и без этого? — участливо говорила она.

¹ Имени покровителя мужчин, воинов и путников, мифологического небожителя Уастырджи, женщинам произносить не полагалось.

Сослан не расположен был разговаривать. Встретив Марию, он почему-то сразу подумал о себе.

«Жизнь моя совсем запуталась. Даже жениться не могу... И не напрасно ли я строю башни из снега? Получится ли что-нибудь у нас с Зиной?..»

Мария притронулась к руке Сослана.

— Приехали. Я сейчас открою ворота. Ты обязательно должен зайти.

— Спасибо. Но я очень занят. В райкоме еще ждут дела.

— Я тоже ждала вас... В райкоме. Я ведь специально к вам ходила... По важному делу,— Мария выпрыгнула из машины. Ворота открылись. Сослан завернул машину во двор, тут же подумав, что не совсем удобно в такой поздний час заходить к одинокой женщине и что могут сказать... Но плохого за собою он ничего не чувствовал и махнул рукой: «Бог с ними, кто там, что подумает да скажет!»

---

* 19 *

Мария ходила пьяная от счастья. Ей все казалось, что теперь все ее дела уложены и вот сегодня опять к воротам подкатит бордовая «Победа», выйдет хозяин района и скажет: «Не могу больше без тебя. Не могу...»

Но «Победы» не было. Ни сегодня, ни завтра... Тогда Мария сходила в райком. Но Сослана там не застала... И опять она ждала, опять надеялась. Она не верила, что ее чары, которыми в тот вечер она, кажется, покорила Сослана, не заставят его снова появиться здесь и сказать: «Не могу без тебя». Но не появлялся он. И тогда вспомнилось Марии, как он ушел. Вдруг, будто очнувшись, придя в себя, оттолкнул ее. Через несколько минут машина умчалась — красные ворота остались распахнутыми...

Одеваясь, Сослан выронил письмо. «Здравствуй, мой дорогой друг Сослан!»

«Друг! — думала теперь со злобой Мария.— Знаю я такую дружбу!»

«Желающая тебе счастья Зина».

«Он, может быть, сидит сейчас рядышком с этой же-лающей! Что ему стоит на машине съездить».

Мария порвала письмо.

«Горе на ваши головы! Вырву у вас из глотки счастье. Вырву...»

Ярость одолевала ее, множество планов мщения возникало ежеминутно, и, остыв немного, она подобрала клочки конверта, списала обратный адрес, принесла чистый бумажный листок.

«Зина! В этом письме я не назову тебе свое имя. У нас мало найдется таких, кто бы не знал тебя. И я очень рада, что в Осетии есть такая девушка, подобная тебе. Но, к сожалению, к хорошим девушкам нередко сватаются недостойные. Один негодяй хочет обмануть и тебя. Я имею в виду...»

Чего только она о нем не писала!.. «А в Дубравах у него есть женщина, по имени Мария. Ее зовут еще Краса земли. Частенько он к ней наведывается! И хотя всегда поздно ночью, но глаза народа все видят... Подлец!»

Много ядовитого, наверное, она еще бы написала, да вдруг ворота кто-то постучался. У нее сердце екнуло. А может, это Сослан? «Может, услышал снова бог мои молитвы?»

— Гости! Гости идут к тебе, наша невестка. Принимай!

«Чтоб тебе забыть сюда дорогу! — чуть не воскликнула Мария, узнав Қаламурзу. — И кого еще привел этот бульдог?»

Из темноты (а было уже очень поздно) появилась круглая, довольная, как у сытого старого кота, физиономия мельника.

Стол еще не был накрыт, опорожнили только лишь графин пива, а уже разговорились, расшумелись. У Қаламурзы вид человека, одержавшего победу в ожесточенном бою. Ему хотелось рассказать! Да только ли рассказать! Мика тоже стал и не в меру подвижен и сегодня чаще обычного норовил прикоснуться к пухленькой ручке хозяйки, к щечке, пялил глаза на заманчивую ложбинку на слишком уж вольно открытой груди.

— Ну, как ваша поездка? — щебетала Мария между делом. — Привезли коров Тутрову?

Выпили араки, и Қаламурза вдруг вытащил из кармана синюю с золотым тиснением коробочку.

— Вот, невестка, — довольно поблескивая глазами, проговорил он, — высипал я твои деньги в воду. Может быть, они не те, что ты заказывала... — он открыл коробочку, и Мария увидела маленькие продолговатые ча-сы, ослепительно блестевшие на бархате.

Мика был поражен. «Я-то, старый дурак,— ругал он себя,— заявился к Красе земли с пустыми руками. Да еще щечку лезу погладить». Он сунул руку в карман, но достал ее не сразу.

— Вот,— сказал, поглаживая свободной рукой усы, а другой поднимая над столом хрустящие бумажки.— Купи дочке платье. От моего имени. Пусть знает щедрость Мики.

— Зачем ты расходуешься! — запротестовала было Мария, но деньги быстро исчезли.

«Ах ты старая лиса! — подумал Каламурза, посмотрев зло на мельника.— Значит, где-то меня надул! Надо же, а!.. На платье дочки. Знает слабости женского сердца».

И он вдруг выхватил из кармана довольно тугую, тяжелую пачку, постучал ею о стол.

— Мы с Микой немного подработали,— сказал он, не глядя на ошарашенного старика.— Хотели бы сдать тебе на хранение. Тебя мы считаем человеком, которому можно доверять...

— Да, да,— закивал и Мика, почувствовав на себе тяжелый, пронизывающий взгляд Каламурзы.— Да, да. Всесветная красавица. Да. Оставь у себя на хранении.

А сам думал: «Ну и волк! Ну и волк! Сколько же он, интересно, себе оставил? И вообще, сколько он коров задрал? Это же, наверное, целой волчьей стае на год мяса бы хватило!»

---

* 20 *

Раньше была здесь ивовая роща, и только. Теперь стоят два длинных коровника: крыши под шифером, стены, побеленные известкой, окна блестят свежим стеклом. Немного поодаль — невысокое здание: общежитие. Двор перед ним даже зимой чернеет как поле: многими ногами утрамбована здесь земля. Но даже и на этом «поле» выделяются глубокие, как канавы, колеи дороги: откуда только не приезжают на колхозную ферму многочисленные делегации и начальство всяких степеней и рангов. Посмотреть, перенять опыт.

Одну из комнат общежития занимают Таурзат, Тамара и Азау. В комнате три грубо сколоченных топчана с невзрачными постелями. На стене — дешевая картина.

Пруд, на берегу сидит девушка, смотрит на летящего голубя, который держит в клюве письмо.

Таурзат, подоив коров раньше обычного, пошла в село проводить детей. А Тамаре пришлось успокаивать Азау, которая вдруг расплакалась.

— Противный! — ругала Азау Каламурзу, заведовавшего фермой. — Все время на меня исподлобья смотрят! Собакевич! Нет, хуже Собакевича! У меня руки болят, притронутся ни до чего нельзя. Погляди вот, — Азау показала Тамаре свои маленькие руки, на которых кое-где уже начала растрескиваться кожа. — Ты, говорит, не работаешь. Твое молоко, говорит, навозом воняет. — Азау закрыла лицо руками и зарыдала. — Как будто нарочно делаю или мне очень много платят! Все обещают, завтраками кормят.

Вот посмотри, как я одета, стыдно людям на глаза показаться. Платье совсем износилось. А дома тоже, ты же знаешь? И платьев — раз-два, и обчелся. И обуви нету. Вот посмотри, — она показала старые растоптанные туфли на резиновой подошве; верх у одной из них был порван.

— Тебя сейчас не Каламурза расстраивает, — сказала Тамара. — Это у тебя такое... Тебе кто-нибудь нравится? Начинает биться сердце, когда его вдруг увидишь?..

Подруга примолкла и не отвечала.

— Знаю, знаю, — Тамара говорила все это тихо, немножечко с грустью, как старшая сестра. — Знаю... Нравится. Вон, кажется, он как раз едет.

Бимболат уехал еще утром за дровами для фермы и вот только сейчас возвращался.

— Знаю...

— Ничего ты не знаешь, — Азау вскочила смущенная и, хотя еще не время было доить коров, стала спешно собираться.

В коровник она пришла раньше всех. Большая красная корова встретила ее жалобным мычанием.

— Ганга, — взволнованно произнесла Азау; корова потянулась к ней. Девушка подставила свою маленькую руку, и корова шершавым языком лизнула ее. — Ганга, а Ганга, — повторила Азау и ласково потрепала ее. — Ну как ты поживаешь у меня, Ганга? Ты еще больная? Это я виновата, я! Откуда я знала, что с тобой нужны такие нежности...

Перед отелом Ганге нужно было очень хорошо маскировать вымя, отдаивать молозиво долго и неторопливо, Азау этого не делала. Сегодня одна из старших доярок пришла в столовую завтракать очень поздно. Девушки, как и все другие, сидели за столом. Доярка сказала громко, чтобы все слышали: «Если бы наши комсомолки работали, как есть умеют, купаться бы нам в молоке. А у нас лучшие коровы молоко присушили».

Каламурза исподлобья посмотрел на подружек. Азау тогда показалось, что он смотрит только на нее...

— Нет, нет, я все равно не брошу работу. Тебя не брошу, Ганга...

Азау прислушалась: за стеною с брички падали на землю дрова. Кто-то сильный кидал их, тяжелые, гулкие.

— Не брошу... Чтоб и баппу¹ за меня не было стыдно...

Она придвинула низенькую скамеечку к Ганге, присела, потрогала вымя, казавшееся тугим и тяжелым, словно наполненным мокрым песком.

---

* 21 *

...Как-то, когда доярки закончили утренние хлопоты, Каламурза вызвал к себе Тамару. Когда она вошла, он встал и протянул ей руку.

— Ну здравствуй, здравствуй! Присядь ненадолго.

— Спасибо, я постою, — ответила она, удивляясь и этому неожиданному вызову, и еще более непривычной приветливости Каламурзы. Дзенаго она увидела не сразу. Тот сидел возле печки в углу.

— Поверь, Тамара, немало я видел боевых девушек, — говорил Каламурза, — но такой, как ты, еще не встречал. Я всегда готов пойти тебе навстречу, в чем только смогу. Ты смело заходи ко мне, — и Каламурза опустил руку на ее плечо; девушка со степенным спокойствием отступила назад, рука Каламурзы упала. — Тамара, мое солнышко, вероятно, ты понимаешь меня... Бедняга парень сохнет от дум... Советовать кому-нибудь, навязывать свое мнение трудно. Но я все же скажу тебе: такого благородного парня больше не найдешь. А такой

---

¹ Баппу — отец.

женщины, как его мать, в нашем селении нет. Он вырос сиротой, как и ты, ни в чем тебя неволить не будет.

— Я не понимаю, о чём вы говорите...

— Ха-ха-ха! Ты еще девочка. Совсем девочка!.. Я хочу замуж тебя выдать... За Дзенаго.

— Ничего больше не скажете? — И она, хлопнув дверью, вышла.

— Я знал, что так получится, — проговорил Дзенаго.

— Ничего, это она сначала так, — успокоил его Каламурза. — Потом подумает, поутихнет. А тебе... Тебе не надо сидеть сложа руки.

Спустя несколько дней Каламурза и Дзенаго ехали в селение на бедарке. Упитанная кобылица не слушалась возчика. Каламурза, выхватив кнут из рук Дзенаго, исполосовал бока лошади.

— Если на лошадь и на женщину не замахиваться, — проговорил он, отдуваясь, — то и у той, и у другой сразу хвост столбом. Запомни это.

Дзенаго, улыбаясь, возразил:

— Это давно когда-то так говорили.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Каламурза, да так громко, что вздрогнула лошадь. — А по-твоему, время их переделало?.. Наивный мальчик! Они остались такими же, какими создала их природа. Ничего другого из них не получится... Ха-ха-ха!

Они спешили в селение: мать Дзенаго в этот день посыпала сватов в дом Таурзат. Дзенаго выглядел радостным. Разнесся слух (матери Дзенаго сообщила об этом Мария), что Тамара не дала согласия Габуевым. Будто бы не захотела слишком уж сварливой свекрови. И что лучше, мол, выйти замуж за такого же сироту, как сама она.

...Сватами в дом Таурзат пришли Мика и Каламурза. Дед Тамары кому-то из фамилии Слоновых приходился племянником, и на этом основании Мика уверенным тоном заговорил:

— В доме племянника чувствовать себя гостем не подбывает. Но осетинские обычай заставляют иногда и отца прислужить своему сыну. И вот, дорогие мои родственники, Дзенаго и их фамилия хотели бы породниться с вами...

Таурзат, сообразно обычаю, спокойно стояла и слушала пространные речи Мики. А Мика, как самый старший здесь, говорил:

— Мы могли бы и сами сейчас решить это дело, но надо и с другими близкими родственниками посоветоваться.

— Ты сущую правду высказал, клянусь отцом и матерью, — поддержал его Каламурза, который пришел сюда с неохотой. Мы и сами могли бы...

— Прямой серьезный ответ лучше уклончивых разговоров. Девушка сама, вероятно, лучше ответит, — сказала мать Тамары.

— Но мы ведь не у нее спрашиваем, — возмутился Мика. — Она еще ребенок. Тем более женщина. Клянусь богом...

— Раньше говорили, что у женщины волос длинен, а ум короток. Но теперешняя молодежь сама тоже умеет устраивать свою жизнь, — ответила Таурзат и позвала Тамару.

Смущенная девушка стояла в углу. Мать коротко объяснила ей, зачем пришли гости. Девушка молчала. Лицо ее все более и более бледнело. Потом она подняла голову:

— Об этом в нашем доме никакого разговора не должно быть.

Мика и не предполагал услышать такие кощунственные слова. Схватив с подоконника шапку, нахлобучив ее на голову, он кинулся было к двери, но тут же вернулся, сел, бросил шапку на край стола.

— Клянусь вот этим каракулем, клянусь вот этим хлебом-солью, меня еще никто никогда так не унижал! Чтобы Мика Слонов вошел в осетинский дом и ему не оказали уважения, этого еще никогда не случалось, Таурзат! — и он прикрыл лицо руками, будто говоря: «Как мне совестно! Как тяжело!» — Но я прощаю вам, что поделаешь! — голос его звучал скорбно. — Женщинам надо прощать — они не понимают, что говорят...

— Мужчин у нас нет, а то бы они дали вам более достойный ответ.

— Таурзат, мое солнышко, в доме ты старшая, посоветуйся с родственниками, — проглотив обиду, говорил Мика.

— Другого ответа у нас не будет, — не утерпела Тамара.

— Я для этой семьи не посторонний, родственник ваш, — начал Мика, обратив осуждающие глаза на девушку. — И все-таки...

— Извини, Мика, но если ты наш родственник, то как же ни разу не зашел проводить сирот, оставшихся после гибели племянника? — уколола его Таурзат.

— Значит, лучшего ответа мы не достойны? — Каламурза поднялся, всем своим видом показывая, что и он глубоко оскорблена.

— Чего вы достойны, это вы сами лучше знаете...

— Ради бога, подумай о родственных отношениях наших фамилий. Кто-нибудь еще зайдет к вам, — на этом Мика закончил разговор.

* 22 *

Каждый раз, когда Сослан приезжает на ферму «Красного Кавказа», его охватывают противоречивые чувства. Какое-то глухое недовольство и раздражение. А вместе с тем... Кирпичные стены, белый шифер. Внутри помещений — упитанные коровы красно-степной породы и черные, как смоль, «швицы». О ферме пишут в газетах, говорят по радио. И каждый раз, приехав сюда, он ловит себя на том, что увлекается мечтой. Ему представляется картина: огромное стадо крупных коров. Еще два просторных коровника рядом вот с этими. Молочная река...

«Азамат упрям, но уж если на что направит свой лоб, стены прошибает. А Каламурза?.. Из председателей его прогнали — это правильно. А здесь он оказался на месте? Кажется, он тут неплохо разворачивается... Нет, все-таки, наверное, это про таких, как Каламурза, говорят: «Чужая душа — потемки».

Сослана, очевидно, заметили из общежития, и оттуда вышли Борис с Каламурзой. Немного погодя показался и Азамат. Как всегда, все вместе прошлись по коровникам.

— Что же тянете с автопоилками? — спросил Сослан, осматривая просторное помещение. — И с вентиляцией тоже...

— Пока об этом только спорим, — сказал Каламурза, глядя прямо в лицо секретаря райкома.

— То есть?

— Развелось у нас слишком много расчетливых хозяев, — промолвил Азамат. — Все считать научились. Все понимают, где синица в руках, а где журавль в небе.

— Зачем, говорят, зря деньги тратить на автопоилки, если река рядом, — уточнил Каламурза. — Прогуляются, мол, коровы к реке.

— Невежество, — махнул рукой Сослан. — Не обращайте внимания на такие разговоры. Доводите дело до конца. И скорее вводите электродоение.

Он подошел к одной из коров и погладил ее по жирной спине. Смирная корова даже хвостом не пошевелила.

— Полы надо держать в чистоте... На коровах не должно быть и следов грязи.

Парторг колхоза Борис уважал Сослана за его справедливость и умение слушать других. И всегда с открытой душой принимал его советы и распоряжения. Но в последнее время все чаще и чаще Борис стал замечать, что некоторые поступки секретаря райкома и его слова вызывают в нем не только удивление, но и раздражение. Почему, например, Сослан, приехав на ферму, направляется в коровники, минуя общежитие. «Все видит, обо всем расспрашивает, а держит себя так, словно не замечает, что оплата труда колхозников не налажена».

— Автопоилки вещь хорошая, но о людях тоже надо подумать, — сказал Борис. — Мы пока не в состоянии все покупать. Эти хоромы для скота и так много нам стоили.

— От дешевого мяса супа не жди, — возразил Сослан старинной поговоркой.

— Расчетливый хозяин свои копейки не израсходует на одно лишь жирное мясо. И на хлеб оставит.

Слова эти Сослану понравились, в душе он был согласен с Борисом, но, может быть, именно поэтому, когда опять отвечал секретарю колхозной парторганизации, голос его зазвучал суще и жестче обычного:

— О ваших коровниках говорит вся республика. Учиться к вам ездят. Это тоже надо принимать в расчет.

Пошли в общежитие. Работники фермы обедали в просторной столовой. Увидев гостей, поднялись.

— Сидите, пожалуйста, сидите, — сказал Сослан. Он присел на краешек скамьи, рядом с Азау.

— Ну-ка, подай гостям по чашке. Такой еды они, должно быть, и во сне не видели, — это Таурзат сказала поварихе, а сама принялась мыть освободившуюся алюминиевую посуду. — Не хватает у нас ложек-плоскек, — продолжала она. — По очереди едим, так что не обижайтесь...

Сослан молча смотрел на Таурзат. Вспомнилось ему, как он видел первый раз эту женщину на старой ферме, у Лещинистого перевала, когда еще был жив старый Долат. Казалось, что она с тех пор помолодела. В каждом движении уверенность, энергия. На ней поношенное, но свежее после стирки темно-синее платье, передник белого полотна, на голове новая цветастая косынка.

Перед гостем поставили чашку с супом, теплый, недавней выпечки хлеб. Потом — молодой картофель, молоко.

Сослан поел с аппетитом. Поблагодарив хозяев, посмотрел на Азау и спросил вдруг:

— Ну что ты за девушка? Расскажи...

Та смущилась и опустила голову, глаза ее спрятались под длинными ресницами.

— Не умеешь говорить?

— Умею.

— Тогда хотя бы скажи, а что за девушка Тамара?

— Она... Лучше ее никого нет!

Так ребенок хвалит свою куклу, и потому ответ Азау вызвал веселый смех... Тамара, сидевшая рядом, незаметно ушипнула подружку.

Не смеялся только Дзенаго. Он стоял, прислонившись к стене, и хотя его внимание тоже привлекал гость из района, он больше смотрел на Тамару. В последнее время его сердце не знает покоя. Все ему видятся ее милые, чуть прищуренные глаза, пышные волосы, мягкая, ласковая улыбка. Ему кажется, что Тамара уже так не сердится. Она иногда заговаривает с ним, даже улыбается. И тогда кажется парню, что солнце сияет для него вовсю!

А за столом завязался разговор. Сослан говорил как будто бы только для Азау:

— Недавно мы были в Моздоке. Там я видел очень похожую на тебя девушку. Она за месяц надаивает от каждой коровы более чем по триста килограммов. Ее коровы не лучше ваших. И сама она... Сама нисколько не сильнее тебя. А удои, как видишь, в два раза больше...

— Да будем мы жертвами за тебя, условия у нас плохие, условия, — произнесла Таурзат.

— Условия мы сами создаем. Все от нас зависит.

— Прости, я перебиваю тебя, — сказала опять Таурзат. — Какое же молоко от наших коров? Чем мы их кормим? Все время говорили о барде, но ее не возят. Да и

платить нужно лучше. Почему нам в пример ставят других колхозников? Они больше в своих домах бывают. А мы... Не ценят нашу работу по-настоящему.

Азамат с трудом сдерживался, чтобы не оборвать Таурзат, теперь он обратился к Сослану:

— Мы получили наряд в Министерстве сельского хозяйства, послезавтра начнем возить барду...

— Пора уж! Сколько времени говорили об этом, — Сослан нахмурился. — У вас есть возможность увеличить надои почти вдвое. Посчитайте-ка, какой доход за месяц, за год! Вот если бы каждая доярка приняла обязательство...

Азау в это время думала: «Говорят, он еще не женат. Интересно, на ком он женится? Должно быть, на учительнице? Нет, на враче... Бимболат тоже станет каким-нибудь начальником, когда получит образование... Увеличить вдвое... Нет, это слишком много!» — и она прищелкнула языком, да так громко, что все повернулись, посмотрели на нее!

— Моя сестренка, ты не согласна? — спросил Сослан.

Азау опять спрятала смущенные глаза, прошептала:

— Как Тамара скажет, так и я.

Тамара сидела озабоченной: «Много... Много... Надо подумать».

— Если хотите, чтобы ферма давала молоко, то давайте уточним оплату труда, — вступил в разговор Борис.

— Партия требует... — начал Азамат. Борис перебил его:

— Больше считаться с людьми. Да, да, с людьми! — Борис понимал, что совсем ни к чему этот спор здесь, на людях. Об этом нужно на партсобрании, в райкоме. Может быть, написать заявление в обком. Но он уже не мог остановить себя: раздражение, родившееся еще там, во дворе, когда Сослан этак, походя, не задумываясь, обвинил в невежестве тех, кто, может быть, больше других болел душою за дело, это раздражение все росло и росло. И вот теперь оно было уже таким, что унять его в себе Борис не мог.

— Партия требует от тех, кто это забыл, повернуться лицом к народу.

На какое-то время в столовой воцарилось молчание. На лицах Азамата и Каламурзы — негодование; Сослан нахмурился; молодежь насторожилась: что дальше будет?

— Борис верно говорит, — раздался опять четкий, резкий голос Таурзат. — Вот ты, Азамат, пришли-ка сюда из своего дома женщину, которая там расплылась от беззаботной жизни. Пусть она хоть одну недельку поработает здесь. А я посмотрю, сколько килограммов она надоит. Вы уж меня простите. Мать сирот, говорят, всегда остра на язык. Лучше, чем мой язык, у меня защитника нету. Не будет же Каламурза беспокоиться обо мне! У него всегда было немало таких, о ком ему надо беспокоиться.

— Женщине болтовня не к лицу! — обозлился Каламурза.

— Вам все к лицу: и болтать можно, и шляться. Да ходи куда тебе вздумается, хоть к лешему! Но пусть о нас тоже кто-нибудь побеспокоится! Зима наступает, моим сиротам опять замерзать? Я вот думаю уходить с фермы.

— Что ты, мое солнышко! Ты десятка мужчин стоишь, — подал голос ночной сторож, высокий сутулый старик.

— Ну, не надо, дзыцца¹, — со смущенным видом произнесла Тамара.

Мать прикрикнула на нее:

— А ты сиди и молчи! По-твоему, мы должны здесь мучиться? Пусть-ка из них кто-нибудь проработает, получая столько, сколько мы! Физиономия у того же Каламурзы сразу бы пообтянулась. Пусть больше думает о народе.

Сослан сидел расстроенный, озадаченный. В колхозе денег нет, нет и хлеба. Обещать он ничего не может. Что говорить? Но все-таки он начал:

— Критиковать, конечно, всегда легче. Но кто вам мешает оплачивать труд людей? — и посмотрел на Бориса. — Скажи, какая у тебя еще есть работа важнее, чем эта?

— Кто может ответить на эти вопросы лучше, чем секретарь райкома? Ведь вам известно даже то, какая из коров сколько раз воды напилась!

— Отговариваться легче, чем найти деньги для оплаты труда.

— Кто давал указание строить для скота хоромы из красного кирпича? Кто давал деньги, чтобы покупать

¹ Дзыцца — мама.

коров за тридевять земель по спекулятивным ценам? Вот те пусть найдут деньги и для оплаты труда...

— А мы строили и будем строить! — вмешался с решительным видом Каламурза.

Сослан махнул рукою в сторону Каламурзы: «Помолчи, мол». А сам, глядя на Бориса, отвечал горячо и сердито:

— А вы что, намеревались развернуть животноводство в хлевах, дырявых, как штаны батрака? В хлевах, где грязь по колено? В таких, в каких работал твой покойный отец? Или ты просто считаешь, что твои разговоры помогут теперь повысить удои? — он встал. Встали и другие. Секретарь райкома постоял молча. То хорошее настроение, с каким он сюда вошел, испортилось окончательно. Но он не имел права этого показывать. Сказать им, что завтра или уж непременно послезавтра наведут порядок в оплате труда, он тоже не мог. Помимо того, он был уверен, что придется строить и дальше новые фермы. Придется, пусть и втридорога, но покупать скот. Пусть куда-то за тридевять земель, но придется ездить за мутной водицей, называемой бардой.

И все-таки он был убежден, что не в бесконечно далеком завтра, но вот где-то тут, скоро, удастся уже ощутимо и резко изменить многое, что мешает жить и вселяет в человеческие души неуверенность и недовольство. Он был убежден, что как ни трудно, но все-таки и этот вопрос — устойчивая, достаточно высокая оплата труда — будет решен. Он улыбнулся и вдруг сказал:

— Небо не так часто поражает, как часто гремит. Не будем говорить друг с другом так резко. Потерпите, пожалуйста, еще немного. Вопрос об оплате труда тоже урегулируем. Уверяю вас...

---

* 23 *

В один из дней ранней весны Каламурза и Дзенаго опять разговорились о Тамаре.

— Ничего из этого дела не получится, Каламурза. Давай оставим ее, — говорил парень. Небритое лицо его выглядело усталым и грустным, бурые, успевшие выгореть на солнце и ветрах брови насуплены; Каламурзе он казался похожим на ежа.

— Молодой человек, осетин! В таких случаях надо спрашивать старших, они тебя научат, как разговари-

вать с непокорными девушкиами... В отношении Габуевых слух был верный: сватают они ее за Ладемыра. Коварные эти Габуевы, лицемерные... Я это тебе говорил и говорю... А с девками... Я знаю такую одну. Ни за кого не соглашалась замуж, голову задрав ходила. И вот один из молодых подкараулил ее, силой взял, побыл с нею... После этого полюбила, да еще как! Сама умоляла взять ее в жены! Порода их такая. Будь мужчиной! Эти красивые круглые щеки, упругие груди. Ты никогда не смотрел на ее бедра? Когда она проходит мимо меня, и я еле-еле сдерживаюсь. Она же вся, как огонь. Горит, пышет жаром,— Каламурза захочотал, хлопнул Дзенаго по плечу и вышел.

После этого дня Дзенаго ходил сам не свой. Похудел, стал нелюдим, рассеян. Однажды, занятый перевозкой силоса, так близко подогнал бричку к яме, что задние колеса уже повисли в воздухе. Смирные умные лошади крепко уперлись, а не то вместе с бричкой быть бы Дзенаго в яме.

Прошло несколько дней. Как-то, направляясь в обжежитие, Каламурза столкнулся с Тамарой. Она бежала к коровнику.

— Куда спешишь, лучшая из наших девушек?

— Корова у меня заболела, — на бегу отвечала Тамара.

Каламурза тотчас повернулся и пошел к складу кормов. Он только что видел там Дзенаго.

— Слушай, что случилось с ее коровой?

— О ком ты говоришь?

— Вот бестолковый! А мы еще женить его хотим. Сейчас она стрелой летела в сторону коровника... Говорят, у них с Габуевым на днях должна состояться помолвка. Докажи, что ты мужчина. Мать ее в селении. Но, помни, я тебя не видел...

Дзенаго быстро вышел из склада. Тучи сплошь заволокли небо. Вдали сверкала молния. Дзенаго так, чтобы его не было видно за складскими помещениями, побежал к коровнику. Как только он коснулся дверей, крупные капли проливного дождя забарабанили по крыше. Тяжело дыша, он заскочил в помещение. Девушку увидел сразу. Остановился поодаль.

— Тамара, — низким голосом произнес он и подошел к ней поближе. Он робел перед нею, не смел посмотреть ей прямо в глаза.

— В чем дело?

— Я... Я... Я к тебе пришел.

— Что ты хочешь?

— Я слышал, что замуж выходишь...

— Другого ничего ты не слышал?

— А мы собираемся к вам опять сватов посыпать.

Тамара глянула ему в лицо: на лбу бусинки пота, глаза часто моргают.

— Однажды уже сказала тебе: оставь меня в покое!

— Я... знаю... кого ты ждешь. Но этого не будет! — визгливо воскликнул он. — Убью! — (Слышался ему голос Каламурзы: «Молодой человек, осетин!» И чем громче был этот голос, тем злее, решительнее становился Дзенаго.)

Тамаре Дзенаго на этот раз показался более взрослым. Как будто стал шире в плечах и выше ростом. Лишь его небольшое круглое лицо было, как всегда, совсем мальчишеским. И только глаза необычно блестели. Выражение этих глаз Тамаре не понравилось.

— Ты что, с ума сошел? Хотя ты всегда...

— Что всегда? — не дал ей договорить Дзенаго и в упор посмотрел на нее. Он вспомнил, как они вместе ездили за кирпичом. Сидели тогда рядом, несколько раз руки их соприкасались, и тогда будто огонь загорался в его груди. И сейчас... На дворе гроза: земля и небо колят друг друга... «Как она смотрит на меня! Щеки у нее похожи на щеки Марии».

Дзенаго сдвинул брови, на скулах его заиграли желваки.

— Я знаю, тебе нравится Ладемыр. Я... убью, — сказал он опять, сделал к ней несколько шагов и ощущил на своем лице ее теплое дыхание. — Никому не отдам тебя!

— Ха-ха! — засмеялась Тамара. — Разве я в твое распоряжение попала? Убирайся! — и она схватилась за ведро.

Дзенаго вплотную подошел к ней. Ему казалось, что эта девушка для него сейчас — все.

Сдавленным голосом он проговорил:

— Никому!.. Никому... — а сам близко к носу Тамары поднес руку.

— Ты пьяна, что ли?! — воскликнула она, отталкивая его руку ведром. Колени у нее задрожали, она повернулась к дверям, подумав: «Как бы тут беды со мной не случилось».

Мозг парня буравом сверлили слова Каламурзы: «Возьмешь ее, побудешь с ней, и некуда будет ей деваться. Ее семья тоже встанет на твою сторону. Ты же знаешь осетинские обычай...» Он обхватил ее за талию. Тамара закричала, стала кулаком колотить его по голове. Он поднял ее на руки и понес в угол.

— Мама! Ой, мама! — кричала она, ногтями царапая лицо Дзенаго. — Негодяй! Подлец! Пусти меня!

— Нет, нет! Я тебя уже не отпущу! — тяжело дыша, говорил он. — Не отпуши...

Тамара уперлась руками ему в грудь, напрягла все силы и, оттолкнув его, освободилась... Но Дзенаго схватил ее за платье.

Она рванулась. Платье затрещало, большой лоскут остался у парня в руке. Дзенаго бросился к ней снова...

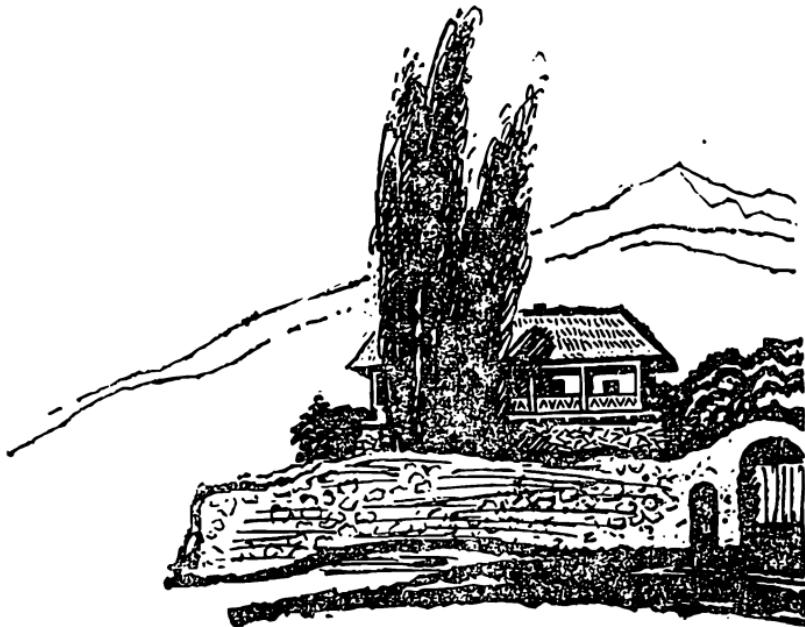
— Ладе... Ладемыр!.. Мама! — стала она кричать пронзительно. На какое-то мгновение смятение захлестнуло ее, потом вдруг молнией мелькнула в голове мысль: «Опозорилась. Позорные песни будут слагать обо мне! Нет, нет, лучше смерть!»

Гнев и опасность утраивают силы человека. Каким-то образом она опять освободилась из цепляющихся за нее рук. «Под ложечку бить нельзя — это опасно», — слышала она когда-то от матери. «Нельзя»... Сейчас, подавшись всем телом вперед, она изо всех сил ударила его ниже груди. Дзенаго охнул, скорчился, ухватился руками за живот. На выпущенных глазах его показались слезы. Он еще раз взглянул на нее, упал на колени и застонал.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

---

* 1 *

К Марии Дудиевой сегодня должны пожаловать важные гости. И когда багровый петух, хлопая сильными крыльями, пропел третий раз, Мария проворно поднялась с постели. Наскоро умывшись, принялась с помощью соседки, немолодой сухопарой женщины, убирать три просторные комнаты и галерею в нижней половине дома. До блеска натерла керосином свежевыкрашенные полы. Затем переоделась в коричневое шелковое платье, повязала белый передник, затянула косынкой·ослепительно черные, слегка вьющиеся волосы и взялась за разносолы.

Жила Мария одна: как-то года два тому назад она особенно крепко поссорилась со своим Дзандаром. Наутро муж собрал в чемодан самые нужные вещи и, не говоря лишних слов, укатил в далекую Бухару. Поначалу Мария не знала, радоваться такому обороту дела или горевать. Но, что бы там ни было, жизнь есть жизнь, и она заставляет человека искать выход из любого положения. И Мария поступила так, как считала разумным. Единственную дочь, одиннадцатилетнюю Залдузхан, она отправила в город к своим родителям. А сама...

* 1 *

На Дубравы обрушился ливень. Пенились ручьи, устремлялись друг к другу, клокоча, разбрасывая брызги, соединялись и неслись дальше менее говорливые и звонкие, но полные упругой тяжелой силы. Сотни речек, ручьев, потоков по ущельям и через поляны, омывая холмы, мчались вниз, вливались в Большую реку, и она, ненасытная и все более полневшая, все сильнее перекатывавшая тяжелые валуны, набирала бег, устремляясь к далекому морю.

Но вот дождь перестал. Засверкало весеннее солнце. На полях многоголосыми кузнецами застрекотали трактора. Острые лемеха вспарывали жирный чернозем; под жаркими лучами земля бродила бражными соками, размягчалась пуховой постелью...

После завтрака на краю пашни стояли Тотрадз и Борис. Старик достал из кармана телогрейки пачку папирос, подаренных Борисом, закурил и, пуская клубы сизого дыма, сказал:

— Зря потратился. Я же всю жизнь курю самосад. Эти для меня безвкусны. Слабые.

Покуривая, Тотрадз все посматривал то в сторону селения, то на пашню. Говорил негромко и, как всегда,

неторопливо. Но Борис понимал, что старый чем-то обеспокоен. Тотрадз заговорил:

— Не зря говорят в народе: «Утри нос старшему, но ума у него позаимствуй». Вот ты учишься на агронома. А все-таки... Как же ты понимаешь? Очень меня беспокоят эти новые семена. А вдруг они не для наших полей? Да еще новый метод посева...

Борис вытащил длинные руки из карманов плаща, потер ладони, подняв голову, посмотрел на небо и рассмеялся. Тотрадз бросил папироску, достал новую, не торопясь закурил, а затем спросил:

— Ты смотрел на небо. Почему?

— Я помолился за тебя. — Борис смеялся. — Пусть твои планы осуществляются. Но Азамат... Что скажет опять Азамат?

— Годы бегут, и все в жизни меняется, — произнес свою любимую фразу Тотрадз; он наблюдал сейчас, как под жарким солнцем густыми дымными клубами с земли поднимается пар, блекнет в мерцающем воздухе, исчезает бесследно.

— Эх, вот если бы вырастить на всей этой земле по сто центнеров с гектара! — Тотрадз провел ладонью по

отросшей седой щетине на скулах, взмахнул рукой. — Что бы ни было, но я не отступлюсь! — он посмотрел в сторону своего сына Ладемыра, возившегося неподалеку возле трактора. Повысил голос: — Что ты возишься, как жук в навозе! Не пора ли тебе на пашню? Пошевеливайся!..

— Ради бога, не обижай его. Он один работает за пятерых, — негромко сказал Борис.

— Медленно работает. Не хвалюсь, но в его возрасте я был куда проворней. Правда, после того как он сломал ногу, с него много и не спросишь, с бедняги... А тебе вот что скажу. Ладно, засеем часть пашни, как вы все предлагаете, квадратами. Посмотрим... Я, признаюсь, все равно не верю, что без тяпки можно что-нибудь путное от землицы получить.

— Можно, поверь. Можно... Так начинаем или ждем Азамата? Он просил, чтобы без него...

— Азамат... Азамат... — Тоградз даже немножко рассердился. — Нет уже прежнего Азамата. Недавно зашел к нему в кабинет. Смотрю — в руках веник. Как-то, видимо, притащил на сапогах грязь. Смутился, увидев ме-

ня. А я про себя думаю: «Это хорошо, хорошо, что ты утихомирился». Небось помнишь, Борис, каким он был одно время! Даже через плечо стал разговаривать.

— Да, кажется, не тот теперь уже Азамат. А все-таки разве забудешь, как он нас с тобой на бюро в грязь втаптывал... Тебе за антипартийность — выговор. Меня, как кляузника, на исправление к Каламурзе. И ни на кого никакого внимания. Сама недоступность!

— Что и говорить, были времена, — глаза Тотрадза сердито засверкали, но тут же стали прежними, задумчивыми. — А ведь когда-то Азамат был благороднейшим человеком. А потом, как вывернутая шуба. В новогоднюю ночь молодежь в такие шубы выряжается. Но жизнь всему старается вернуть свой настоящий вид. И шубу вновь выворачивает. От таких выкручиваний у нее верх становится атласным, мягким.

— Ха-ха-ха! — засмеялся Борис. — Это ты точно сказал: атласный верх... — А вон он и сам катит к нам... Вывернутая шуба.

Машина (колхоз недавно купил легковую) остановилась неподалеку, из нее, не торопясь, вышел Азамат. На нем был габардиновый китель защитного цвета, брюки галифе, сапоги. Серьезно, за руку, подчеркивая свою равность им, Азамат поздоровался с Тотрадзом и Борисом.

— Ну как? Еще не начинали?

— Ждем тебя, — ответил Тотрадз. Прошел к борозде, поднял с земли холщовый мешочек. Достал из него три маленьких уалибахта, бутылку араки, закупоренную бумагой пробкой.

— Бутиан прислала. — Тотрадз протянул бутылку Азамату.

— Спасибо, — покачал тот головой.

— Ну, тогда, дай бог, чтобы осуществились наши планы! Пусть будет у нас такая сила, чтобы не отставали мы от людей! — Тотрадз отпил из бутылки и снова протянул ее Азамату. Тот молча отошел в сторону. Тотрадз удивленно посмотрел на председателя. Когда тот в первый раз отказался принять бутылку, Тотрадз подумал, что он это сделал из вежливости. Теперь же, когда председатель отвернулся, старик разозлился, но ничего не сказал. Только подумал про себя: «Не зря наши предки говорили: сколько ни бежит осел плавной и походью, все равно когда-нибудь перейдет на грубою

рысь». Тотрадз теперь и Борису не предложил выпить. Зажав бутылку меж колен, сердито заткнул ее пробкой, бросил в мешочек, туда же покидал уалибахта, отнес мешочек в борозду и направился к сыну.

К этому времени трактор Ладемыра заработал. Тотрадз встал за сеялку. Двищались...

Первая полоса получалась неровной. Старик, стоя за сеялкой, все оглядывался назад, качал головой. Второй заезд вышел не лучше первого.

— Подожди, ради бога, — закричал он сыну. — Так вместо квадратов понаделаем треугольники.

— И чего только не придумали для этой кукурузы, будь она неладна, — ворчал Ладемыр.

Азамат спокойно наблюдал за сеяльщиками. Пожалел, что не принял из рук старика бутылки. Но из горлышка уже так давно не пил. И тем более после кого-то. Да и для чего нужно пить эту араку? Чтобы умилостивить бога? «Ничего, — успокоил он себя. — Правильно сделал, что отказался. Правильно, говоришь? — спросил вдруг другой голос... — Правильно? А кому нужна эта твоя правильность?»

Вспомнилось ему, как много лет назад он вот здесь же поругался с Тотрадзом.

Исполняя полученные указания, Азамат тогда дал распоряжение засеять поле озимой пшеницей. Тотрадз заспорил. Говорил, что здесь лучше всего растет кукуруза. И наоборот, пшеница любит другие участки. Как всегда, Тотрадз начал честить бюрократов. Сживают, мол, кукурузу со света. Поругались тогда очень крепко. Теперь Азамат вдруг почувствовал сожаление: старик был прав. И тогда, и... Ну, неприятная эта арака. Неприятно пить после кого-то из горлышка.

Трактор опять стоял. Отец ругался с сыном. Азамат сам не заметил, как подошел к ним.

— Когда-то я тоже, бывало, сиживал на тракторе. Быть может, сумею и теперь? Может, попробовать? Сиди-ка рядом на случай, если что напутаю, — и он, оттеснив Ладемыра, занял место тракториста.

Сильные руки вели трактор строго по линии. На втором заезде даже Тоградз повеселел. Вспомнилось ему, что Азамат водил свой трактор, как опытный всадник умного скакуна. И даже позднее, когда Азамат просто так «для души», как говоривал, садился в кабину, слушались его самые норовистые машины.

— Может, ты возьмешь меня опять в свое звено? — остановив трактор и смущенно выглядывая из кабины, смотрел Азамат на старика. Улыбался. Волнуясь и не понимая отчего, он освободил Ладемыру его место, спрыгнул на пашню.

Трактор удалялся. Азамат стоял, опять чувствуя приближение тревожных, путаных мыслей.

Последнее время всякая мелочь портит настроение. Он уже давно ощущает, что в жизни происходят большие изменения. Меняются некоторые представления, и это внушает какую-то неопределенность и даже непонятный страх. Чем чаще вспоминаются минувшие дни, чем яснее слышатся шаги будущего, тем сильнее вихрь этих непонятных, будоражащих, пугающих чувств.

Он снова взглянул на поле. Трактор шел ровно. И сердца Азамата словно коснулись теплые солнечные лучи, которые до этого его не достигали, нахлынула неожиданная радость, лицо посветлело... «Первый правильный след проложил я! Семена, мною посеванные, взойдут ровной густой порослью!..»

Он неожиданно почувствовал себя очень сильным. Захотелось сделать что-нибудь еще, показать себя. Но в чем, он не знал.

— Я пошел! — сказал он очень громко. Но те, кому он это сказал, ушли далеко и его не слышали. Никто не обернулся на его слова. И ему сразу захотелось быть одному. Никого не видеть, никому не смотреть в глаза. Он сел за руль машины, поехал.

Небо снова заволокло. Черные низкие тучи волнами шли из степи на скалы. И солнце, будто играя в прятки, то пропадало, то снова показывалось. «Могут начаться дожди», — подумал Азамат. Почему-то вспомни-

лись опять дни, когда он руководил целым районом, когда считался лучшим из лучших. И снова так же, как тень от тучи, проходившей над головой, легла на поле, так и на его утомленное лицо набежала грусть.

* 2 *

Весть о случившемся с Тамарой ветром долетела до селения. На ферме появился Азамат, с поля пришли Тотрадз и Борис. Оскорбленную девушку немного успокоили. А потом в кабинете заведующего фермой начался бурный разговор. Каламурза ходил из угла в угол, разводил руками:

— Клянусь отцом и матерью, тихонький Дзенаго прямо посмотреть на человека не осмелится. Как такое могло случиться, не понимаю... Не верится. Они были так дружны... Может быть... их дело открылось нечаянно?.. Хе-хе-хе!

— Никогда ни за что не поверю, что Тамара пойдет на позорное дело! — загорячился Тотрадз.

— Я так твердо ни за кого бы не поручился! — Каламурза уставился быком на Тотрадза.

— Ты не поручился бы, потому что ты — Каламурза! А она не из таких, на кого ты намекаешь!

Каламурза, широко расставил ноги, сжал кулаки — словно хотел ударить Тотрадза. Азамат поспешил отвести его в сторону — не хватало еще, чтобы началась драка!

В это время из-за дверей донеслись громкие причитания: горестно всплескивая руками, ударяя себя по коленкам, вошла мать Дзенаго.

— О, горе мое, горе! Что с нами будет, Азамат? Что со мной будет? Говорят, сына арестовали. Что мне делать? Что со мной будет?.. И какой нечистый его попутал. Сошлют его в Сибирь, и останусь я одна-одинешенька. Как черный ворон одинешенька! Некому будет и старые кости мои предать земле...

— Успокойся, ради бога, никого не арестовали, — сказал Азамат. — Не причиняй боли и без того обиженней девушки.

— Да будет принесена моя голова в жертву вашему счастью! Помогите мне, не дайте погибнуть! Помирите нас с семьей Тамары. Тамару я люблю, как свою душу! Не забуду я вам это добро до самой смерти.

— Это неплохая мысль! — воскликнул Каламурза и чуть было совсем по-приятельски не хлопнул по плечу

Тотрадза: будто и не было минуты назад между ними раздора.— Почему бы им не сойтись полюбовно! Очень хорошая мысль! Все этого захотят, клянусь отцом и матерью.

Тотрадз стоял с поникшей головой.

Что же будет с этой высокой седой женщиной, которая сейчас так горько рыдает? Ей тогда не встать на ноги.

Тотрадз внимательно и печально посмотрел на мать Дзенаго. На ее худом теле мешком висит черное платье, покрытое латками, по запавшим бледным щекам текут обильные слезы. Сказал старик:

— Ты пойди пока, утешь обиженнюю девушку. А мы сделаем так, как будет лучше.

— Пусть дело решает прокурор, — загорячился Борис, когда женщина вышла.— Если между ними и не было ничего, то все равно платье разорвано в клочья, на теле синяки. Дикарь. Тюрьма ему будет наукой.

— Он вырос забитым сиротой, Борис, — покачал головой Тотрадз.— Всю жизнь он, что половик, который топтали такие, как Каламурза и подобные. Эта дикость в нем от забитости... Не будем спешить, ради бога.

Когда мужчины еще спорили, во двор въехала легковая машина. Слух о дурном бежит быстро, разносится далеко. Долетел он и до райкома. Сослан поспешил в «Красный Кавказ». Теперь, когда он вошел на женскую половину, все встали, кроме Тамары, которая под одеялом, укрывавшим ее с головой, лежала на койке. Увидев гостя, Таурзат, мать оскорблennой девушки, опять громко заплакала.

— Умоляю тебя, — заголосила и мать Дзенаго, чуть не падая перед секретарем райкома на колени.— Помири! Не дай погибнуть!..

— Замолчи! Замолчи, ради бога!.. Будь проклято ваше семейство! Пропадите вы пропадом! — из глаз Таурзат слезы лились потоком.

Сослан растерялся. Что делать? Что говорить? Он подошел к койке Тамары, встал рядом с Таурзат. Из-под одеяла доносились глухие рыдания.

«Кому я что сделала? — обливаясь слезами, думала девушка.— Почему он так посмел со мной? Почему я теперь для всех посмешище? Почему все теперь?..» Мысли путались. Она чувствовала себя так, словно ее мяли мельничные жернова. Ей мерещились злые черные пастушки собаки, которые, слизывая шершавыми языками

что-то с земли, бегут со всех сторон. И жадные глаза их устремлены на нее, белые клыки ощерены...

Сослан взял стул и поставил его рядом со стулом Таурзат.

Таурзат... Мать сирот. Женщина, которую не могли сломить никакие тяготы жизни, женщина, никогда не унывавшая, не падавшая духом, всегда жизнерадостная. И вот теперь она сидит, низко склонив голову, будто последнее несчастье отняли у нее сразу и мужество, и силу...

— Не терзай себя... Не убивайся,— сказал ей Сослан. — Как я понял, с девушкой ничего плохого не случилось...

— Ты понял, но не все это поймут... — отвечала скорбно Таурзат. — Я этого боялась всю жизнь. Да пусть дочери и твоего врага не испытать такого позора!

— Люди умные. Все понимают... Поймут.

— В конце концов не в этом дело,— торопливо, будто споря с кем-то, начал секретарь райкома, но тут же замолчал. «А как бы я посмотрел, если бы что-нибудь подобное случилось с Зиной? Если бы, скажем, между ней и Виктором?.. — подумал он. — Нет, нет! Что бы ни произошло, мое отношение к ней не изменится!»

Вспомнились ему вдруг родители. Отец. Мать. Они жили дружно. Но отец умер рано, и мать осталась с малыми детьми. Сослан знал, что такое жизнь сироты, и заботы матери сирот ему понятны... Была у Сослана еще тетя, которую он любил, как мать. А ее из-за сплетен оставил вдруг муж. Судьбы матери и тетки, этих двух дорогих ему людей, заставляли его часто задумываться. Может быть, потому и сейчас ему были близки несчастье девушки-сироты и горькие слезы ее матери.

«Материнское сердце,— думал Сослан,— какое ты мягкое и нежное! Какое ты мужественное! Мать может вынести горе, которое даже сталь превращает в черный уголь.

Мать... Мать детей, мать сирот! Кто поймет до конца чувства этой женщины, которая после смерти мужа с еще большей нежностью растит своих детишек, еще более трепетна и бережна к каждому из них? Опозорили любимую dochь! Какая же нужна сила материнскому сердцу, чтобы перенести эту болю!

Женщина. Терпеливая, выносливая, мягкосердечная и мужественная. Когда-то давно, говорят учёные, жен-

щина и мужчина были равны. Чего только не было в прошлом! Но все-таки как мог храбрый, умный, славный мужчина быть равным с женщиной, терпеливой, выносливой, мягкосердечной и все же... Нет, нет, этого никогда не было! — будто споря с кем-то, иронизируя и над самим собой, воскликнул мысленно Сослан.— Как же! Тогда бы солнце взошло с севера! Тогда бы земля превратилась в черную золу. Тогда бы опять наступил всемирный потоп! Только ум мужчины, его благородство украшали все, созданное природой!

Женщина. Осетинка! Благородный и храбрый осетин из всех жизненных благ, из всех жизненных прав тебя наделял тремя правами: работать, смотреть и дышать! О, ты по-настоящему владела этими правами! Во все времена ты по-настоящему почиталась!»

Таурзат сидела безмолвно, и слезы сбегали по ее щекам. Слышалось тяжелое дыхание, глухие рыдания Тамары. Сослан достал из кармана платок,— на его озабоченном лице, на высоком лбу, на шее показались бусины пота.

«Это еще осталось от старой жизни,— думал Сослан.— Но вся жизнь... Жизнь меняется. Старое время... оно и теперь еще не ушло из нашей жизни. Вот, Дзенаго, он останется таким же парнем, каким и был. Ничего будто с ним и не произошло. А Тамара... Было что-либо или ничего не было, добровольно она шла или все это случилось против ее воли, все равно в глазах кого-то она останется «чужим объедком». Эта позорная кличка может к ней пристать надолго».

— Я верю,— сказал Сослан, чуть склонившись к Таурзат,— Тамара будет счастливой. Будет. А того, кто ее оскорбил, закон строго накажет...

В Дубравах много говорили об этом случае. Одни требовали: «Дзенаго надо посадить в тюрьму». Другие сомневались: «А может, сама виновата?» Больше было все же тех, кто хорошо знал и девушку, и ее семью. Для них случившееся стало тяжким горем. Но иные все же поговаривали: «Женщина хитра. А эта небось сама хотела. Не зря же выбрала время, когда дождище хлестал. И не была же она связанной!.. А потом: всегда вместе! И камень еще тогда вместе возили! К чему теперь эти фокусы? Зачем было рвать на себе платье, садить на себя синяки?»

Ладемыр лежал, закинув ногу на ногу, в маленьком шалаше на прошлогодней соломе, уже превратившейся в труху, и думал о случившемся на ферме. Прошла недавно гроза, земля была сырой. Услышав имя Тамары, парень вскинулся, сел, но тут же лег обратно. Дзенаго... Воздле шалаша часто повторяли это имя: Дзенаго.

Как бы ни хотел Ладемыр показать себя твердым, отец и Борис поняли его состояние. И когда они оба заторопились на ферму, отец сказал, чтобы он отдыхал до их возвращения, то есть наказывал никуда неходить. И Ладемыр никуда не пошел. Вернувшись, старшие ему ничего не рассказали, а он не расспрашивал. Да в этом и не было нужды. Люди очень много говорили о случившемся...

С того дня Ладемыр старался не вспоминать о любимой. Он знал, что теперь им вместе никогда не быть. И только одно его удивляло: почему отец горячо защищает Дзенаго? «Хочет, чтобы я уж ни за что не женился на Тамаре, чтобы Дзенаго взял ее сам?» — так думал и не хотел встречаться с Тамарой. Но как ни прятался, а однажды быть рядом пришлось. Прошел месяц.

С фермы нужно было вывезти в поле, на участок Тотрадза, навоз. Когда Азау увидела брата, она побежала к нему и повисла на шее.

— Испачкаешься, сумасшедшая!

— Воды много, отмоюсь.

— Давно меня не видела, что ли?

— Не у всех же такие каменные сердца, как твое! — разжал руки и опустив голову, девушка задумалась о чем-то. — Подожди-ка, я мигом вернусь, — и побежала куда-то.

Ладемыр глядел вслед сестре. Ему казалось, что он не видел ее уже несколько лет. Она повзрослела, как пошла на работу, но осталась по-прежнему веселой и очень живой. Еще не испытала печали и горьких дум. А вот он... Он бы с радостью побежал сейчас вслед за ней в общежитие. Но в ту сторону нога его не ступит. Ему ненавистны даже здания фермы. Если бы ферму не закончили строить, то может быть, с Тамарой и не произошло бы... Хотя, кто знает... Нашли бы другое место... Чего не делает испорченный человек! Его передернуло от этих мыслей, он махнул рукой. «Надо поскорее отсюда!» — сказал

он себе. В это время из-за угла коровника, будто кто их оттуда вытолкнул, выскочили Азау и... Тамара.

Азау пробежала вперед, но вернулась, схватила ее за руку, проговорила:

— Ну пойдем же, поможем ему!.. Баппу нас просил помочь.

Тамара не ожидала увидеть здесь Ладемыра. Минуту назад, прибежав в общежитие, Азау схватила ее за руку, увлекла на улицу, во дворе вручила вилы и потащила за собой, как будто на пожар. И хотя теперь их семьи не очень дружили, Тамара к Азау, младшей по возрасту, относилась как прежде. Она знала, что эта тонкая, стройная и всегда, как щебечущая ласточка, хохотунья, если что-то задумала, то не остановится и лучше ей не перечить. И, приняв из ее рук вилы, бежала за нею, ничего не подозревая. Увидев Ладемыра, Тамара сразу остановилась, чувствуя, как сердце неистово колотится в груди, а затем зло посмотрела на Азау. Зачем она привела ее сюда? Какие оскорбительные слова хотят еще ей сказать Габуевы? Или они хотят, чтобы о ней пошли еще новые сплетни?

— Его баппу... Его старики прислали. Давай поможем ему грузить, — говорила Азау подруге.

Ладемыр глядел сумрачно. На скулах заметно перекатывались желваки. Дрожала рука, которой он держал папиросу. Бросил папиросу и, стараясь, чтобы голос звучал шутливо, сказал:

— О-о... Отец сказал, что здесь кто-нибудь будет и мне поможет... Но я сам... Оставьте... запачкаетесь...

У Тамары к горлу подступил комок, на глаза навернулись слезы, она хотела повернуть назад, но увидела, что и у Азау, опять схватившей ее за руку, в глазах слезы. Тогда она подошла к навозной куче и сердито всадила в нее вилы. Азау и Ладемыр тоже принялись за работу. Не разговаривали. Ладемыр даже боялся посмотреть в сторону девушек, чувствовал, что от робости стали слабыми руки и ноги.

Азау вдруг подскочила к нему, потянула его за борта пиджака.

— Да говорите же что-нибудь... дураки! — глаза ее засились слезами, и она побежала в сторону общежития.

— Хуже того, что есть, никакой уж черт не придумает, — будто про себя сказала Тамара: она не заметила, что Азау убежала.

Тамара продолжала работать молча. Вилы Ладемыра часто цеплялись за землю, и он с трудом вырывал их, поглядывая из-под низко опущенных бровей на Тамару.

Вот та девушка, с которой были связаны все надежды и мечты. Как она уже не похожа на себя: круглые щеки запали, взгляд растерянный, синяки под глазами — будто болела тяжело и долго. Защемило сердце у парня. Вспомнил, как однажды, когда сам болел, она пришла к нему. Показалось, будто опять, как и тогда, прижал к своей груди ее натруженные руки. Сказал:

— Отдохни.

— Спасибо, — не оставляя работы, ответила она.

— Не терзайся...

— Я уже истерзалась. Каждый пусть болеет о себе, — подняв полные вилы сырого дымящегося навоза, она перекинула их через борт прицепа.

— С человеком... Случается... Тебе не хочется говорить со мной?

«Почему не оставит он меня в покое с моим несчастью? — подумала девушка. — Или и ему хочется произдеваться надо мной?»

— Что случается? Хоть... я знаю все ваши разговоры.

— Какие разговоры? — удивился парень.

— Габуевские...

Недавно, направляясь в столовую, Тамара услышала вдруг свое имя. Разговаривали доярки: через открытое окно были хорошо слышны их голоса.

— Несчастнее женщины нет существа и среди лесных ворон, — вздохнула одна.

— А я не верю, что Дзенаго мог ей что-либо сделать, — сказала какая-то из молодых.

— Хоть верь, хоть не верь. А наши осетинские порядки какие? Пошли пересуды, значит... Габуевы вон говорят: «Зачем нам чужой объедок!»

Ладемыр хотел сказать девушке какие-нибудь добрые, успокаивающие слова, и они уже были на кончике языка, но это обвинение: «Габуевские!» Какие это габуевские разговоры? Нет, она такая же, как паршивенький Дзенаго... И только он вспомнил Дзенаго, как ушло из души все теплое, доброе. «Трусливы, похожий на мокрую курицу. Собачонка, кусающаяся исподтишка. Люди правду говорят. Такой слабый не мог исцарапать волком девушку, у которой столько силы в руках! Сама она хотела, сама...» — Ладемыр вскочил на трактор, завел мотоцикл.

тор и, разбрасывая гусеницами жирную грязь прифермского двора, устремился прочь...

Опустив голову, вернулась Тамара в общежитие. Как вспыхивает угасающий костер, когда подбросят сухие смолистые ветки, так снова вспыхнуло чувство горечи и тоски. Перехватило горло. Стоит тугой комок и не проглотить его, не прдохнуть. Оцепеневшая, с безвольно опущенными руками, стояла она посреди комнаты, и даже слез, облегчающих, вымывающих, уносящих печаль, не приходило... Увидела Тамара гармонику. Покинутая и сиротливая, стояла гармоника на тумбочке в углу. Взяла ее Тамара. Присела на стул. Опустила низко голову и почувствовала щекой ласковый холод полированной планки. Прошлась пальцами по клавишам. Простонала гармошка, прорыдала. А потом — чистый, ласковый звук. И повела за собою мысли девушки, навеяла воспоминания. Вот бежит маленькая девочка из школы домой. Догоняет ее какой-то мальчишка. Толкнул, и она упала руками в грязь. Книги и тетрадки рассыпались, запачкались. Горе. Слезы. Но за мальчишкой помчался другой. Поймал его и устроил трепку!.. С тех пор он всегда в сердце, этот добрый застенчивый защитник.

Вздохнула глубоко-глубоко и снова растянула мехи: Слабые уставшие пальцы опять пробежали по клавишам. И кажется, не гармоника играла, но будто перед восходом весеннего солнца на верхушке дерева запел соловей, распустились цветы, и их нежный запах проник глубоко в грудь, коснулся сердца...

Оборвались звуки. Вспомнила девушка отца... Дом полон людей. Старики, молодежь... Отец поднял ее на руки, поцеловал в щеку. «Слушайся маму. Ты уже большая девочка. Я вернусь...» «Если бы он вернулся разве бы свалилось на мою голову такое несчастье? Уж он бы!.. Будь они прокляты». Слезы полились по запавшим щекам. И опять заиграла гармошка. Рассказывала о тоске и печали, поселившихся в сердце.

Эх, Ладемыр... Ладемыр... Я-то любила тебя больше своей души. А ты в мою горькую минуту!..

Пела гармошка печальным голосом. И кто знает, что было бы, не забери гармоника девичьей печали себе! Может, душил бы тугой комок в горле, может, лежала бы ничком на постели в рыданиях, может... Все может, когда сердце молодое, ранимое, когда рана слишком болит... Все может быть...

А сейчас грустила негромко гармошка, и чистота девичьей души была в каждом звуке, улетевшем через раскрытое окно куда-то далеко, в поле...

* * *

В тот день, когда Ладемыр встретился с Тамарой, он сказался больным и после обеда пошел домой. Два дня провалялся в постели. Лицо отекло от долгого лежания. На третий день утром собрался будто к врачу и ушел.

Ладемыр направился к родственникам. Дома застал только тетку. Попросил у нее араки. Она поставила на стол графин, соленый сыр, свежеиспеченный чурек. Он выпил залпом два чайных стакана, а к закуске даже не прикоснулся. Лицо Ладемыра сразу порозовело, глаза стали блестеть. Выскочив со двора через тесную теперь ему калитку и размахивая руками, направился по улице вниз. Скоро он дошел до дома Дзенаго, и вдруг из ворот выскочила черная собачонка и без всякого лая, воровато, вцепилась в штанину. Ладемыр со всего маху ногой так поддел ее, что она завизжала пронзительно, на всю улицу. Дзенаго, услышав визг собаки, выскочил из ворот с непокрытой головой, без пояса.

— Зачем трогаешь собаку, чтоб она твою голову съела!

— А-а-а! Прибежала и вторая поганая собака. А ну, или сюда!

Положив руки на пояс, Ладемыр тяжелым шагом направился к Дзенаго. Тот понял, что встреча с крупным, сильным Габуевым обойдется для него не дешево, но убежать посчитал позорным. Заморгал испуганно, расставил широко ноги.

— Со мной у тебя нет никакого дела... Не хулигань... За что собаку?..

— А, собачий сын! Глумиться над девушкой... — Ладемыр широко размахнулся и ударил Дзенаго в скулу, повалил и стал бить затылком о землю. У Дзенаго глаза полезли на лоб. Он закричал:

— Отца моего оклеветали вы, Габуевы, теперь и меня хотите убить?

— Значит, есть еще и такое дело? Значит, это мы оклеветали твоего отца? — Ладемыр схватил его за горло.

— Убил меня, с...с...собака! — задыхаясь, выкрикнул Дзенаго. Пьяное лицо Ладемыра потемнело, глаза свирепо сверкали.

На крики сбежались соседи. Растили их. Дзенаго не мог стоять на ногах — сразу же его повезли к врачу.

Обо всем этом Тотрадз узнал в кабинете у Бориса. Взволнованный старик долго ходил из угла в угол безмолвным. Потом сел рядом с секретарем партбюро.

— Старая моя голова... Позор... Позор... Ведь всегда осуждал я всякую дикость. И почему это Дзенаго сказал о своем отце? Сам он это решил? Или тут еще чей-то язык? Значит, он в больнице? Мне жаль этого несчастного парнишку. Но что делать? Как мне быть, подскажи, Борис.

— Ты тоже был молодым... Тоже небось горячился иногда больше чем нужно. Плохо, конечно, с Дзенаго. Но он поправится. Я уже ездил к нему. А послезавтра должен быть суд. Из-за того случая. С Тамарой...

Тотрадз все равно волновался.

— Где сын? — был его первый вопрос, как только он перешагнул порог дома.

— Спит, — ответила Бутиан.

— Да чтоб он больше не проснулся!

— Оставь в покое парня!.. Сам помирай раньше...

— Дай бог!

— Перестань, ради бога! Всю свою жизнь ты семью из-за чужих людей тириши. Мальчик на человека уже не похож. А теперь ему беды из-за какой-то развратной девчонки... Кругом ведь только и разговоров о том, что эта девка да Дзенаго друг без друга и шага не делали. О каком насилии еще говорить! Чьи-то объедки!..

— Замолчи! Замолчи! Позор тебе! — подняв над головой сжатые кулаки, закричал старик.

Бутиан вышла из комнаты: никогда еще муж так не обращался с ней. Тотрадз тоже пожалел о своей горячности. Сам постелил себе, лег.

И эта ночь была одной из тех, какие так ему знакомы, без сна, с тяжелыми раздумьями.

Утром Тотрадз позвал к себе Ладемыра и Азау. Сын по привычке стал неподалеку от дверей, прислонился к стене. Опустил голову. Азау, напуганная всем, что происходило в эти дни, сидела молча возле стенки.

— Вспомнил я один случай, хочу вам его рассказать, — начал угрюмо Тотрадз. — Матери я об этом рассказывал. Но она, видимо, позабыла, — посмотрел он на Бутиан, присевшую на краешек кровати. — Мы тогда жили в горах. У осетин никогда не было так, чтобы лег-

ко и просто начиналась семейная жизнь. Только калым за невесту какой требовался! Десять, двадцать голов крупного рогатого скота. Иногда и больше... Я, хоть и плохо, но еще помню нашего соседа. Сабаза. Стройный был парень, работающий. Девушка одна ему понравилась. И он ей тоже. Но у него за душой ни гроша. И однажды он сказал ей: «Я еду зарабатывать деньги. Если через пять лет не вернусь, не жди меня». Уехал. Девушка ждала пять лет! А собою она видная. Поведение примерное — как не быть женихам! И родители тоже ее торопили: подросли младшие сестры, а их нельзя было выдавать раньше старшей. Но она оставалась непреклонной. Говорила: «Перед младшими дорога открыта. Если какая опредит меня — позором считать не буду». Еще год ждала она. Стал ее сватать парень из нашего же села. Черменом его звали. Дала она ему согласие. Сыграли свадьбу. Люди расходились с богатого пира. И наступила минута — остались они в своей комнате одни. — Замолк Тотрадз, подбирая, видимо, нужные слова. Потом сказал решительно: — Ну, вы тоже не дети. Одним словом, остались они одни. Жених погасил свет. И в это время вдруг с улицы донеслось: «Сабаз вернулся! Едет по ущелью!» Чермен зажег лампу. Жена его дрожала, как осенний лист.

— Кажется, вернулся тот, кого ты ждала шесть лет. Пойду я, поприветствую его, — и он вышел из комнаты.

В эту ночь он домой не вернулся: все село встречало вернувшегося Сабаза, и Чермен был там же.

Когда Сабаз узнал о свадьбе, то долго сидел с поникшей головой. Потом он сказал Чермену:

— Что же поделать. Я опоздал. Поздравляю тебя, мой счастливый товарищ. Живите в согласии и счастье до старости.

Чермен ответил:

— Извини меня, Сабаз... Но я еще не оставился наедине с той, которую взял в жены. Может быть, она думает только о тебе. Любит только тебя. Я не хочу отнимать у вас ваше счастье.

Как могли не подкупить такие слова сердце Сабаза! Но он все же сказал:

— Ради бога, иди, Чермен. Гостья у тебя дома. Оставил ее одну. Живите. А мое счастье, наверное, уж таксе...

Чермен все-таки не пошел домой. Он послал к жене людей узнать ее решение. Она ответила:

— Я ждала его шесть лет. Бог да душа моя знают, как мне было тяжело. Но теперь ко мне пришло другое счастье.

Людям понравилось решение девушки. И тогда Сабаз назвал ее сестрой... Вот так, сын мой, солнце мое. Так вот поступают настоящие мужчины. Мужественно и благородно. А нападать на женщину — дикость! Издеваться над обиженной девушкой — позор... И еще... Как бы ни был человек виноват, но избивать его до полусмерти! Чтобы из горла лилась крови!.. Позор моей седой голове. Запомни, на всю жизнь запомни, мстят только слабые!

Бутиан, видимо, решила, что пора защищать «мальчика».

— Ты рассказываешь старые легенды. Какое нам до них дело! Ты слишком многое хочешь. От мальчика нельзя требовать столько же, сколько от тебя...

— Нет, извини меня! — повернулся к ней Тотрадз. — Сын должен быть сильнее своего отца во всем. И еще хочу вам сказать одно: если кто-либо, когда-либо спросит мое мнение, то лучшей снохи, чем Тамара, я не знаю...

Ладемыр глубоко вздохнул.

— Я понимаю тебя и твою мать, — теперь повернулся к нему отец. — Вы все думаете: «А что скажут? А как посмотрят? Не засмеются ли?..» Засмеются дураки, умные же скажут лишь доброе слово.

В душе Ладемыра, как вихрь, поднялся. «Действительно, говорят... Кто говорит? И почему раньше Сабаз, Чермен могли сами решать, как мужчины, а почему я...»

Мать сердито поднялась:

— Надо, чтобы она с кем-нибудь еще покрутилась! Тогда мы совсем будем довольны!

— Грешно тебе так говорить! — под Тотрадзом заскрипел стул. — Грешно клеветать на человека! О девушке сплетничают разные Марии, а мы, желающие ей добра, тоже...

Черные, широко раскрытые глаза Азау смотрели на отца. «Спасибо, баппу, спасибо», — повторяла про себя девушка с такой радостью, что будто не кого-то защищал Тотрадз, ее отец, а ее, попавшую в беду.

Под рукой Азамата шелестят газетные страницы. Азамат склоняется низко — будто вчитывается в строки, но отрешенный и тусклый взгляд выдает: не читает, думает о чем-то своем.

Борис украдкой следит за председателем. «Стареет с каждым днем», — думает он. Действительно, у Азамата на лбу появились новые глубокие морщины, мешки под глазами, голова совсем белая.

— Есть одно дело, — со смущенным видом, как будто заметив, что за ним наблюдают, сказал Азамат. — Не знаю, как тебе это объяснить... Но только тебе одному хочу об этом... Ты понимаешь... Я чувствую... Я виноват...

— Я плохо тебя понимаю, — взгляд Бориса стал пристальным и напряженным.

— Может быть, ты и теперь относишься ко мне по-прежнему. Четвертый год работаем вместе. За это время я постарел, ты вырос. За это время и плохого, и хорошего кое-что сделали. Без недостатков ведь не бывает. Но за общее дело я и душу свою... Понимаю, что кое-кто мне не доверяет... Но если бы можно было заглянуть в душу...

«Поразительно! — у Бориса глаза расширились от удивления. — Азамат завел разговор о душе! А покраснел-то! Да так хорошо!»

А председателю, видимо, стало жарко, и он снял свой старый плащ. Под плащом поношенный коричневый китель, на левой половине груди виден след, похожий на флагшток — от депутатского значка. Азамат поймал взгляд Бориса, остановившийся на этом месте.

— Да, — в голосе были и гордость, и грусть. — Это след того, что когда-то я был первым человеком в районе. След... А что же! Было бы совсем неплохо, когда бы каждый человек оставлял в жизни хороший след, помнили бы его люди добром!

Чувствовал Азамат, что не во всем раньше он был прав. Сознавал, что в былые времена не всегда по-доброму обходился с людьми, с которыми не было необходимости держаться сурово. Понимал, что в той неразберихе, нередко царившей в делах и выдававшейся, однако, всегда за полный порядок в районе, в колхозных делах, в перетасовке людей, делавшейся часто по капризам, по принципу «неугоден», — был виноват и он. Те-

перь он понимал, что и здесь, в «Красном Кавказе», начал тоже не совсем правильно. Стоило ли строить такие хоромы для коров! Нужно ли было громадные деньги расходовать на покупку скота? Люди, которые все это строили, которые, как за малыми детьми, ухаживают сейчас за племенными коровами, эти люди не всегда имеют самое простое, необходимое. Все это он знал, чувствовал, понимал. Но сознаться даже себе, тем более другим, было выше его сил. И все-таки какое-то внутреннее побуждение заставляло его сейчас высказаться, поделиться с кем-то, открыть свою душу. И вот он заговорил. Но только он начал, как другая сила, другой внутренний голос восстали: «Погоди! Погоди! Надо ли? Унижаться! Перед кем? Поймет ли это Борис? Оценит ли?..» И он сразу попытался согнать со своего лица смущение. Вернулся своему голосу обычную степенную неторопливость. Он уже жалел о сказанных теплых словах. И, стараясь говорить ровно, чтобы партторг понял, что председателя волнует только дело, продолжал:

— Люди у нас на ферме совсем не работают. Людей много, а результатов никаких! Тебе поручалось помочь. Говорят, в обкоме шел разговор о нашей ферме. Если кто-нибудь из обкомовских секретарей задумает приехать, то нам вместо славы... — хмуро опущенные брови Азамата как бы досказали: «Выдадут нам вместо славы совсем иное!»

— Я не согласен с тобой, — резко отозвался Борис, только что почувствовавший было теплое участие к председателю. — Не согласен. На ферме работают не жалея сил. А мы забываем о людях. Об их нуждах.

— Чего им опять не хватает?

— А когда у них всего было вдоволь?

— Выдаем на трудодень пока по килограмму. Потерпят...

Они опять жестко заспорили, и неизвестно, чем кончился бы этот разговор, но Азамат вдруг пресек его весьма своеобразно. Не отвечая, повернулся спиной к Борису, подошел к большой карте на стене и стоял, рассматривая ее. Борис доказывал, требовал, предлагал... Даже просил председателя взглянуть на его подсчеты. А тот путешествовал глазами по карте, и его широкая равнодушная спина никак не реагировала на слова Бориса. И когда партторг выговорился, Азамат повернулся и предложил своим обычным спокойным голосом:

— Съездим-ка на ферму. Одно дело думаю сделать.
...Каламурза сидел один в своем кабинете-клетушке. Лицо бледное, как после бессонной ночи.

— Бедняжка, совсем побелел, кровинки в лице не осталось, — съязвил Борис. Парторг заставил себя примириться с тем, что Каламурза в колхозе опять одна из первых фигур: заведующий фермой. Не мог не видеть Борис, сколько неуемной энергии было в этом человеке. «Надо держать его в руках, и пусть работает на общее дело», — думал Борис. Ему часто вспоминались слова Сослана, учившего терпеливее относиться к людям... «Коммунизм, — говорил Сослан, — надо строить с теми людьми, которые вокруг нас. Специальных, высокосознательных, безупречно честных, откуда взять? На Марсе их тоже нет».

Каламурза сделал вид, что не заметил иронии в словах Бориса. Изображая даже тоном голоса крайнюю утомленность, сказал:

— Работа... На месте не приходится сидеть.

— Как же! Как же! — Бориса задело это притворство. — Знаем. Из села — на ферму, с фермы — в село. Моя давнишняя знакомая (имел в виду Марию), кажется, доконала тебя.

— Да что ты! Боже сохрани! Разве о снохе можно такое думать? — улыбнулся даже Азамат.

— Если вам больше не о чем говорить, вы напрасно гнали машину.

— Есть, есть о чем говорить, — Азамат прогнал с лица улыбку. И голос его сразу стал сердитым. — Вы опять начали дурака валять. Молоко, где молоко?! Но об этом потом... А теперь вот что. Двух наших доярок надо послать в Ставропольский край. На учебу. За опытом. На месяц...

— Кому-то делать нечего? — Каламурза смотрел вопросительно на председателя.

— Это решение райкома. И не наше дело.

— Решение Сослана? Конечно, кто же, кроме него, придумает такое! А на ферме, спросить его, работать наши покойники будут?

— Не наше дело обсуждать, — брови Азамата опустились вниз. — Решение такое: поедет одна из старших доярок, другая — Тамара.

— Чтобы там тоже натворила что-нибудь?

Азамат нахмурился. И хотя брови его еще не подня-

лись, глаза не блеснули, Каламурза понял, что дальнейшее препирательство полезным не будет. Примолк.

— Позовите дочь Таурзат.

«Как бы Тутров не последовал примеру Дзенаго. Когда-то, говорят, он был хорошо знаком с матерью этой девки. Мать теперь постарела, дочь подросла. И называет ее как: «Дочь Таурзат». Все эти мысли тут же промелькнули в мозгу сообразительного Каламурзы. Он приподнялся, пытаясь вылезти из-за стола. А Азамат между тем продолжал:

— Девушке надо помочь. Поможем — она проявится.

— То есть как проявит?

— Ты и газет не читаешь, оказывается. Вот эта девушка, чем лучше наших? Надоила четыре тысячи килограммов от каждой коровы, — и он подал Каламурзе газету, в которой полстраницы занимал портрет лучшей доярки республики. — Почему у нас нет хотя бы одной такой? В других колхозах они же не с неба свалились? А разве для тебя это не почетно было бы?

Перед глазами сообразительного Каламурзы сразу возникла картина: в газетах портрет Тамары, под портретом подпись: «Знатная доярка из колхоза «Красный Кавказ», где заведующим фермой Каламурза Дудиев». И Каламурза про себя воскликнул: «Отлично! И сердце девушки подкуплю. За Дзенаго она не пошла. Габуевы рукой на нее махнули. Мать — Азамату. Дочку — мне».

— У кого может быть столько ума! Ведь и верно, почему мы должны быть хуже других! Ну, а вообще, осталось я беру на себя; — и он вышел из кабинета.

* 6 *

Сослан записал в свой блокнот все, что предстояло сделать завтра, и посмотрел на часы. Полночь... Взяв со стола газеты, брошюру и маленькую книжку, умещавшуюся в кармане, погасил свет, вышел из кабинета.

...Кое-где начали пасти ночью. Повысились удои. Теперь в обкоме рекомендуют всем колхозам перенять этот опыт. Об этом пишут в газетах, передают по радио, говорят на совещаниях. А вот кое-где еще упираются. В том же «Красном Кавказе» со дня на день откладывают переход на круглосуточную пастьбу. А Сослану за это десятки упреков сверху.

Машина свернула в сторону фермы «Красного Кавказа», и хотя теперь под колесами был не асфальт, а колея проселочной дороги, все равно ни тряски, ни шума. Тишина. Луны нет, и на небе яркий звездный костер. Свет фар стелется далеко. Приглушенно доносится голос Большой реки. Сослан подумал: «Неужели и в такую ночь нужно держать скот в душном хлеву? Две недели разговоров! Будет все же когда-нибудь так, чтобы без лишней волокиты выполняли...»

Из кукурузы вдруг выскоцил большой серый заяц. Он замер на секунду посреди дороги, ослепленный светом фар и оглушенный нарастающим звуком мотора. Сорвавшись с места, помчался вперед длиннющими скачками.

Сослан прибавил газ.

Заяц, высоко подпрыгивая, несся впереди машины. Сначала ушел далеко, но потом расстояние стало быстро сокращаться. Настигает зайца машина, но тот с дороги не сворачивает. Кажется, наверное, ему, что там, где кончается свет, там не просто темнота, но — стена... Сослан крутнул барабанку, и машина, подпрыгивая на неровностях обочины, проскочила мимо. Но... Остановив машину, Сослан вышел. Увидел зайца, лежавшего на боку. Кажется, его и не задело. Просто у бедняги от страха разорвалось сердце...

...На ферме стояла мертвая тишина. Только в одном окне мерцал слабый свет.

Сослан зажег карманный фонарик, открыл дверь коровника. Удушливый запах был настолько плотным, что закружилась голова... Осмотрел ясли — пустые. Показалось, что коровы посматривают печальными глазами, жалуются. Подумал с горечью: «Как часто люди не могут отказаться от привычного. Пусть от очень плохого, но привычного». Вспомнился заяц, который не смог свернуть с дороги...

Подошел ночной сторож. В ответ на расспросы махнул рукой:

— Разговорами занимаются. Азамат вчера было напомнил, но...

— А где Каламурза?

— Не знаю. Он всегда уезжает вечером...

Уехал Сослан, даже не попрощался со стариком.

Сторож вернулся в свой теплый угол на кухне, прилег на старую шубенку. И только задремал, как услышал

шум подъехавшей опять машины. Удивлению старика не было границ: приехали Азамат, Борис и... опять же Сослан.

— Ну, что случилось? Зачем стаскивать нас с постелей? Или мы дети, не понимаем, что за скотиной нужен уход? — сердито говорил Азамат.

Председатель колхоза был зол не на шутку. И не только потому, что вот кто-то приехал, разбудил, поднял, словно по тревоге, в глухую полночь. Но особенно он был зол потому, что возмутителем спокойствия был не кто иной, как Сослан. Оказывается, у этого маленького человека, которого он сам приметил, которого привез и сделал вторым секретарем, который, как казалось до сих пор Азамату, обошелся с ним подло, у него столько энергии, столько прямой настойчивости! Вот поставил перед собой какую-то цель и ведь не остановится теперь ни перед чем, ни перед кем. Азамату неприятно было сознавать, что в прошлом он, занимая самый высокий пост в районе, не проявлял такой же настойчивости, вот так же беспощадно среди ночи не стаскивал с постели людей, чтобы дать им почувствовать: их не оставят в покое, пока они не сделают того, что сделать обещали, с чем согласились. Завидовал Азамат Сослану, завидовал его энергии, настойчивости, непреклонности. Завидовал и потому злился.

— Тысячу раз договаривались, что скот ночью тоже нужно пасти, — выговаривал рассерженно Сослан. — А у вас, как в той старой поговорке, удар следа не оставляет. Вы упорно не хотите этого делать, хотя вся Осетия об этом шумит... Где ваш заведующий?

— Не военное время, может и дома побывать.

— Нет его дома. Жена говорит, что он и день и ночь на ферме надрываеться.

— Напрасно все это затевается, пользы не будет! Да и где пасти скот? — Азамат словно не слышал возмущенных слов Сослана. Но он и сам давно подозревал, что Каламурза и на ферме редко бывает, и дома не часто появляется.

— Где пасти? А разве раньше об этом не говорили? Если не хватает пастбищ, выделите часть посевов пшеницы.

— Я не могу губить народное добро, — совсем помрачнел Азамат. — Осеню колхозники спросят с меня пшеницу.

Несколько дней тому назад прошел вдруг слух, что секретарь распорядился пустить скот на пшеничные посевы. Начались пересуды, колхозники возмущались. Борис тоже на стороне тех, кто высказывал недовольство. Потому и сейчас он сказал Сослану:

— Людям не нравится решение пустить скот на хлебные поля. Сеяли, трудились. Рассчитывают получить хорошую пшеницу.

— Ладно, не желаете, не пускайте на хлеб. Но дайте же скоту корм. Возите траву. И потом, скажи-ка мне, дорогой парторг, сколько пшеницы даст гектар? Сколько это составит в деньгах? И с другой стороны, на сколько повысится надой молока, если этот гектар в зеленом виде скормить скоту? Вы делали такие подсчеты? — В ночной тиши раздраженный голос Сослана звучал незнакомо-пронзительно. — Не делали?.. Тогда, поскольку сами не умеете, хотя бы слушайте тех, кто умеет! Словом, так: проверьте своими подсчетами наше решение. Если оно окажется негодным, я беру ответственность на себя. В газетах еще раз прочитайте — каждый день об этом пишут. И потом... — он хотел еще сказать, что такова воля обкома, но не сказал, сдержался. Он не любил давать указания от чьего-либо имени. И не делал этого, если даже указание самому ему не нравилось и он считал его неправильным. Поэтому он ничего не сказал больше. Оставив Бориса и Азамата (пусть разбираются — в тишине под звездами лучше думается), он поехал на фермы соседних колхозов.

---

* * *

Устав от домашних хлопот, накормив и уложив спать детей, жена Каламурзы Фаризат и сама сейчас же после ужина улеглась.

Дети заснули, а мать лежала и воспаленно-сухими, уставшими за день глазами, смотрела в темный угол комнаты. Сон не приходил. В дверь постучали.

Послышался недовольный, как всегда, голос Каламурзы. Фаризат непроронив поднялась, открыла засов и опять легла.

Было слышно, как Каламурза молча стоял посреди комнаты, наверное решая, каким способом и по какому поводу выразить свое неудовольствие. Нет, промолчал. Непроронив разделялся и, несказанно удивив жену, улегся

с ней рядом. Под тяжестью его тела сетка кровати прописла, и Фаризат невольно оказалась у него под боком. От мужа разило аракой и духами.

— Где же ты, моя единственная, где? Я так давно с тобою не был. Думаешь, у меня сердце каменное? — Каламурза поцеловал жену в щеку. — Клянусь отцом и матерью, некогда и головы поднять — работа, работа! А тут еще... Задумал дом строить, На берегу Большой реки. Курорт будет. Настоящий курорт! Но знаешь, есть людишки. Поганые языки. Сразу же начнут допытываться: откуда?.. Что? Как?.. Слышишь, ты всем говори, что мы уже много лет собираем по копеечке. Сколько же ты у меня будешь мучиться в этом саманном сарае?

Фаризат вдруг почувствовала себя молодой. Ей захотелось, чтобы он ее крепко обнял. Чтобы можно было с ним поговорить, даже всплакнуть и пожаловаться — сколько обид в жизни. Эх, какие же хорошие парни сватались к ней, когда она была девушкой! Вздохнула глубоко Фаризат. Каламурза провел ладонью по ее спине, словно думал обнять. У Фаризат забилось сердце. Она уже хотела было своими худыми руками обвить его шею. Да показалось вдруг, что муж, как от раскаленной плиты, отдернул руку и отодвинулся насколько это было можно на тесной кровати. Хотя и не могла она знать, что вспомнилась вдруг Каламурзе другая, но сердцем это почувствовала.

А Каламурза печально вздохнул. Он и сегодня собирался провести ночь у Марии. Но к ней приехала дочь. Пришлось ограничиться несколькими стаканами араки. Мария еще побрызгала на него духами! «Городские. Дорогие. Но первые капли — тебе!» Умеет, когда захочет, быть ласковой Машенька!

Тесной была кровать жены: вытянув ноги, Каламурза выдавил прут из спинки. Лежать тут ему не хотелось, по сегодня нужно было... Донеслись до Каламурзы слухи, что жена Мики кое-что пронохала насчет поездки их за коровами. И о золотых часах Марии, и о других подарках ей. Старый осел, видимо, разболтал кое-что под хмельком. Не дошли ли слухи и до Фаризат? Дойдут — может что-нибудь выкинуть.

А Фаризат уже жалела, что пусть на минуту, но дала волю своим чувствам, поверила этому человеку, постоянно лгавшему, обманывавшему. Она теперь никогда по нему не скучает, привыкла спать в отдельной комнате.

И ко всем его пакостям относится равнодушно. Но сейчас, когда он, лежа рядом, ощупывал ей спину, она возмутилась. Обида так захлестнула горло, что ни вздохнуть, ни заплакать.

И снова вспомнились молодые годы. Ни стройностью, ни красотой не уступала она своим подругам. Потому, наверное, и стала добычей Каламурзы: дом Дудиевых считался богатым. И вот двадцать лет мучений здесь. Фаризат силилась вспомнить, когда же последний раз слышала от мужа доброе слово, и не могла. Не верила, что и сегодня добрый ангел вдруг посетил его. Но почему же он сегодня так необыкновенно нежен?

А Каламурза в это время уже храпел. Фаризат вдруг охватил страх. Ей показалось, что кто-то, покашливая, ходит вокруг дома. Кто-то забрался на чердак. В одну из минут она даже хотела разбудить мужа. Но он сонный, потянулся к ее лицу губами и чуть слышно прошептал: «Ма-а-ша»...

Совсем потеряла сон Фаризат. Нет, еще раз она всем сердцем почувствовала, что разговоры людей о Марии и Каламурзе не напраслины. Правду, значит, говорят и о богатых подарках. Золотые часы недавно ей подарил. Деньги оставил. Саният, жена Мики, что-то слышала от пьяного мужа.

Укрыв голову одеялом и отодвинувшись на самый краешек кровати, Фаризат беззвучно рыдала, захлебываясь горячими слезами.

Встав чуть свет, приготовила завтрак, проводила детей в школу. И все со слезами. Все плакала, но легче не становилось. С кем поделиться? Пошла к Таурзат, своей ровеснице, с которой вместе училась, которая в жизни помыкалась и, значит, поймет. Но дома ее не застала.

Глотая душившие ее слезы, Фаризат шла обратно и случайно столкнулась лицом к лицу с Бутиан. Та несла ведра с водою.

— Заходи в гости, — Бутиан поставила ведра и за руку поздоровалась с Фаризат. — Клянусь своими покойными, муж тоже будет рад тебя видеть! Они так дружили с твоим братом.

Тотрадз встретил женщин в дверях.

— Какая чудесная гостья пожаловала к нам! Здравствуй, здравствуй. Проходи, проходи...

Неудобно было жаловаться на мужа. Тем более, как хорошо знала Фаризат, Тотрадз и Каламурза очень не-

дружны. Но тут же подумала: «Сколько же ему прощать! Я боюсь на люди показываться. Забитая прислужница! А он своей любовнице золотые часы преподносит!»

— Мне хотелось поговорить с тобой, — смущенно сказала она. — Если, конечно, у тебя есть время...

Слезы опять заблестели в глазах и неудержимые, горькие полились по исхудалому ее лицу.

— Бóже мой, что с тобой, душа моя? — заволновалась Бутиан.

— Несчастье какое-нибудь? — спросил и Тотрадз.

— Да никакого несчастья... Извините меня. Вот осмелилась прийти к вам. А что же мне еще делать? Кому жаловаться?.. Одним словом, муж мой совсем спятил. Не знаю, куда деваться... Одни издевательства... Может быть, только жена Мики, Саният, такое же терпит. Рассказывают люди, будто Мика ей говорит: ты дыши да смотри и работай, а до остального тебе дела нет. Я же и вздохнуть не могу. Вам ли рассказывать, сколько хлопот в доме. Но сколько бы я ни делала, от мужа ни одного доброго слова, только попреки, — Фаризат вытерла слезы и на некоторое время умолкла. — А еще — родственница Мария!.. Совсем они потеряли совесть, да разнесется весть о их гибели!

— Ты прости, Фаризат, — сказал тихо Тотрадз. — Спасибо тебе за то, что доверяешь нам. Но в семье всякое случается. Мы вот с Бутиан иногда тоже скандалим. А потом еще... Ты знаешь, что мы с Каламурзой не очень дружны. Может, тебе лучше поговорить с Азаматом или Борисом?

— Мой хвалится, что Азамат его друг. А если друг, то разве станет выговаривать. Борис?.. Молод Борис. Потому мне и хотелось поговорить с тобой. Я домашняя скотина. Я дормоед. Только такие теперь у меня имена.

— Трудно судить чужую семью. Но тебе что скажу... Пойди на работу. К людям пойди. А если только разговоры...

— Хоть в реку бросайся, хоть вешайся — нигде никакого выхода, — заплакала Фаризат.

— Ни к чему слезы, — заговорила молчавшая до селе Бутиан. — Всем тяжело бывает — жизнь не без этого. В прошлом году распустили сплетню, будто Габуевы воруют пшеницу. Поверь, муж чуть не умер — так у него плохо было с сердцем. Да бог не оставил нас. Приехал Сослан и спокойным словом разогнал тоску в нашем до-

ме, успокоил моего старого. А то бы гнить его костям в земле, — Бутиан почувствовала, что у нее на глазах навERTываются слезы. Сдержалась и продолжала с горечью: — Да пусть лишаться своих детей те, кто пустил эту сплетню!..

Слова эти холодными камнями упали на сердце Фаризат. Она поняли, что никто, кроме мужа, Мики да их подружки Марии, не придумает такую пакость. «Проклятия справедливого человека бог всегда слышит. Он пошлет кого-нибудь исполнить их...» Фаризат торопливо попрощалась и полная новой, щемящей сердце тревоги, заспешила домой.

---

* 8 *

Была середина лета. Те самые дни, когда солнце словно обрушивается на голову: лучи его как острые копья — чувствуешь их упругую пальящую силу. Так высоко солнце забирается лишь на несколько дней.. Потом оно будет выбирать дорогу менее крутую, но жарким и сильным останется по-прежнему.

Это солнцестояние. Это та удивительная пора, когда природа хочет показать все свое великолепие и пышность. Сколько оттенков одного лишь зеленого цвета — нет двух полей, похожих во всем друг на друга. А лес и поле! Они как будто бы тоже цвета совсем одного — но взглядишь! Вглядись... Какая густота и плотность лесной зелени. Какая легкость голубоватых отливов на безбрежной, как море, шире полей.

Зреют плоды. На огородах появляются овощи. Каймак, это пшеничное молоко, скопившееся в зерне, вдруг в несколько дней схватилось, затвердело — приготовилось хоть тысячу лет держать в себе животворную силу солнца и земли. Все растет, рвется ввысь, отвоевывает себе место попросторнее, повольготнее. Сколько силы в каждом стебле! Сколько красоты в каждом цветке! Какое буйство! Какая мощь!..

Да, есть величие и мощь в солнцестоянии, в этом позыве ко всему живому расти, расцветать, зреТЬ, буйствовать! Солнцестояние... Солнцеворот — великое повторение неповторяющегося, обновленного. Похожее и совсем непохожее на то, что было, чему еще быть.

Зеленели поля колхоза «Красный Кавказ». Участок Тотрадза, среди них выделялся — очень ровные строгие

клетки на нем и зелень сочнее. Всходы за день поднимались на пядь, ночью — на целую четверть. Поднимались. Но... Южный ветер веял сначала ласково и несильно, а потом стал сухим и жестким. Дует и дует. Ни капли дождя. Словно поддразнивая землю, на небе иногда появлялись клочья облаков, в иной час даже укутывалось в белую одежду солнце, но тут же, как легкий, табачный дым над стариком, покуривающим на улице, облака таяли и исчезали.

Такая погода стояла около двух недель. Темно-зеленые заросли кукурузы загрустили. Широкие листья крыльями утомившейся птицы опали вниз.

Как-то пришел к Тотградзу Темирболат и говорит:

— Старики поговаривают о молитвенном пире. Организуют складчину. Чтобы с душой помолиться святыму Хетагу... Поговоривают, что в прошлом году, когда справляли этот праздник, кто-то совсем непристойно отзывался о святом духе. Потому и гнев его на людей, потому мы опять без дождя. Каюсь, и у меня на душе кошки скребут: воровски сбежал в прошлом году со священного пира.

Обычно добрые глаза Тотрадза засверкали.

— Серьезно все это говоришь?.. А мне кажется, что ты правильно сделал, сбежав из святой рощи. А уж если со святыми духами дело иметь, то не молиться им надо, но требовать от них. Я тоже нашего святого Азамата всю весну молил заняться оросительными канавами. Молил, как будто выпрашивал себе сукна на черкеску. Он тогда еще раскипятился: «Не выдумывайте! У нас, кроме вашей воды, тысячи дел поважнее». Сколько же можно молитвами жить, друг мой? Или ты сам еще должен просить прощения у человека, если вдруг увидел, что он крадет?

— Ты, кажется, опять не в духе?.. Ради отца и матери прошу тебя — не трогай бога. Слава ему единому и вечному! Слава!

— Давай-ка вместо этой славы да вместо наших длинных пустых разговоров сходим в поле, посмотрим... Есть у меня одна мысль. Все точит, покою не дает...

Они только лишь дошагали до пашни, как вдруг на машине их нагнал Азамат. Поздоровались. Пожали друг другу руки. И тут же Тотрадз, обращаясь к председателю, сердито заговорил:

— Слово простого скромного человека вы ни во что не ставите! Ведь то, чего я боялся, от чего хотел предсторечь, пришло. Как только не твердил я весной о воде! Каких только неприятностей не заработал!

— Мне уже не под силу переваривать твои попреки, — Азамат хотел придать своим словам характер шутки, да лицо его побагровело, брови собрались в переносице, и слова прозвучали грубо.

— Знаю! Одно приятное говорят Каламурза, Мика и им подобные! Говорят? Ну и хватит тебе этого счастья!

— Не годится возводить напраслину старику.

— Спасибо тебе! Ты еще не называешь меня болтуном! Весной, когда я твердил о воде, ты на меня посматривал как на собачонку, лающую невпопад. А если бы то же самое тебе советовал Каламурза? «Ура! Правильно!» Привык к тому, чтобы человек заглядывал тебе в рот!

Азамат стоял, как оглушенный громом. Молчал. Да и что он мог возразить. «Так мне и надо! Пропадут посевы, совсем опозорюсь». Но сказать это вслух, признаться в ошибке человеку, из-за которого столько неприятностей? Нет!

— Если вам не о чем больше говорить, то сейчас мне некогда, — углы его сжатых губ вздрогивали — так он был зол.

— Как же! Как же! — вступил в разговор Тотрадза заискивающе улыбающийся Темирболат (в последнее время он почему-то научился вот так, просяще улыбаться). — Есть у нас о чем поговорить, да пусть все ваши болезни станут моими. Тотрадз собирается подвести сюда воду. Мы ведь и торопились в поле, зная, что найдем тут тебя, — Темирболат и сам понимал, как неуклюже врет, но очень уж не хотелось ему, чтобы ссорились его друг и председатель.

Больше ничего не сказали оба колхозника. И Азамат тоже молчал. Что говорить? Вода нужна. Во что бы то ни стало нужна. Но что тут можно придумать? И Азамат вдруг нашелся.

— Зря вы тут шум поднимаете, — сказал он почти миролюбиво. — Я уже договорился с МТС. И сейчас еду туда. Сегодня дадут бульдозер.

«Зачем врешь?» — эти слова готовы были сорваться с уст Тотрадза, но он посмотрел в глаза Азамата (в них все яснее проступала виноватость) и, кивнув, тихо сказал:

— Правильно ты сделал, — потом, повернувшись к Темирболату, коснулся его плеча. — А мы с тобой действительно старище: только одни разговоры, а чтобы до дела додуматься!..

В тот вечер бульдозер провел первую борозду там, где, еще до войны, лопатами всем селом рыли, да так и не успели довести до полей оросительный канал. На пятый день к вечеру вода зажурчала по новой канаве. Бежала споро многие метры, да вдруг остановилась и поползла совсем в сторону, — оказывается, тут была какая-то хитрая, почти неприметная глазу ложбинка.

Два дня Азамат никуда не уходил. Его тяжелые сапоги по самые верхи голенищ были в глине, на лице грязные следы пота, землю ворочал со всеми наравне. Но вода не шла на поля. И тогда Азамат сказал Тотрадзу:

— Ошибся я. Правильно кто-то говорил: канаву надо вести по самому краю лощины.

«Слава богу, хоть раз сознался, что тоже может ошибиться», — подумал Тотрадз.

Еще двое суток, днем и ночью, почти без отдыха работали колхозники. По краю лощины вода шла лениво, но шла. А потом, добравшись до посевов, вдруг побежала веселее, заискрилась ручейками.

Через несколько дней Азамат снова приехал на поле. Оставив машину, пошел пешком.

Сильно припекало. Серая полотняная рубашка взмокла и на спине, и на груди. Посевы радовали. Темные листья кукурузы поднялись и расправились, как крылья орла перед взмахом.

«Интересно, воды идет очень много, а людей на поле — никого. Надо же регулировать...» — думал Азамат, посматривая на мелкие канавки, переполненные водой. Пошел к главной канаве. И вдруг увидел, что кто-то лежит на траве на берегу канавы, заложив руки за голову, прикрывшись от солнца рубашкой. Подошел ближе. Худое тело, покрытое засыхающей грязью, — казалось, что человек уже не живой.

«Тотрадз!» Узнал его председатель, и сердце почему-то очень защемило. «Как бы с ним беды не случилось», — быстро нагнулся, сдернул с головы рубашку: старый зашевелился, не нравилось ему солнце, упершееся жаркими лучами в лицо. Ничего не успел сказать Азамат, как тот

уже сел, открыв глаза, и смущенно смотрел на председателя, склонившегося над ним.

— Смотри-ка ты! Да.. Я, кажется, заснул. Чтобы меня люди оттащили скорее на кладбище! Вода, наверное, все затопила...

Азамат смотрел на старика. Вид у того был страшный: небритое, осунувшееся, цвета глиноzemа лицо. Грязь на теле и на рубашке. Худоба — ребра пересчитаешь. Опершиесь руками о землю, Тотрадз тяжело поднялся на ноги, принялся натягивать рубашку на грязное тело и, как бы оправдываясь, говорил:

— Прости, ради бога. Ночью тоже оставался здесь, чтобы пораньше пустить воду. Устал. Тело все, как разбитое. Прилег отдохнуть и вот, видишь, уснул...

Бывает так, что человек, зная дело, все же не постигает какой-то последней его тайны. И другого человека он не может узнать, пока не съел вместе с ним последнего грамма в пуде соли. Но если съедена последняя щепотка, вот тогда вдруг и открывается тайное тайных, тогда и самое сложное в чужом характере становится понятным. Сейчас Азамату казалось, будто они с Тотрадзом съели эту последнюю щепотку. И он, как это уже было когда-то, вдруг опять стал понимать прежнегого друга. Вспомнился Азамату Долат. Вот таким же худым, немощным видел он его на ферме. И подумал он вдруг, что и этот старый человек тоже, может быть, сегодня последний раз в поле. Потом тяжело заболеет, как тот, на ферме, будет лежать в больнице. А потом... Появится еще один холмик среди других холмиков. И Азамату стало страшно. Впервые он с предельной остротой подумал над тем, что каждый, кто сегодня вот так мучается или наслаждается, и тот, с кем он дружит и с кем враждует — все перестанут быть, каждый уйдет навсегда... Он взял лопату и пошел за стариком в поле.

Кончив работу, они умылись, и Азамат помог Тотрадзу сесть в машину.

— Отдохнешь у нас дома, — как бы прося прощения за все прошлое, сказал председатель, когда очи въехали в село.

— Нет, спасибо. Мне впрок идет только то, что приготовлено руками Бутиан, — шутя ответил Тотрадз. — Прямо домой...

Машина остановилась около дома Тотрадза. Старик вылез и стал уговаривать Азамата:

— Жена обидится, если ты не зайдешь...

— Ты устал, отдохтай...

— Нет, обязательно должен зайти!

Азамату хотелось побывать в доме Тотрадза, посидеть, поговорить по душам с человеком, с которым в далекие годы делил хлеб-соль, с кем вместе переживал и первые радости, и трудности, но... Но как много потом встало меж ними непонимания, вражды. Переступить!.. Нет, нет! Но как уйти от человека, которого только что нашел уставшим и голодным под лучами палящего солнца? Как же сейчас отказать ему! Какую же мелкую совесть надо иметь...

И Азамат, тяжело передвигая свои, будто железные, ноги, прошел в калитку.

Широкий двор, помнившийся еще по далеким временам, был, как всегда, аккуратно прибран, подметен.

Бутиан обрадовалась Азамату, как близкому человеку.

— Снохи у нас нет, девочка на ферме, а я уже старая. Дом прибрать не удается, — говорила она, извиняясь за беспорядок, которого, конечно же, не было.

Вот так, совсем близко, по-домашнему, ни Тотрадз, ни Бутиан не видели Азамата давно. А тогда, сколько лет тому назад, был он стройным, подтянутым парнем. Сейчас — на висках седые волосы, лицо обрюзгшее. Располнел. Жизнь оставляет следы, свои безжалостные следы на теле, на лице и в душе каждого.

Гости усадили за стол. Тотрадз сменил одежду и тоже присел. Подняли несколько раз бокалы, выпили. Закусили... Азамат собрался уходить. Когда стал за руку прощаться с Бутиан, она сказала:

— Заходи к нам, как в свой дом. Заходи... Муж когда-то души в тебе не чаял. Ну бывают и неприятности — по ним ли жизнь строить? Надо их забывать. Старик наш так всегда говорит...

Азамат посмотрел на охотничье однозарядное ружье, висевшее на стене. Когда-то он сам подарил его Тотрадзу.

— Старик бережет его как драгоценность, — поймав взгляд гостя, сказала Бутиан с теплой грустью и вздохнула.

Азамат почувствовал опять, как кровь хлынула к лицу. Он улыбнулся жалко и виновато.

— Много я выпил... Слабый стал я... Прошу проще-

ния... Ну, другой раз посидим опять... Нехорошо, нехорошо. Эх-эх! — он махнул рукой.

Тотрадз стоял с бокалом в руке, Бутиан поднесла напоследок и Азамату.

— Азамат, извини, но коли ты стоишь, — старик подошел к окну и открыл его, — подойди, посмотри воин на тот дуб... Каким он вымахал! А ведь как будто только вчера... Так хорошо это помню. Сажал его... Состарился я, а он каждый год дает новые побеги. Корни его ушли глубоко-глубоко. Иначе не стоять ему — ветры и грозы давно бы свалили. А он, смотри... Над всем селом стоит, не пошатнется. Так и человек. Как бы ни был умен, какое бы высокое место ни занимал, без корней, без любви народной, чего он стоит? Что сделает?.. Люди есть разные. Так же, как в соках земли много разного. Но дуб, понимаешь, берет только то, что ему надо. Человек... Человек — он мудрее, а ошибается... Ошибается. Я пью за то, чтобы меньше ошибаться. За то, чтобы без нужды не обижать друг друга. Пью за здоровье тех, кто может понять человека, когда он ошибается, кто умеет прощать. И еще за тех, кто не только умеет поддакивать, но помогает исправить ошибку.

Чем больше говорил Тотрадз, тем все сильнее темнело лицо Азамата. Рука у него дрожала, и из бокала выплескивалось на пол. Когда хозяин выпил, заговорил гость:

— Прошу прощения, это не последняя наша встреча. Многое надо сказать друг другу. Когда-то и я заблуждался. Наверное, заблуждался. Ты правильно говоришь... Прощения... прошу... Может, в другой раз скажу все, что нужно сказать. В другой раз... в другой... — поднеся бокал к губам, Азамат выпил его залпом, будто в нем было спасительное для него лекарство.

— Дай бог тебе здоровья, дай бог, — Бутиан покачивала головой и всепонимающими глазами смотрела вниз, перед собой.

— Дай бог тебе благодать и уважение народа, — сказал Тотрадз и рукою, натруженной, костистой, вытер свои глаза.

---

* 9 *

На ферме ожидали «ставропольцев», тех, кто на месяц уезжали к соседям за опытом. Появились они после обеда.

Увидев в окно Тамару, Азау выбежала во двор, обхватила подругу за талию, закружила ее.

— Боже мой, боже мой, как ты растолстела! Не зря говорили, что там вас четыре раза в день кормили мясным борщом. Половину твоих коров доила я... Вчера привезли к нам кино,— задыхаясь от радости, торопилась Азау выложить подруге все новости. А потом на ухо, чтобы не слышали другие: — Баппу и нана спрашивали о тебе, и знаешь, кто еще часто спрашивал?.. Ладемыр...

Потом в столовой уезжавшие за опытом рассказывали о том, чему научились, что узнали. Все заметили, что Тамара стала веселее. Щеки ее заметно округлились, черные глаза часто щурились в улыбке лукавой, как прежде.

— Ну, как все-таки было? — в который раз спрашивал Каламурза.

— В год по три-четыре тысячи килограммов от коровы будем надаивать или нет? — ребром поставил вопрос Борис. Он, как всем казалось, ни на минуту не отлучался с фермы с той самой памятной ночи, когда его и Азамата поднял с постели секретарь райкома.

«Четыре тысячи килограммов?» — Азау это было удивительным.

— Боже, столько килограммов и с Большой реки на-таскать трудно.

— До каких пор мы будем занимать позорное место? Хоромы выстроили, а молока нет! Посмотрите вокруг. Или вы не слышите, что рассказывают вон они, побывавшие у передовиков?

Тамара не вслушивалась в спор: ей не давала покоя одна мысль. И Сослан и Азамат говорили еще недавно: «Поезжай, поучись у передовых людей. Возвратишься, применяй их методы. За этим тебя и посыпаем». Никто никогда с ней так не беседовал. Вспоминая ту беседу, она вдруг начинала думать, что от нее зависит необыкновенно много. «На меня надеялись, для пользы дела посыпали. И вот теперь я возвратилась. Так что же я должна им сказать? А ведь настало время дать прямой ответ...»

Она заговорила, и хотя голос ее был негромким, звучал он как-то необыкновенно внушительно. Все за-тихли.

— Люди, которых мы видели, тоже имеют по две руки, а не по десять. В этом году от каждой коровы я думаю получить по три тонны.

— Отлично! — вскричал Каламурза, опять опередивший всех. — Да послужит моя голова твоему счастью! (Люди заметили, что приезду Тамары Каламурза заметно обрадовался.)

— Как бы у вас чего не лопнуло, — заворчала женщина средних лет, у которой выраженье лица такое, будто она все время ищет иголку. Ее не любили за подозрительность, недоверие, сплетни. Тамара раньше, может быть, и не оставила бы ее слова без ответа, да в этот момент посчитала это лишним. Теперь ее не очень-то волновали всякие пересуды и колкости.

— Четыре многовато для нас, — как бы размышляя вслух, проговорила Тамара, — а по три сможем. Точно сможем.

Через несколько дней в районной газете во всю ширь первой полосы было напечатано: «Четыре тысячи килограммов молока от каждой коровы!» Шла речь о Тамаре и ее подругах. Работники газеты к обязательствам девушки «добавили» от себя еще тысячу килограммов.

«Шуму на всю Осетию! Не зря говорили в народе: «Глупец лезет в воду первым». Вдруг ничего не получится? И — снова позор! Опять позор!» — с такими мыслями Тамара засыпала, с такими же и просыпалась.

Заметно изменился Каламурза. Всех удивляло, что он сам, никому более не доверяя, начал вести учет молока. Сведения о надоем каждое утро отмечались на доске, висевшей в общежитии.

— Я не верю газетам. Так много никто не может надоить! — однажды атаковала Тамару ее подруга. — Мы не подумали, взяв такое обязательство.

С тех пор как Таурзат оставила работу на ферме, Тамара и Азау жили вдвоем.

— Я бы тоже не верила, — ответила ей спокойно Тамара, — если бы не видела тех людей своими глазами. Они много не говорят, но работают.

Как бы ни сомневалась Азау, она всегда соглашалась с Тамарой.

— А когда нам дадут зарплату, — забыв о сомнениях, зашебетала сейчас она, — знаешь что, давай закажем одинаковые шерстяные платья. Светло-серые. Знаешь, та-

кого цвета, как в лунную ночь. И модные открытые туфли.

— Ты забыла капроновые чулки!

— Да, да, забыла! Когда поедем сдавать экзамены в институт, тогда сфотографируемся, пойдем в театр, в цирк...

— Я сама цирк. — Тамара вдруг всхлипнула. Ей опять показалось, что жизнь ее девичья загублена позором, сплетнями и пересудами. Как воду из чашки, выплеснули ее счастье.

Азау обняла подругу, прижала ее к груди.

— Не надо... Не плачь...

— Эх, Азау, Азау! Тебе не понять меня.

Азау приподняла голову Тамары, посмотрела ей прямо в глаза.

— Мне? Не понять? Не только я, но и отец, и Ладемыр... Все мы понимаем тебя. Да, послушай-ка!.. Знаешь, как сказал баппу недавно? Мы, говорит, кроме Тамары, другой снохи не хотим.

Тамара плакала, всхлипывая сильно и часто; тело ее вздрогивало, как в приступе лихорадки.

— Ты мне не веришь? Не веришь? Ну, не плачь же! Лучше скажи, какое тебе свадебное платье закажем? Ты думала? Не думала? А я уже думала, думала...

— Счастье вымолить невозможно. Какое уж счастье мне, ославленной песенками. Если только... Нет, мы сдержим слово. И ты и я. Сдержим! — Тамара говорила зло. — Сдержим слово! Обязательно. Пусть еще посмотрят.

10

Как и всегда, сегодня Тамара поднялась темным-темно. Ночной сторож только лишь затопил печь на кухне. Девушка поставила греть воду: вымя каждой корове надо обмыть. Потом пошла будить Азау.

— Ласточка, вставай! Ласточка!

Та мотала головой, не открывая глаз.

— Дай поспать. Еще немножко. Пока синичка на плетне не кончит песенки...

— Вставай, дорогая, вставай. Вода уже готова. Боже, вон Бимболат идет!

— Кто? Где? Да-дай!¹ — Азау вскочила и начала торопливо одеваться.

¹ Да-дай! — характерное восклицание.

К этому времени солнце подкрасило в розоватый цвет восточный край неба, потом показалось само. На девушек, вышедших из общежития, дохнула холодом Большая река. Азау зябко передернула плечами.

— Смотри, смотри, Тамара! Как красиво, — Азау зачарованно смотрела на матовое, холодное солнце. — Какое оно большое!

Тамара ничего не ответила. Небо на востоке алое, будто льется кровавая лава. И на девушку опять нахлынула тоска. Опять вспомнила свое несчастье... Мимо, звонко и весело смеяясь, прошли две доярки. Тамара смотрела им вслед... «Счастливые... Солнце тоже счастливым светит. Мне-то что оно? Мое солнце уже закатилось и больше никогда не выглядит. Я, наверное, и со старюсь здесь, на ферме. Кто не побрезгует девушкой, о которой идут такие пересуды?.. Нет, нет, я, хоть назло им всем, но выучусь! Кончу институт, и тогда пусть всякие Марии языками чистят под моими коровами!» Она захотела вдруг так громко, что Азау посмотрела на нее удивленно: смеясь, Тамара схватила подружку за руку и побежала к коровнику.

За дверями было душно, сильно пахло навозом, но девушки этого не замечали. Поставив эмалированные белые ведра возле стены, они прежде всего взялись за лопаты. Сначала — прибрать чуть-чуть. Потом, когда подоят коров, зададут им корм, тогда уж основательно все вычистят и выскооблят...

Начали доить. У каждой с собой два ведра — одно для молока, другое с теплой водой. Тамара подсела к черной «швиц». Долго массажировала вымя, потом промывала его. Потянула толстые соски. За ночь немного поутихла боль в пальцах, а вот сейчас опять их заломило. Руки тяжелые, будто налитые свинцом.

Отовсюду доносится плеск молочных струй, гулко ударяющихся в ведро. Никаких разговоров; никаких лишних движений. Только Азау вдруг опять не удержалась:

— Ой, руки у меня совсем зашлись! И когда это кончится?

Тамара доила с деловым видом, нахмурив брови. Но когда вымя пустело, ее охватывало беспокойство. Она продолжала тянуть соски, хотя знала, что молока нет. Неужели сегодня опять не выполнят план?.. Если бы каждые две коровы наполняли ведро!..

Азау уже закончила доить; медленно разогнула спину и застонала: «Ох-ох-ох!»

— Не оставила ли ты молока в вымени, ласточка?..

— Ласточка, ласточка!.. Если бы я была ласточкой, тогда бы не сидела здесь под Гангой. Эх, есть же счастливые, которые сейчас учатся в городе!

— Опять начинаешь... Перестань! Сегодня мы должны выполнить план...

За стеной раздался гудок машины. Это из города привезли барду. Нельзя мешкать — разберут! Кто половчее, тому достанется больше. А доярки постарше, опытнее, норовят получить барду самыми последними. Тогда кончается жидккая и остается густое пойло.

Девушки бегают с ведрами бегом. Если бы досталось по два ведра на корову! Бегом! Из полных ведер барда выплескивается, обливает одежду, ноги. Натруженные руки болят. Но мешкать нельзя. Бегом!..

Кончили раздавать барду, надо выгнать коров на свежий воздух. Потом уже основательно взялись за большие деревянные лопаты.

Тяжело это, каждый день выскребать, выметать на воз из-под двадцати коров. Да еще когда девушке только девятнадцать лет, когда руки слабы и в пояснице нет еще крепости. Тяжело Азау. Но она молчит. Потому что терпит Тамара, терпят другие. Потому что дали слово. Потому что так надо.

Вычистили помещение. И как раз в это время привезли на бричках свежую траву. Накинулись на нее девушки. Как же! Для своего скота! Побольше бы.

А день идет! Солнце уже высоко. Надо подумать и о себе, почиститься, помыться. Девушки вернулись в общежитие. Легко тем, у кого есть сменная спецодежда. Целый год только и говорят, что о халатах! Опять обещают.

Кто кончил умываться да прихорашиваться, садится за широкий стол в просторной столовой. Повариха ставит перед ними завтрак: белый хлеб и молочный суп с картошкой...

Недалек и полдень. Час, два — и снова нужно в коровник. А там и вечер подойдет. До поздней ночи девушки не придут в общежитие. А завтра, чуть свет, не отоспавшись, опять поднимайся, бери ведра...

Тамаре все казалось, что за ней следят сотни глаз, что все думают только о ней. Все, начиная от здешнего

колхозника, кончая незнакомыми далекими работниками обкома. «Как накормила Тамара своих коров? Сколько надоила?..» Когда приходит сюда Борис, он говорит ей: «Сослан спрашивал о тебе. Как живешь, сколько получили молока?» Когда бывает здесь Сослан, он говорит так: «Секретарь обкома спрашивал меня, как живет Тамара? Как работает? Как учится?»

«Нет! Не хватает еще, чтобы люди обо мне думали: «Болтунья! Похвалилась и слова не сдержала!»

И работает Тамара без лишних слов.

Сейчас, позавтракав, она вымыла чашку и ложку, вытерла стол, пошла к себе в комнату. И хотя чувствовала свинцовую тяжесть во всем теле, и хотя ей очень хотелось прилечь и уснуть, она взяла книги, стала заниматься. Скоро ехать на сессию. Три экзамена, четыре зачета! Лучше бы ухаживать еще за двадцатью коровами!

---

* 11 *

Каламурза жил в доме, оставшемся от отца. Стены саманные, и только фасад из кирпича. Не задумывался раньше Каламурза над тем, чтобы поменять дом, выстроить новый. И как задумываться, если из колхоза то и дело уезжали люди, оставались заброшенные дома. Но теперь другое время. Правда, Каламурза не хочет всю жизнь прозябать здесь. Если бы в районе ему предложили подходящую должность, он умчался бы из колхоза, хоть ночью.

Но все же почему не выстроить новый дом? Если придется уезжать — так можно продать его за хорошую цену! Тем более что материал покупать не надо — «сэконо-мил» на колхозной стройке. Запасся всем, вплоть до дверной скобы. Надо строить!..

Хотел поначалу пригласить строителей из города. Подсчитал — дорого обходится. Приуныл. Но вновь воспрянул духом, когда однажды разговорился с Микой.

— Голова на твоих плечах большая выросла, — говорил Мика. — Большая, но пустоватая. Пойдем-ка, найду тебе недорогого строителя.

И привел Каламурзу к дому Темирболата.

Во дворе, оглянувшись, Мика принял громко удивляться:

— Какие заборы! Таких досок мне и для гроба не достать!

Из сарая вышел Темирболат.

— Из-за досок на этом свете не останешься, — улыбаясь, сказал он. — Найдем. Но разве у меня — доски? Вот у твоих друзей — это да!

Каламурза радостно пожимал ему руку.

— Давно тебя не видел. Хорошо ты живешь... Богатеем. Очень это правильно — богатеем!

— А что же!.. Кое-кто, говорят, дома городские задумал строить. Двухэтажные. Десять комнат, — и Темирболат хитровато подмигнул: «Знаем, мол, все! Все знаем!»

Если бы года четыре назад кто-то сказал Темирболату, что он будет так дружески любезничать с Каламурзой, поругался бы Темирболат с тем человеком. А вот теперь... «Жизнь — штука сложная. По-всякому бывает», — утешал себя Темирболат.

Через несколько дней на берегу Большой реки, там, где улица селения кончалась заброшенным двором, в котором высился большой тополь со сломанной верхушкой, появился Каламурза, Темирболат и техник, заполученный из района с помощью Алибека.

— Вот здесь должна быть зала для пиров и танцев, — вбивал колышки техник. — Спальная комната тоже должна быть просторной, но окон поменьше... Окна для спальни — не главное. Рабочий кабинет. Отличный рабочий кабинет. Детская. Из этих вот двух комнаток — одна кухня, другая ванная... Наверху — тоже две. На улицу — балкон.

— Вот где мы с тобой не раз посидим за круглым столиком! — Каламурза хлопнул по плечу Темирболата.

— Спасибо тебе большое. Но ты из-за меня не траться слишком. Я уж лучше во дворе. А с балкона вдруг выпивши да вниз головой... Нет, нет, лучше я во дворе, — улыбался Темирболат.

— Пусть будет по-твоему. Для тебя стол будем накрывать во дворе.

Темирболат ходил за техником и за хозяином да все прикидывал: во что же обойдется этакий дворец?

«Тебе можно размахиваться, — думал он о Каламурзе. — Прибрал опять к своим рукам все колхозное добро».

Но когда Каламурза повернулся к нему и с улыбкой похлопал по плечу, взбунтовавшаяся было душа Темир-

болата, как птица, подстреленная на лету, опять опустилась и притихла.

---

* 12 *

Рано утром в доме у Зины появился бледный от волнения Виктор. Он дышал тяжело, как будто только что избавился от преследователей, и мать девушки перепугалась.

— Боже мой, что с вами? На вас лица нет. Садитеська вот сюда на диван. Зина, подай валерьянку! Боже мой, что с вами?..

Виктор нервно прикусил свои красивые сочные губы.

— Об этом спросите свою дочь...

Мать сердито повернулась к Зине.

— Что ты опять ему сделала, да принесет тебя жизнь жертвой его счастью!

Зина демонстративно повернулась к ним спиной.

— Ну, подумать только! Подумать только! — Виктор глубоко вздохнул. — Теперь она вздумала ехать в колхоз! Я говорю: могу взять бумагу. Больна. Ехать не может. Нужно, договорюсь хоть с министром! Амбиция! Глупая амбиция! Я, говорит, не привыкла обманывать!

— У-у, упрямая! У теперешней молодежи нет совести!

— Подделывать ложные бумажки — это совесть?

— Замолчи! — голос матери сорвался на визг.

— У меня, естественно, возникло подозрение, — продолжал Виктор. — Думаю, надо узнать, в какой район они едут? Побежал к министру. Он мне говорит: медицинские работники направляются в район Дубравы.

— Куда, куда? — мать еще более повысила голос.

— Да, да! Туда, где работает тот самый!.. Обком на месяц мобилизует всех, кому, как надо полагать, нечего делать на работе. Пусть уж лучше там в земле копаются. Так ваша дочь сама, с заявлением.

— Боже, боже! — мать, взявшись за грудь, села в кресло. — Это его воспитание! — указала она рукой туда, где за стеной был кабинет отца. — Его! Сам всю жизнь!.. Боже...

Зина взяла свою сумочку и, прикрыв не очень вежливо за собою дверь, вышла.

О чём говорили мать и Виктор, судить трудно. Но... Отношение к Зине вдруг изменилось. Мать все дни перед отъездом дочери на уборочную была ласкова и предупредительна. Помогая собирать вещи в дорогу, сказала:

— Виктор души в тебе не чает. Тоже едет на кукурузу. Ты уж ему не груби.

...Когда колонна машин остановилась перед Дубравинским райкомом, из первой машины вышли трое и направились в помещение. Один из этих троих — Виктор. На нем был китель из темно-серого коверкота, брюки галифе, на ногах новые, начищенные до блеска сапоги. Верхние пуговицы кителя расстегнуты, и видны белая рубашка, галстук.

— Он разговаривает по телефону. Подождите, пожалуйста, — остановила гостей девушка, секретарь Сосланы.

Скоро вышел и сам Сослан.

— Извините, пожалуйста. Ждать вас заставил.

— Были, наверное, дела поважней, — кольнул Виктор.

— Сами понимаете, — не обиделся Сослан, — нельзя одновременно выслушивать двух больных. А тут... Одним словом, секретарь обкома сделал мне небольшой выговор. Кукурузу, говорит, убираете медленно. Бросим вам на помощь всех, даже медицинских работников!

Виктор посматривал на секретаря исподлобья. Ему показалось, что Сослан стал выше, солиднее. Вид гордый, в движениях легкость, уверенность. «Интересно все же, — думал Виктор, — как у этого типа идут дела: заваливается он или не заваливается?»

Сослану хотелось выйти на улицу к людям. Но он вдруг почувствовал незнакомую робость. Понял, что, встретившись глазами с Зиной, не сможет скрыть душевного смятения.

Зина прогуливалаась с подругой возле машины. Ждала, когда появится Сослан. Она приготовилась к встрече. Никаких улыбок! Радость?.. Какая может быть радость?.. Она швырнет ему в лицо (ну, может быть, и не в лицо, может быть, и не швырнет) анонимку. Скажет, что все мужчины негодяи.

— А может, зайти к нему? Может, он пошлет нас туда, где полегче... По твоему лицу судить, так ты думать о нем не желаешь. Забегу-ка я туда, — предложила подруга Зины.

— Тихо, сумасшедшая. Этого еще не хватало!

— Ничего не понимаю. Опять — осетинские фокусы! Пойди прямо и скажи ему: «Вот и я!»

— Замолчи же..

— Он старается казаться значительнее, чем удался ростом. Ждать нас заставил целый час, — эти слова Виктора, сказанные с крыльца райкомовского дома, укололи сердце Зины.

— Опять начинает острить, — поморщилась подруга Зины.

Люди начали рассаживаться по машинам.

«Хорош руководитель, — подумала Зина, убедившись, что Сослан так и не вышел на улицу. — Нашел какую-то красавицу. Ну, и пусть прячется. А люди-то. Сколько народу приехало в район, а он не вышел... Дни, месяцы, годы уходят, а я все еще не смогла построить свою жизнь. Что я ищу? Кого жду? Я сама уже себя не понимаю. Как же могут понять меня другие! Двадцать восемь лет... Нет, ни одному мужчине нельзя верить!»

Анонимное письмо, посланное Марией, Зина получила. Сначала она, расстроившись, плакала. Потом стала размышлять над тем, кто мог это написать и зачем. В конце концов решила, что все это сплетни. Но обида и злость не проходили. И хотя она говорила себе, что видеть его теперь не может, на самом же деле хотелось как можно скорее встретиться с Сосланом и выяснить, что все это значит.

---

* 13 *

Уйдя с фермы, Таурзат некоторое время занималась только домашними делами. Но скоро не выдержала. И когда начали ломать кукурузу, прибежала к Тотрадзу и стала просить, чтобы он взял ее в свое звено.

В поле она подружилась с городскими, приехавшими на помощь. Ей нравилось сидеть с ними вечером после работы, слушать рассказы об их жизни.

Вот и сегодня тоже сидят они на кукурузной куче возле полевого стана.

С поля пришел Тотрадз.

— Не буду скрывать, — сказал он немного смущенно, — проверял работу наших гостей. Нашел всего лишь вот, — показал маленький початок. — Замучили мы вас. Небось с непривычки вся кожа на руках потреска-

лась, — он посмотрел на Зину, и та спрятала свои руки за спину.

— Нет-нет, — ответила она, — мы уже привыкли. Вот только что-то очень прохладно...

— Осень берет свое...

— Ваши все сидят по домам, а мы тут мучаемся, — вставил свое слово и Виктор: в отличие от других сидел он не на кукурузной куче, а на стуле, вынесенном из дома и держал на коленях толстую книгу.

— Ты, приятель, не прав, — очищая ноговицы от дурнишника, сказал Тотрадз. — Все, кто может работать, здесь.

— Все, да не все, — вмешалась в разговор Таурзат. — Где же Мария?

— Она же заведует теперь нашим маслом. Может, ты еще потребуешь сюда Мику с мельницы, Каламурзу с фермы?

Тотрадз помянул Каламурзу и сам упрекнул себя: «Зачем? Это будет неприятно жене его. Она, бедняга, кое-как все-таки встает на ноги».

Фаризат была здесь. В разговоры не вступала, но внимательно слушала. Когда прозвучало имя ее мужа, она с безнадежной горечью подумала, что лучше все-таки было бы остаться дома только с детьми.

— Глупо делают те, кто выходит замуж, — вырвалось у нее.

— Как же! — не согласилась Таурзат. — Без мужа легко тем, кто умеет... Как твоя невестка Мария. А к хорошему мужу, да пусть смеются надо мной, я бы и на четвереньках поползла. Без мужа баба все равно что залежная земля.

Люди смеялись.

Зина слушала разговоры и удивлялась. «Какая-то совсем испорченная женщина, и как же мог с ней Сослан? Или уж он совсем потерял совесть?»

И тут вдруг зашел разговор о Сослане. Старый Тотрадз рассказал, как весной сын его Ладемыр чуть не прибил камнем секретаря райкома. Пахали тогда день и ночь. Вот однажды Ладемыр, совершенно устав, остановил трактор и прилег отдохнуть. Сослан как раз проезжал мимо. Увидев стоящий трактор, он хотел было поругать тракториста; но догадался, что тот совсем выбился из сил, и сам повел трактор. Заслушав шум мотора, Ладемыр вскочил, решив, что это какой-то шутник влез в

кабину, и, схватив большой камень, бросился вдогонку. Хорошо, что Сослан в это время обернулся.

— Такие секретари райкома встречаются только в плохих романах, — подняв голову от книги, произнес Виктор.

Подруга Зины, сидевшая с ней рядом, проговорила тихо:

— Вот человек! Его, наверное, сразу после рождения бросили в дубильную бочку! Да и держали там до сих пор.

— Да шут с ним, — негромко ответила ей Зина. — Надоел он мне...

---

* 14 *

На краю села, где высится тополь со сломанной верхушкой, ночью часто останавливается машина, торопливо вылезают из нее люди и начинают быстро сбрасывать кирпичи, мешки с цементом, гулкие доски.

Каламурза пока что доволен всем: дом строится хорошо, готов фундамент, растут стены. Темирболат, ну что тебе огонь: товарищам передохнуть не дает! «Будем скорее кончать! Получим свои копейки... И свой дом пора строить...»

— Ну как, когда же мы будем жарить шашлыки в этом доме? — произнес свою обычную фразу Каламурза, как только появился на стройке, и, потерев руки, засмеялся.

Темирболат отлично понимал, что все, из чего строился дом Каламурзы, — колхозное. Но что об этом говорить! Вот еще привычка у Каламурзы — похлопывать по плечу. «Ведь он меня тоже считает за вора. Не зря говорят, что вор всех считает ворами».

Откапывая кирпичи на месте старого разрушенного дома, один из помощников Темирболата нашел осетинский нож. Ножны погнили, рассыпались, лезвие заржавело, костяная ручка почернела. Темирболат долго держал в руках старый нож, вспоминая.

Когда-то здесь жили его друзья, два брата. Началась война, и старшего взяли на фронт. Темирболат пришел тогда его проводить и в подарок принес вот этот нож, сделанный искусственным кузнецом-осетином.

Друг принял подарок и, подавая нож своей жене, сказал:

— Сохрани. Когда возвращусь, зарежем этим ножом быка для нашего пира. Ну а если,— улыбнулся,— всякое ведь бывает... Тогда уж без меня зарежьте хоть курицу на поминках.

Он не вернулся с войны. Его жена с детьми уехала куда-то к родным. Потом, поссорившись с Каламурзой, тогда председательствовавшим в колхозе, уехал из селения и младший брат.

«А вот теперь на этом месте, где жили мои друзья, я строю дворец для Каламурзы», — Темирболат с горечью посмотрел на свои мозолистые руки...

Вечером, вернувшись домой, Темирболат увидел своего старшего сына, ломавшего забор из новых досок.

— Ты что делаешь, щенок? — чуть не с топором в руках кинулся к нему отец. Но сын не испугался. Угрюмо насупившись, он с мрачной решительностью сказал:

— Я сожгу его. Это все краденое. Это тебя Каламурза подмазывает.

— Ты... Ты откуда это взял? Кто тебе наговорил?

— Все говорят. То, говорят, Темирболат с Каламурзой, как кровники, как нож с мясом жили, а теперь...

С того дня Темирболат перестал ходить на строительство дома Каламурзы.

---

* 15 *

По земле ползли сизые туманы. Солнце последние дни редко показывалось. Начинал моросять нудный мелкий дождик. И лишь изредка поднимавшийся ветер разгонял облака, и через них серое рваное тряпье проглядывало солнце.

Но как бы ни была неприятной погода, на дорогах гудели и буксовали машины, в полях было много людей, арб, повозок. Самое время для копки картошки и уборки кукурузы.

Сводки, поступавшие в райком из колхозов, убеждали Сослан, что положение с уборкой нормальное. Но позвонили из обкома: район медленно рассчитывается по государственным поставкам. Назвали сроки, в которые необходимо было выполнить все обязательства.

После звонка Сослан еще раз подсчитал, сколько нужно сдать хлеба и сколько потребуется времени, если сдавать его прежними темпами... Волосы встали дыбом. Какое уж там досрочно!

Потирая пальцами свой широкий открытый лоб, Сослан прохаживался по кабинету. Дома ждет магь: со вчерашнего дня ничего не ел. Нет, домой некогда! Позвонил в гараж, чтобы приготовили машину. Предупредил, что дорога, по-видимому, будет долгой...

«К празднику перевыполним план государственных поставок!» — этот лозунг висел через всю улицу села; многие буквы дождь размыл.

«Попробуй растолкуй тому, кто только и знает нажимать по телефону, что кукуруза во многих местах стоит зеленою, что идут дожди. А если и растолкуешь, то потом, немного погодя, все равно тебя вызовут на бюро и запишут строгий выговор: по твоей вине опоздали с ранортом!.. Рапорты, рапорты! Закрывай, говорят, все предприятия и любой ценой, говорят, давай план к празднику!..»

Приехал на заготовительный пункт. Машина, полная кукурузных початков, стояла на весах. Еще несколько машин ожидало очереди. Возле первой шел спор.

— Нет на вас хозяина, так вы и валяете дурака! — возмущался мужчина в кожаном реглане. Здороваюсь со всеми за руку, Сослан узнал скандалившего — из колхоза «Партизан».

— Тебя обижают, друг мой? — спросил его Сослан.

— Ради матери и отца своего, посмотри, вон какую я им привез кукурузу! Початок к початку! Вы требуете, чтобы мы скорее... А теперь хоть в реку вали ее.

Под строгим спрашивающим взглядом Сослана заведующий заготпунктом виновато пожал плечами:

— Инструкция. Нельзя принимать. Влажность большая.

Встав на колесо машины, Сослан поднялся над кузовом. Выбрал самый большой початок, подержал его в руке, будто взвешивая, и зло швырнул обратно.

— Примите кукурузу немедленно!

— Меня накажут...

«Черт бы вас побрал, мы только и боимся, что наказания! Он ведь совсем не думает, что кукуруза погибнет, труды чьи-то погибнут, он просто боится за свое место. Может быть, и тот, который звонил из обкома, тоже... У него тоже мысли, наверное, только о месте».

— Накажут тебя или не накажут — не это главное. Не должно пропадать народное добро... Выгружайте машины! Организуйте сушку.

На полевой разъезженной дороге, зло выкручивая баранку «Победы» (шофер пока отдыхал на заднем сиденье), Сослан решил: «Где бы ни ломали такую кукурузу, молоко молоком, везде остановлю. Пусть меня наказывают! Пусть снимают с работы!»

В «Красном Кавказе» погрузку кукурузы «механизировали». Початки сваливали в большую кучу возле неглубокого, но крутого оврага. От кучи вниз установили наспех сколоченный из досок широкий желоб. Дно оврага кое-где расширили, разровняли, чтобы могла проходить машина. Она подъезжала под желоб, двое ребят лопатами и ногами гнали початки вниз, и машина быстро наполнялась. Невесть какая «механизация», а приятно.

Повеселев, Сослан с помощью Азамата и Бориса стал подсчитывать, когда же «Красному Кавказу» удастся закончить с кукурузой. И чем он дотошнее считал, прикидывая, сколько сейчас рабочих рук в поле и сколько каждый человек может наломать за день, тем все больше и больше мрачнел.

— Такими темпами вы еще и за три месяца не управитесь! Скажите, сколько трудоспособных сидит сейчас у вас по домам? Кого еще можно привлечь на кукурузу? Вообще, партийная организация, правление все ли продумали, чтобы увеличить темпы? И еще есть одно дело, — секретарь райкома не смотрел ни на председателя колхоза, ни на парторга. — Сколько сдаете государству сверх плана?

Борис и Азамат удивленно переглянулись.

— Мы тебя не понимаем, — медленно произнес Азамат.

— По-моему, я не загадки загадываю. Когда вы выполните план хлебосдачи, то сколько еще намерены сдать зерна сверх плана?

— Такого разговора у нас еще не было, — сказал Борис.

— Так давайте договариваться! Я должен сегодня же знать.

Молчали. У Азамата опустились плечи, глаза смотрели куда-то вниз. Борис тоже не торопился отвечать.

— Что вы умолкли? Давайте посчитаем. Я сегодня же должен сообщить...

— Мы не бухгалтера, — лицо у Азамата совсем потемнело. — Да нам никто и не поручал считать. Сам знаешь, это добро колхозников. Нам нужно с ними посоветоваться.

Лицо Сослана покрылось розовыми пятнами, правое плечо стало вздрагивать. Он был взвинчен и зол, но в то же время понимал, что разговор ведет точно так, как недавно разговаривал с ним сам Тутров. Но как признавать свою неправоту?.. Он все-таки превозмог себя.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо! Пусть будет так. Советуйтесь. Но помните, что все, и не только у нас в республике, берут сверхплановые обязательства. Мы не можем отставать от других.

— В конце недели у нас будет общее собрание. — Азамат с прежней упрямостью смотрел в землю. — Мы поговорим. Посоветуемся. Может быть, от других и не отстанем.

---

* 16 *

Сослан никак не мог увидеться с Зиной. И сегодня, оставив машину возле бригадного стана и направившись в поле с мыслью о том, что за последнее время стал реже встречаться и разговаривать с простыми людьми, он вместе с тем втайне надеялся, что вдруг увидит ее.

Сердце — вешун: знает куда вести влюбленного. Шагая через кукурузные заросли, Сослан вдруг услышал другой ему голос,

— Все они одинаковы.

— Ты думаешь, он забыл о тебе?.. Нет, нет, не верю. Он не такой.

Что-то еще проговорили подруги. Засмеялись. Сослан слушал и чувствовал, как сердце начинает ходить в груди широко и сильно.

— Тсс! Магарыч с тебя. Он идет. Не оглядывайся!

— Не оглядывайся! — Сослан постарался придать голосу спокойную легкость. Даже засмеялся.

Подошел. Поздоровался сначала за руку с подругой Зины, потом повернулся к ней.

Зина постаралась скрыть свое смущение и с упреком проговорила:

— Никогда не считалось за честь подслушивать женские секреты.

— Тайную песню громко не поют, — говорили наши предки, — ответил он шутливо. — А если я провинился, так давайте отнесу вашу корзину. У вас початки уже валиются на землю. — И, не дожидаясь ответа девушки, он

легко подхватил тяжелую корзину и отнес к большой куче кукурузы...

К домику на полевом стане все сходились, когда уже темнело. Девушки, усталые и запыленные, через короткое время преобразились: нарядные платья, модные туфли, свежие лица — как будто и не было тяжелого дня. Появилась гармоника, и люди на призывные звуки музыки стали собираться, как на огонек слетаются ночные бабочки.

Сослан, встретив Таурзат, начал расспрашивать о Тамаре: как живет? Мать хвалила дочь и удивлялась.

— Я сама уж не понимаю ее. Всегда она была усердной. А теперь и совсем себя не жалеет. И, говорит, когда опубликовали портрет в газете, она как раз на экзаменах была, то преподаватели все ее поздравляли. И отметки у нее одна лучше другой.

— Вот так. Вот так, — улыбнулся Сослан. — Я же говорил, что все пройдет. Обиды забудутся. Пойдем-ка посмотрим, как теперь танцуют, и, взяв Таурзат под руку, он увлек ее за собой.

Молодой парень выюном вертелся перед Зиной. То поднимет руки, как орлиные крылья, то прижмет их к бокам и пойдет, пойдет кругами, то семенит вслед за девушкой, то закроет ей путь, завертится вихрем...

Вернулись с поля Азамат и Борис. Встретившись с Тотрадзом, который тоже только что подошел сюда, Азамат ворчливо спросил:

— Или мы сегодня чем-нибудь отличились? — Чувствовалось, что ему не до гармошки, хотелось, наверное, поесть да поскорее прилечь отдохнуть.

— Молодежь, — сказал Тотрадз. — И без предлога танцует. Что им. И Сослан, кажется, там...

— Ого! — воскликнул Борис. — Он танцевать мастер! Пойдемте посмотрим.

Азамат покачал головой, улыбнулся не то осуждающе, не то удивленно, но все-таки направился вслед за Борисом и Тотрадзом в дом, где слышались веселые голоса, играла гармошка.

Сослан как раз только что вошел в круг. Легко, будто с малых лет кроме танцев ничем не занимался, он сделал первые шаги, вскинул руки... Знатоки сразу оценили легкость и изящество движений. Послышалось:

— Вот это да!

— Позор младшим!

— Старый конь борозды не портит.

— Сам ты старый! Он еще в женихах ходит!..

Слова похвалы больно задели сердце Азамата. Перед глазами его вдруг встали картины, нет-нет да и возникавшие вот так, совсем, кажется, без повода, без причины. Общее собрание колхозников «Красного Кавказа». Резкие споры с Тотрадзом... Смерть Долата... Сердце Азамата опять вздрогнуло, скжалось — часто оно в последнее время неожиданно сжимается... Подумал с горечью: «Чего бы сейчас не танцевать Сослану! Не прошел же он, как мне пришлось, сквозь бури, сквозь грозы... А я... Что я? Смотрел всю жизнь на все вокруг бодливым быком. Все за авторитет свой боялся...» От этих мыслей стало грустно, но боль из сердца ушла.

Азамат стоял в первом ряду, а если ты на виду у всех, хочешь не хочешь, но тоже прихлопывай в ладости.

— Азамат! — крикнул кто-то, только лишь Сослан закончил танец и, подхватив девушку, подругу Зины, с которой танцевал, отошел в сторону. — Азамат! Теперь его очередь!

— Азамат! Азамат! — послышалось со всех сторон. И все захлопали. Да так дружно, что Азамата это смущило, он почувствовал, что ему жарко. Слушал хлопки, крики и посматривал по сторонам. «А может, оставите меня? Может, это просто из вежливости? Ведь не верите, что я...» И он, вдруг хлопнув себя по бокам, потерев руку о руку (что ж, мол, попробуем!), вышел на середину.

— Таурзат! — это опять голос, который первый выкрикнул Азамата. — Таурзат в напарницы!

Фаризат, жена Каламурзы, стоявшая рядом с Таурзат, подтолкнула ее локтем: «Иди!» А сама посмотрела на нее с завистью, и бледные щеки ее по-молодому разрумянились, разгорелись.

— Иди!

— Только танцевать мне и осталось.

— Просят. Иди...

Азамат повернулся к Таурзат и, будто говоря: «Пожалуйста, прошу», широко раскинул руки.

Таурзат временами еще горько переживала разговоры о дочери. «Ославили. На всю жизнь». И казалось Таурзат, что с тех пор как пригнуло, придавило ее это горе, так теперь уже не отступится, не уйдет. Но сейчас перед ней стоял молодцевато подбранный человек... Стоял и, широко раскинув руки, вроде бы говорил: «Пожалуйста, прошу!» Стоял тот, которого она любила в молодости.

И она пошла. А он, все так же раскинув руки, отступал легким шагом, увлекая ее за собой.

«Приглашение», танец легкий и плавный, закончился быстро. Азамат хотел, как этого требуют правила, поблагодарить Таурзат и уйти. Но гармоника вдруг зашлась лезгинкой, и люди захлопали еще сильнее. Азамат остановился, развел было руками, да вдруг так ударил ногами, так зачастил, что затрясся пол.

— И это называется — он не умеет танцевать! — кричал кто-то восторженно.

Руки, ноги Азамата двигались так легко и такое удовольствие написано было на лице его, что трудно было поверить будто этот человек вот уже двадцать лет ни разу не танцевал. А потом он стоял в кругу людей и весело улыбался, как улыбались все, кто стоял кругом, и тоже энергично хлопал в ладоши. Всем им в этот вечер председатель колхоза показался совсем другим человеком. Ему и самому тоже казалось, что люди, его окружающие, очень родные и близкие. Такие, каких он давно не знал.

* 17 *

Когда Виктор понял, что Зина собирается куда-то проехать с Сосланом, он отозвал ее в сторону и долго и строго ей выговаривал. Но девушка, не обращая внимания на слова Виктора, поднялась к себе, переоделась и, возбужденно разговаривая со своей подругой, подошла к машине Сослана.

Стекла были опущены, и по осеннему теплый ветер, пахнувший скошенным лугом и кукурузными стеблями, опахивал щеки. Все молчали, каждый думал о своем, и никто, видимо, не замечал ни звездного костра на небе, ни лукообразной красноватой луны.

— Мы с Зиной здесь выйдем, — сказал Сослан шофера. — А девушку отвези к нам в райком: ей надо позвонить в город, отец у нее заболел.

Зина хотела, видимо, возмутиться: длинные ресницы ее сердито дрожали, глаза поблескивали. Но он открыл дверцу, вышел на обочину дороги, и она последовала за ним.

Интересно устроен человек! Иногда, оставшись один, какие только красивые слова он не вспомнит! Вот так одна птица, в старой поговорке, говорила на семи язы-

ках. А погнался за ней коршун, и она все забыла... Сослан столько хотел сказать Зине! А остались одни, и не было слов. Зина, может, скорее нашла бы о чем заговорить, да это проклятое письмо! «Что бы сказала мама, узнай, что я сейчас наедине с ним. А Виктор?.. Да бог с ним, с этим брюзгой!»

Затянувшееся молчание было тягостным, и Зина сказала:

— С колхозниками возле кукурузной кучи ты разговорчивее. Что сейчас случилось с твоим бойким языком?

— С колхозниками легче. Мы хоть и ругаемся иногда, но понимаем друг друга.

— Хочешь сказать, что я тебя не понимаю? Не зазнавайся. Между прочим, ты можешь гордиться: тебя тут все очень любят. Тотрадз нам рассказывал, как ты весной сам сел на трактор.

— То, что рассказывал обо мне Тотрадз — это все мелочь. Вот если бы он о себе рассказал! Это тот человек, о котором всегда думаем, когда произносим слово народ. Такие горы ворочают. Скажи им, что надо Казбек снести, снесут. А терпение! А ум! Совесть чиста, как у ребенка. За людей будет стоять, как мать за своих детей.

— Я слышала о Тотрадзе.

— Сейчас таким, как Тотрадз, хорошо. Радостнее у них стало на душе: народ зашевелился. А ты бы посмотрела лет пять тому назад на этот колхоз. Развалина развалиной. Тычки для фасоли за тридевять земель возили продавать. Чтобы хоть немного денег... Смеялись над ними. А сейчас... Нет, сила народа — это как небо над нами, как вселенная: края ее не знаешь!

Зина слышала, как вздрагивал от волнения голос Сослана.

— Конечно, — сказала она. — Сила. Только по-хозяйски ли ее всегда используют?

— Верно. Очень верно ты говоришь. Приобщайся к политике, она нам с тобой нужна будет. Тебе не холодно?

Она еще не успела сказать «нет», как Сослан скинул с себя плащ и набросил ей на плечи.

— А меня вот всегда удивляет, — говорила Зина, — почему получается так? Род парень в бедной семье. Выучило его государство. Вывело в люди. И потом он на людей, на таких, как его родители, смотрит уже через плечо. Любит, когда ему льстят. Вот интересно, много ли среди начальников таких, которые не любят лести?

Сослан рассмеялся.

— Когда тебе говорят, что ты красива, не вырастаешь ли ты на целый аршин?

— Это другое дело.

— Вот, вот. Каждому, наверно, так кажется. Я тебе один случай расскажу. Шофер, который сегодня нас вез, давно здесь в райкоме работает. Большой пройдоха. Бывало, надо по делу ехать, а он с женой Азамата, первого секретаря, на базар за луком отправился. Я ему как-то устроил скандал. А он мне говорит: «Ты что шумишь! Я уже шестнадцать секретарей переменил. Секретари уходят — я остаюсь. И ты уйдешь...»

Я еще тогда подумал: надо этого хлюста на другую работу перевести, на «ответственной» он слишком разболтался. Думаю, подвернется случай, спроважу его куданибудь. И вот подвернулся. Пригласили меня в город, на радио. Выступал. Задержался в радиокомитете. А в тот день шел сильный дождь. Работники комитета просят: «Подъезжите домой. Тут недалеко». Я говорю: «Пожалуйста!» Выходим на улицу. Машины нет. Полчаса нет. Сорок минут нет. Они все ушли. Я готов был сквозь землю провалиться. Думаю, ну уж теперь-то, дорогой товарищ, переживший шестнадцать секретарей!. Наконец подъезжает он и весело говорит: «А знаешь, где я был? На площади возле вокзала, там громкоговоритель. Народу собралось! Твое выступление слушали. Здорово ты говорил». И представь себе, он опять остался работать.

Сослан смеялся.

— Понимаешь, я только через несколько дней сообразил, какой мог быть народ на площади. Дождище же лил проливной...

Зина тоже улыбнулась.

— Ты про Азамата говорил, — сказала она немного погодя. — Это тот самый, что здесь теперь председателем? Значит, в райкоме он не справился и его сюда? А разве нельзя было здесь найти хорошего человека?

— Нет! Нет! Про Азамата ты так не говори. Это все-таки сильный человек! Его еще многие, тот же Тотрадз, помнят славным парнем. Он, конечно, зазнался. А потом... Ты знаешь, что с тех пор, как я работаю в райкоме, число моих родственников увеличилось в десять раз. Трудно, очень трудно...

— Если трудно, то почему же никто не уходит по собственному желанию? Говорят, что Азамат был когда-то трактористом...

— Не говори так! Азамат, я, Тотрадз — все мы члены партии. Все мы — солдаты партии. И на какой пост нас поставят... Такие, как Тотрадз, Азамат, первые следы по бездорожью делали. У них — жизненный опыт. А это важнее наших с тобой дипломов. Мы — ты, я, наши сверстники — мы все пришли на готовое. И своей ученьстью, и культурой, и красивой одеждой обязаны им поту и крови. Находить недостатки всегда легче, чем строить. Переедешь вот на работу в район, хлебнешь деревенской жизни, тогда по-иному посмотришь на многое.

Зина задумалась, потом спросила:

— А какой был председатель до Азамата?

— А что?

— Я о нем столько наслышалась! Говорят, он связался с какой-то грязной женщиной и проматывает с ней колхозное добро. Ты, наверное, знаешь ее? — девушка остановилась и посмотрела на него очень пристально.

— Знаю. Есть тут одна такая... Откуда ты ее знаешь?..

Молчание. Спустя некоторое время он проговорил:

— Не все разговоры бывают правдивыми...

Сердце девушки вновь взбунтовалось. «Бессовестный!.. Посмотрите, какой ангелочек?»

Ей захотелось все это высказать ему. Но тут вспомнился Виктор. «Тянучая кислая каша!» — так его называли подруги Зины. Зачем быть похожей на него со своими подозрениями? Все любят Сослана, считают чистосердечным человеком.

Только какое-то гадкое ничтожество выдумало черную сплетню...

Они подошли к реке. Зина подняла камень, кинула его, камень упал возле берега. Кинула еще один. Сослан стоял безмолвно, наблюдая за нею. Потом негромко сказал:

— Послушай, ты хоть немного доверяешь мне? — Девушка молчала, и он, поймав ее руку с камнем, снова приглушенно продолжал: — Скажи, ты хоть немного любишь меня?..

Зина подняла на него глаза полные тоски, нежности и, запинаясь, ответила:

— Неужели ты не понимаешь этого? Я сейчас здесь с тобой одна, в поле... И ты, ты... еще... — Слезы комом подкатили к горлу, не давая ей говорить.

И вдруг словно невидимая пелена спала с его глаз, и он наконец почувствовал, что девушка любит его. И, переполненный какой-то новой силой, поднял ее на руки и начал кружить. А она, смущенно улыбаясь, смотрела в его глаза, словно надеясь прочесть в них все то, что мучило, что терзало ее сердце. Счастье... Вот оно счастье... В бездонных любимых глазах, в горячем дыхании, в близости нежных губ...

— Ты любишь?.. — его шепот смешивался с шепотом реки, с шелестом травы, и Зина, завороженная этой тишиной ночи, и этой ослепительно золотой луной, смеялась радостно и свободно.

* 18 *

Каламурза привез с собой Циусура. Они обошли коровники, потом закрылись в кабинете заведующего фермой, да так основательно, что им туда даже принесли обед. Разговор их был долгим и не очень мирным.

— Везет тебе. Как всегда везет, — Циусур произносил это с кислой улыбкой. Колхозный бухгалтер порядком растолстел, и, насколько медленнее стали его движения, настолько же неторопливее, с многозначительными паузами, звучала теперь его речь. Совершенно облысела голова, сейчас еще более напоминавшая зрелую тыкву.

— Везет тому, кто действует, — отвечал не без гордости Каламурза.

— Действовать ты всегда был мастером. А вот работать... От работы провалился бы твой кругленький живот.

Да, уж не так ласково, как когда-то, беседует Циусур с Каламурзой. И как не пожалеть горделивому Каламурзе, что этот «коршун» подходил когда-то к нему не иначе, как согнув спину, натянув на остренькую рожицу угодливую улыбку.

— Твой живот, между прочим, тоже бы мог немного поубавиться! А вообще, мудрый Мика правильно говорит: больше ишака никто не работает. Но ишак ходит всегда голодным. Уметь надо!

— Не быть бы тебе на виду, если бы мы не подкидывали тебе несчитанные деньги.

— Оставь, ради бога! — Каламурза попробовал поморщиться. — Может быть, я еще и пригожусь на что-нибудь. Не знаю, что вы мне подкидывали несчитанное, а я вот на вашу бухгалтерию, как вол, стараюсь. Вот возьми, посмотри. Помимо того, что сдаем государству, сколько еще тратится, — последнее слово он произнес с ехидцей, — на телят, на порослят. Должны мы поить молоком телят? Должны! Обрат порослятам обязаны спаивать? Обязаны! Все здесь записано, — и он захохотал.

Циусур взял тетрадку, заполненную столбцами цифр, и долго разглядывал.

— А ты не боишься, что в один прекрасный день кто-нибудь выведет тебя на чистую воду?

Каламурза опять усмехнулся. Тут все заранее и до мельчайших подробностей продумано. Ревизовать колхоз никто издалека не приедет. Если будет ревизия, то из района. А к тому времени ферма займет первое место. О ней нашумят в газетах. Надают премий. И если ревизия что-либо и обнаружит, то кто же позволит ей об этом заговорить?

Каламурза высказал все это Циусуру и добавил:

— Ты оставь ненужные разговоры! Надо подумать и об Азамате. Ему тоже хочется показать себя. Был первым секретарем, а теперь и с одним колхозом не справляется. Помочь ему надо. Пусть его имя прославится на веки веков. Пусть он опять станет первым человеком в районе. Тогда... Тогда и ты снова попал бы вот сюда! — Каламурза указал на свою широкую ладонь. Помолчал немного, усмехнулся, сказал не без ехидства:

— Твоя голова опять была бы в моих руках...

Циусур, умудренный жизненным опытом, допускал и такой поворот дела. Поэтому он не возмутился, не запротестовал и с философским спокойствием продолжал высказывать свои опасения:

— Твоя ферма приносит доход, считать по-старому, один туман, или нынешняя десятка. А два тумана расходует. Если ты возмешься председательствовать, все равно придется эти расходы как-то прятать. Да и дом ты слишком уж большой развернул... Может это кому-нибудь показаться подозрительным. А зачем тебе давать лишний повод для подозрений, если ты думаешь опять оказаться в председателях?

Каламурзу почему-то эти спокойные рассуждения взорвали.

— Ты опять мелешь чепуху. Забыл... Забыл, как раньше передо мной дрожал? — он вскочил и сунул свой кулак к носу бухгалтера.

Циусур тоже рассердился, побледнел от злости.

— Ты не кипятись. Прошли времена, когда ты и кулаки мог пустить в ход. Ты лучше послушай. Вот молоко у тебя... Сейчас килограмм обходится столько, что, если покупать на базаре, в два раза дешевле обойдется. Это во-первых. Во-вторых, на телят и поросят вы молока столько не тратите. Обман. В-третьих, по нескольку месяцев вы доили купленных коров. А коровы эти нигде не значились. В-четвертых, жирность молока ниже всякой нормы. Возчик, говорят, как проезжает мимо Большой реки, так доливает в бидон ледниковой водицы. И уж не будем говорить о том, что проделывает с молоком твоя сноха, эта Краса земли — Мария. А как покупали коров, то это знают только бог, ты да Мика! А ведь на эти расходы колхоз брал кредит от государства сотнями тысяч! Зато ты построил себе дворец. А твоя Машенька, говорят, покупает «Волгу». Да еще в кубышках у вас поискать под полом. Вот так, друг мой! — Циусур закашлялся. Но и надсадно кашляя, он смотрел прямо на Каламурзу. — Учет у тебя запутан. Всех своих доярок и учетчиков ты вокруг пальца водишь. Но если ты — хитрая лиса, то уж будь уверен, что я — твой хвост, а значит, похитрее тебя! Тамара за полгода надоила самое большее по полторы тысячи от каждой коровы. А ты показываешь по две тысячи. Словом... Словом, на те деньги, которые ты расходуешь на свои рекорды, можно организовать еще одну ферму. Удивляюсь, как не понимает тебя Азамат!

— Ты поосторожнее на поворотах! Пусть мои заботы тебя не касаются. Или тебе хочется, чтобы я опять подкинул тебе хрустящих бумажек?.. Или ты все считаешь, что колхозного добра в твой дом пошло меньше, чем в мой?.. О Тамаре ты помалкивай! Не твое это дело и не мое. Это решение Азамата. Чтобы, говорит, дочь Таурзат узнала вся Осетия! Вся Осетия, и не меньше! А Марию, да будет тебе известно, на работу Сослан устроил. Они друг друга без нас понимают. Ха-ха-ха! — Каламурза зашелся громовым хохотом. — Запиши все это себе, гололобый! Когда-нибудь, может быть, и пригодится!

Циусура оскорбила грубость Каламурзы, хотел он достойно ответить. Но слова заведующего фермой поселили

в душе бухгалтера смятение. Неужели Каламурза и Азамат работают парной упряжкой? А тут еще, оказывается, сам секретарь райкома замешан!.. Циусур уже был не рад, что затянул этот разговор.

— Ты говоришь... Ты почему говоришь, что я что-то брал. Что мне перепадало,— Циусур говорил сбивчиво.— Я сам не брал... Я брал по закону...

— Это по какому такому закону?

— Который... Ты бумаги подписывал. Твои резолюции. Ты разрешал.

— Ха-ха-ха! Безмозглая твоя башка! Так ты что, считаешь меня законодателем?.. Не шуми! Ты лучше меня понимаешь, что за такие дела бухгалтер отвечает не меньше председателя. Думаешь, если свою тыкву-голову обрил наголо, так она у тебя хитрее стала? Пустой черепок! Помалкивай! А то,— Каламурза из пальцев обеих рук сделал решетку,— угодишь вот в такую клеточку. А меня если и посадят, то я все равно на второй день выскочу. А ты там превратишься в кизяк. Так что уж лучше оформляй по-прежнему бумажки так, чтобы все шито-крыто было. А то небось честным трудом заработал эти дорогие костюмы? — Каламурза протянул руку к пуговице на бостоновом пиджаке Циусура и сильно дернул ее.

Никто так и не узнал об этом разговоре.

---

* 19 *

Человек подобен кораблю: чем дальше уходит он в море жизни, тем больше неожиданных испытаний встречается ему. Тотрадз испытал на себе это в полную меру. И если след, оставленный им на широком просторе жизни, не был той яркости, с которой на вечернем небосклоне горит первая звезда, то все равно его дела нужны были людям. И понимание этого всегда удваивало силы Тотрадза.

Всю осень и зиму в газетах писали о кукурузе, выращенной в колхозе «Красный Кавказ». На участок к Тотрадзу приехал какой-то журналист из города. Он написал небольшую книжицу о передовом опыте Тотрадза. В книжке был и портрет старика. В селении почти не осталось человека, которому скромница Бутиан под тем или иным предлогом не показала бы этой книжки.

И вот Тотрадз стал готовиться в дорогу. Со стены снял кинжал в серебряной оправе. Долго его рассматривал.

На войне, когда только перешли границу Германии, встретился Тотрадзу осетин-полковник. Полковнику недавно прислали из Осетии подарок, вот этот кинжал. «Я, пожалуй, слишком молод, — говорил лихой полковник, — чтобы носить такой кинжал. А тебе, дорогой земляк, он в самый раз. Помни этот день. Носи! И как говорят на Кавказе: «Без нужды не вынимай, без славы не вкладывай...»

— Не собираешься ли ты, старик, на новую войну? — спросила лукаво Бутиан, наблюдая, как ее Тотрадз натирает до блеска оправу.

— Война что! Там воюешь да воюешь. А теперь одному за целое селение! А может, за район! — Тотрадз задумчиво покачал головою.

Этот ответ вызвал у Бутиан радостный смех: «В какое путешествие, нет, подумать только, куда отправляется мой старик!»

Ладемир был тут же. Лоскутом холста чистил газыри отцовской черкески. Волновался: «А вдруг отец заговорит о Тамаре? Что отвечать?» И отец таки заговорил.

— Мой мальчик, — сказал он задушевным ласковым голосом (так он редко позволял себе говорить с сыном), — большой разговор с тобой, как ты видишь, мне сейчас вести некогда. Но ты подумай. Сам хорошо подумай. Лучше Тамары невесты мы тебе не найдем.

— Опять начинаешь ты этот разговор, — нахмурилась сразу Бутиан. — Зачем ты его начинаешь!

Перед отъездом Тотрадзу не хотелось заводить спор. И он ничего более не сказал. Понемногу само собой все образуется, встанет на место! А ему надо хорошо собраться. Дорога дальняя. В Москву. На совещание. Передовики-хлеборобы со всей России соберутся в Кремле.

До поздней ночи семья Габуевых снаряжала своего путешественника. А утром, чуть свет, перед домом остановилась райкомовская «Волга». Сослан, он тоже был приглашен в Москву, заехал за старым колхозником.

В поезде Тотрадз не ездил давно. С тех пор как вернулся в сорок пятом из Германии... Неуютно, тесно кажется в мягком вагоне. И думы, разные думы всю долгую дорогу будоражат душу и сердце.

«Кремль... Еду в Кремль. Говорят, большое будет собрание. А одно время говорили, что недостоин быть в партии. Разные Мики, Каламурзы совсем затоптать хотели. Нет, нет, правда сильнее!»

В сорок пятом торопился домой, некогда было разглядывать землю, по которой ехал. Да и много печально-го было на ней: развалины, запущенные поля. А теперь вот... Совсем другие поля! Деревни под добротной красноватой черепицей, то крытые серебристо-белым шифером или... соломой. Ох, есть еще, есть под соломой. А города хороши! Трубы. Много труб на земле. Это хорошо.

Москва наплыла на поезд что тебе Кавказские горы. Машины! Машины, машины! И почему они все торопятся?

«О да, собрание будет грандиозным!» — говорил Тотрадз про себя, когда на следующий день все собирались в Большом Кремлевском дворце. В душе его поселилось беспокойство: «Как же тут говорить? Очень трудно. И зачем было соглашаться на выступление!»

Огромный и длинный, как Дарьяльское ущелье, дворец полон людей.

Открылось собрание. Зачитывает человек с трибуны фамилии и имена тех, кого предлагают в президиум, и вдруг: «Габуев Тотрадз, знатный хлебороб Северной Осетии». У Тотрадза сердце заколотилось. Посмотрел он беспокойно на Сослана, сидевшего рядом.

— Иди, иди, тебя приглашают, — и Сослан, как озорной мальчишка, легонько подтолкнул его в бок локтем.

Тотрадз, чувствуя во всем теле незнакомую слабость, осмотрелся по сторонам и, будто виноватый, опустив низко голову, пошел нескорым шагом в президиум; в руках — небольшой сверток. Клокотали аплодисменты, и Тотрадзу показалось вдруг, что он где-то на берегу Большой реки, с грохотом несущейся мимо.

«Вот здесь, наверное, и Ленин тоже сидел... Как коротка жизнь человека... О, если бы вдруг, по воле неба и земли, он оказался среди нас...» Перед взором старого опять встал Мавзолей — вчера он был в нем. Люди... «Сколько людей! Вытянулись, как раз, наверное, от наших Дубрав до районного села». Ноги не слушались, не шли вперед. А сзади — люди... Тотрадз не стыдился слез... А Калинин? Хорошо помнится Тотрадзу, как однажды всесоюзный староста приезжал в Осетию... Сам, своими руками вручил ему награду. И Киров, которого он встречал в те далекие, тяжелые, но счастливые годы. А все они сидели совсем еще, кажется, недавно здесь вот, за этими столами...

«Слово предоставляется Габуеву Тотрадзу», — он услышал это откуда-то издалека и приподнялся механически, еще не сознавая, что пришел его черед и надо сделать трудные шаги к трибуне.

Он слышал, как люди аплодировали, а видел их плохо. Вспомнил вдруг свою Бутиан. Сварливую и расторопную, упрямую и любящую. «Эх, если бы увидела она, в какое положение попал ее старик. Это, может быть, не легче, чем на самой жестокой войне».

— Путь наш становится все более правильным и ясным.

Сослан волновался за Тотрадза не меньше, чем сам старый на трибуне. Знал секретарь райкома, о чем собирался сказать знатный хлебороб. Но сейчас, слушая задушевно-теплые слова земляка, удивлялся. Не о себе говорит Тотрадз. И не о своем «Красном Кавказе». Но каждое его слово — о душе труженика-землепашца. Каждое слово — это выражение того кристально-чистого, строгого взгляда, которым умудренный жизнью хлебороб смотрит на мир.

— Хорошие у нас урожаи. А мы все же считаем — нет, не совсем хорошие! И с молоком у нас куда лучше может быть. И с мясом. Мы, колхозники, очень повинны во многих недородах. Но виновато и руководство... Главная забота у некоторых руководителей: как бы с рапортом в Москву не опоздать. В прошлом году (да разве только в прошлом) у нас кое-где заставили ломать зеленую кукурузу. Задерживаете, говорили, рапорт в Москву. Так как же это получается! Москве нужен рапорт или хлеб?.. Мы много говорим о кукурузе. Да, это чудесное зерно. У нас его называют нартским зерном, то есть богатырским. Кукурузе надо уделять много внимания: она любит обхождение, как барышня на выданье, любит ласку, как дитя. Она — и зерно, и скот. И, выходит, молоко и мясо. И яйца, и курица... Но к ней надо тоже с умом. Нам иногда предлагают, можно сказать, силой предлагают сеять вот эти семена! И сейте, дескать, их так-то. И вот эдак-то! Разве же это дело высоких начальников? Это же наше дело и наших ученых. Нам внизу виднее. Прошу, пожалуйста, поймите меня правильно: я не против высоких начальников.

В зале смеялись. Сослан тоже улыбнулся и посмотрел горделиво по сторонам: «Ну, как, мол, нравится вам наш старик?»

Тотрадз взял сверток, который принес с собой, на трибуну, осторожно развернул его.

— Может быть, кто-нибудь не понял меня... Вот о чем я волнуюсь, о чем рассказываю, — и в каждой руке приподнял по огромному янтарно-желтому початку.

И снова ему аплодировали. А Тотрадз, сказав обо всем, что так долго носил в душе, словно разогнувшись от тяжелого груза и потому даже как-то помолодев, стоял на трибуне и будто уходить не собирался.

«Так я рад, что вместе с вами! Сколько нас тут! А сколько нас всех на земле! Как я рад!» — говорил его добрый взгляд. И одна мысль мелькнула вдруг еще у него и заставила глаза его лукаво сощуриться. «Ах, эта сварливая Бутиан! Да взглянула бы она сейчас на меня! Может быть, и поняла бы, из-за чего я хлопочу каждый день!»

---

* 20 *

Сослан возвратился из Москвы вечером. Ворота были открыты, и он удивился: мать никогда их так не оставляла. Торопливо закрыл их, поднялся в сени. Здесь он увидел женские резиновые сапожки, на вешалке — незнакомое пальто. Незнакомое? Но... Но до пальто ли сейчас! Не случилось ли чего с матерью? С тех пор как он привез ее из города (вот что значит привычная обстановка!), ей стало, кажется, лучше. Здесь и сверстницы ее навещают. А то и сама пойдет к ним. Или просто на лавочке возле калитки посидит. Молодые годы вспомнит. И легче сразу на душе, просторнее... Но не случилось ли чего с нею?

Открыл двери в комнату, остановился. На кровати лежала его старая мать. Перед нею, спиной к дверям, сидела на стуле...

— Что с тобой, мама?

Мать повернула к нему худое, осунувшееся лицо, посмотрела строго (она всегда была к нему строга, считая его до сих пор несмышленым мальчишкой) сказала:

— Ты бы сначала поздоровался с гостью.

Зина! Это она сидела перед кроватью. И сейчас, повернувшись, смотрела на него без улыбки, без смущения, с той простою строгостью, какая обычна у врачей, беседующих с родными больного человека.

— Каким ветром, какими судьбами? — он все еще не знал, радоваться ли ему (здесь Зина!) или нет (что с мамой?).

— А еще руководитель района! — с усмешкой, но без язвительности проговорила Зина, поднимаясь навстречу. — Не знает, что происходит в его владениях. Я здесь на работе, да будет вам известно, уже целую неделю...

Потом они с Зиной сидели вдвоем. Мать в своей комнате уже уснула, и, чтобы не тревожить ее, они говорили вполголоса.

— Ну, так когда? — смущаясь, но пересиливая свое волнение, спрашивал Сослан. — Когда будет наш с тобой день? Чтобы ты сидела и не торопилась. И не думала, что уже поздно. И что кто-то может сказать... Когда наша свадьба?

Зина заговорила о больнице. Надо, мол, ее отремонтировать. А может, и новую построить — эта очень тесная. Говорила еще о своей матери: очень она страшится, что в дикой сельской жизни дочь пропадет, потеряет все свои музыкальные способности. Но отец... Он все понимает. И подруги... Будто на свадьбу провожали — целый воз подарков.

— А ты? — у Зины были счастливые глаза. — А ты видел правительство? Тоградзу дали орден? Это значит и тебе...

— Об этом потом. Я расскажу тебе все. Но сейчас ты скажи...

У Зины сейчас были чудесные глаза. И голос ее был особенно нежен. И в мыслях ее не было стройности: она то говорила о чем-то, то вдруг задавала вопрос и не выслушивала ответа. И радовалась она, может быть, не столько тому, что встретила его, сколько потому, что остро переживала победу, которую одержала, решившись ехать в это село. И Сослан вдруг подумал, что напрасно он спрашивал ее. «Этот вопрос, — он вдруг обратил внимание на то, что о самых душевых делах уже размышляет казенно; поймал себя на этом и усмехнулся. — Этот вопрос придется решать опять же ему самому. Руководителю. И руководителю необходима... Как это лучше сказать? Семья? Семейный очаг? Супружество?.. Бог ты мой! Сколько слов. Какие слова. А ведь тут пока все просто — Зина. Моя Зина. Как это необыкновенно звучит: «Моя Зина!»

Он подошел к ней и положил на ее щеки ладони. Она подняла глаза и посмотрела ему в лицо.

И будто от яркого света зажмурилась. Улыбалась счастливая...

---

*.21 *

— Начнем работу. Вы, конечно, знаете, зачем вас пригласили в райком, — Сослан, отодвинув один из стульев перед длинным столом, за которым сидели Азамат и Борис, сел против гостей.

Вернувшись из Москвы, первый секретарь Дубравинского райкома партии обехал почти все колхозы, не упуская нигде случая обстоятельно поговорить с людьми. Теперь каждый вечер он приглашал поочередно руководителей, чтобы неторопливо и во всех деталях обсудить план на новый год и в перспективе на несколько будущих лет. Сегодня назначена встреча с председателем и парторгом «Красного Кавказа».

— Давайте выкладывайте все, как на духу. Что задумали, что запланировали.

— Много, очень много задумали мы в своем колхозе, — медленно, тоном человека, хорошо знающего свое дело, начал Азамат.

Сослан вслушивался в его слова, стараясь уловить настроение, с которым говорил этот человек, всегда вызывавший у него самые разноречивые чувства. Много ли искренней глубокой веры в его словах? Или — так надо, так требуют? Вслушиваясь в называемые Азаматом цифры, он обратил вдруг внимание на его новый костюм из добротного трико. Сорочка ослепительно белая, с накрахмаленным воротником. Темно-синий галстук в тон костюму. «Хорошо, — почувствовал вдруг Сослан прилив теплой сыновьей уважительности. — Снова расправляет свои плечи Азамат. Хорошо!»

В кабинете сидел и председатель райисполкома Алибек. Подчеркивая свою значительность, расставив широко локти, он угрюмовато насупился, слушал с предельной внимательностью... Казалось, что слушал, а на деле не без щемяще-сладостного чувства смотрел из-под толстых очков на Азамата, думал: «Когда-то был у него в подчинении. Каждое слово... Даже запятую неправильно поставит — трогать не смей!..» И когда Азамат сказал, сколько же па каждый гектар через два-три года в

колхозе будет производиться молока, какая планируется урожайность, он почел нужным высказаться.

— Позориться, значит, собираетесь перед всеми?

На его слова не обратили внимания: Сослан что-то писал. Азамат неторопливо и ровно, как перед залом, полным людей, продолжал размышлять о перспективах и о том, что уже сегодня можно считать достигнутым.

— Таким образом, производство зерна и продуктов животноводства увеличивается в два с лишним раза. Это обеспечивает полновесный трудодень: пять-шесть килограммов хлеба, ну и, естественно, овощи, картофель. А скорее всего мы перейдем на денежную оплату. Так устойчивее. Нам нужен новый клуб. Нужна баня. В то же время абсолютно необходимо построить еще один коровник, а также телятник. Электричество — проблема номер один для нашего колхоза. Планируем уже к весне дать свет в дома колхозников. Лично мое мнение: воздержаться пока от бани и клуба. Парторг настроен иначе. Без клуба и бани, заявляет, не бывать никакому плану. Тяжело... Да, тяжело будет осилить все это строительство, но мы твердо намерены намеченные планы претворить в жизнь.

— Вы еще бы побольше запланировали на трудодень, — язвительно вставил Алибек. — За счет господа бога. Он добрый, он, что ни попросите, пошлет.

— Прежде чем записывать в планы, мы основательно подумали, — ответил спокойно Азамат. — Без хорошей оплаты труда нечего думать о каком-либо развитии хозяйства.

— Вы, помнится, всегда были против потребительского подхода, а почему теперь такие цифры на трудодни? Это противоречит указаниям центра.

Ему опять не ответили. И молчание всего более оскорбило Алибека. «Нет, вы посмотрите на него! — хотелось воскликнуть ему, указывая на Азамата. — Запятыеставил не там, где нужно, а голову по-прежнему задирает!» Вспомнилось, что недавно рассказывал Каламурза. У Азамата теперь любимые слова: «Всю жизнь на своей спине таскал Алибека. Не я, так ему бы и в пастухах места не найти».

Хотелось Алибеку за все прошлое и за эти слова о месте в пастухах уколоть, унизить сейчас Азамата. Но удерживало присутствие Сослана. Как настроен сейчас секретарь райкома? Держит он всегда свои мысли за

семью замками — не подберешься к ним, не предугадаешь их. Но, как бы там ни было, Алибек все-таки не отступил и голосом, который уже сам по себе говорил о высокой правомочности этого человека перед низовыми колхозными деятелями, продолжал:

— Не подумали, значит, не подумали. Обидно за вас. Обидно. Планируете так, чтобы самим все съесть. Баня! Зачем, скажите, вам баня?

— Ты опять, как всегда, непогрешимо прав! — не сдержался Борис, и даже тон его голоса стал очень грубым. — Зачем действительно людям баня?

— Ноги надо протягивать, значит, по постели.

— Кому по постели, кому и по одежке, — Борис поднялся и вышел из-за стола. Остановился меж окнами, прислонясь к простенку спиной.

— Я считаю, шестьдесят центнеров зерна с гектара записывать пока опасно, — говорил сердито партторг, словно продолжая спор с Алибеком. — И это не только мое мнение, так думают и колхозники. Но вот что двадцать центнеров кукурузы с гектара! Не мало разве? В наших условиях! Чернозем! Мощная техника! Хорошие семена! Если время засушливое — пусти на поле воду! В прошлом году на участок Тотрадза вода пошла только в середине лета. И то, посчитай-ка... На гектаре вырастает сорок тысяч ростков. На каждом стебле по одному кочану уж обязательно! Это тебе самое меньшее сто граммов. Значит, на гектаре — сорок центнеров! Это можно и нужно! И тогда людей досыта накормим хлебом. Будет и на одежду, и на домашнюю обстановку, и государству...

— А языком у вас здорово! На песке замки строите, на песке! А планы должны быть реальными!

— А ты поезжай к нам и поговори об этих планах с Габуевым Тотрадзом! — резко вмешался Азамат.

— Кхе! Кхе! — это покашливание Алибека звучало настолько насмешливо, что Азамат сразу понял, над чем он пытается иронизировать. Но эта насмешка ничего не задела в душе Азамата. Он сказал:

— Все, что записали, мы построим. Что запланировали, дадим колхозникам.

— Фантазия! — не отступал Алибек. — Сплошная фантазия!

Азамат бросил на стол бумаги, которые держал в руках. Он не хотел говорить с председателем райисполкома, потому что знал, никакого разговора все равно не

получится. Но бывает так: побежал вдруг человек под горку и попробуй-ка остановись.

— С каких пор ты стал различать, что фантазия, а что нет? Помнится, совсем недавно ты не умел отличать пшеницу от ячменя!

— У вас научился, значит!

— А вот это верно. Таких, как ты, я учил безделью. Прятались за моей спиной. Ишаком таскал вас на своем горбу, — Азамат, разгорячаясь, закинул руку на плечо, попытался похлопать себя по спине.

— Это я уже слышал, — Алибек опять вспомнил. Каламурзу. — Но ты забываешь, значит, о своем месте. Или ты все еще, значит, первый человек в районе.

Лицо Алибека пылало от злости; чем больше он распалялся, тем все чаще выскакивало его «значит, значит».

— Ты почти стал первым? — Азамат тоже начинал свирепеть. — А научился чему-нибудь?.. Ничему не научился. Не годишься ты ни в первые, ни в последние, ни в друзья, ни во враги! Послушай-ка, попробуй уразуметь... На наших землях кукурузы можно вырастить' в три-четыре раза больше сегодняшнего. Нам этого пока не суметь. Но в два раза. Только в два! Можем?.. Да, можем... В прошлом году мы надоили по две тысячи литров. В этом году обязуемся по две с половиной. Разве это несбыточно? Ты же ветеринар. — (Эти слова так задели Алибека, что под ним затрещал стул.) — А мясо?.. Ты поросят когда-нибудь держал дома? Да, нет? А я выкармлививал... И баню построим. И свет проведем. Тебя ничем не затрудним, председатель нашего райисполкома. И не бойся, что мы людей перекормим. Будь спокоен, они знают, и лучше нас с тобой, не только как работать, но и как есть. Не все они еще живут, как те, которые нам с тобой приемы устраивали. Тебе-то этого не понять. Но я... Хрен на вкус определишь, когда в рот положишь.

«Нет, посмотрите на него! — Сослан с восхищением смотрел на Азамата. — Как разошелся! Какой молодец!»

Много, очень много пришлось за эти годы передумать и перечувствовать Сослану.

Он видел, что нередко на посту, важном и определяющем, оказывался человек, который все в жизни рассматривал лишь с точки зрения своего благополучия. Никаких интересов, помимо сугубо личных. А то и еще хуже: глупость, ограниченность. Вот — Алибек... Боялся Сослан быть предвзятым к товарищу по работе. Но с каждым

днем убеждался: не на своем месте человек, зазнался. Да из него и толкового ветеринара не получится.

— Скажи, ради бога, это что же значит? — Алибек алый, как перезрелый помидор, широко разведя руки, смотрел на секретаря райкома. — Значит, Тутров сюда пришел издеваться? Почему грязной слюной брызжет? Значит, кто я для него?

А ведь дружны, как дружны одно время были! Готовы были прятаться за пазухой друг у друга.

Надо было кончать спор, уводивший в сторону от серьезных забот.

Из Москвы Сослан привез горячее желание сделать как можно больше, как можно скорее поднять на ноги колхозы района. Но каждый раз, когда садился считать с карандашом в руках, видел: не сходятся концы с концами. Обязательства... Как часто навязывались обязательства, совершенно не подкрепленные реальными возможностями. И Сослан временами тоже чувствовал этот соблазн: взять объявить, оповестить всю республику. Но каждая встреча с колхозниками, каждый разговор с такими людьми, как Тотрадз, убивали ростки этого соблазна. «Нет, только по совести, — как клятву вспоминал он сказанное когда-то самому себе. — Только по совести...» Разве не правы сейчас Азамат с Борисом? Пусть спор Азамата с Алибеком — это только личная неприязнь. Но какая же потребительская тенденция — добротная оплата труда?

Ему нравился план, над которым в «Красном Кавказе», видимо, хорошо подумали и поспорили. Но он не хотел сейчас говорить какие-то благословляющие-одобрительные слова, которые как точка над «и», после которых уже ни думать, ни спорить не о чем. Он не хотел говорить этих слов потому, что боялся, как бы руководители «Красного Кавказа» не успокоились и не подумали, что сегодняшним разговором все завершено.

— Обсуждайте свои планы на общем собрании, — сказал он, оставляя без внимания выкрик Алибека. — Думаю, что колхозники внесут еще коррективы. А потом уж на бюро райкома, на райисполкоме...

— Ты, значит, тоже с ними? — Алибек позабыл, что уже давно решил скрывать свои чувства к тем, кто выше его в должности. — Значит... Это значит, — повернулся к Азамату, — значит, по-твоему, Тутров, я раньше ничего не умел?

— Наушничать...

— Я?.. Сколько раз ты мне давал поворот от ответственной работы? А кого сняли? Меня или тебя? Кто создавал свой культ? Ты или я? Кто, значит, был идолом? Кто, значит, преследовал людей? Снимал, переставлял, взыскания, значит?.. Кто? А Тотрадза...

— Я! Я!.. Значит, значит! Ты этого не делал, потому что не мог. А если бы мог, тогда бы это было совсем плохо! — Азамат внезапно почему-то захохотал, но вдруг, рывком поднявшись со стула, схватился за сердце.

* 22 *

Темирболат крепко запомнил тот день, когда поругался со своим старшим сыном. На душе было плохо. Ему казалось, что теперь все смотрят на него осуждающими, гневными глазами сына. Но как бы ни было ему плохо, он безмерно обрадовался, когда услышал весть о награждении Тотрадза орденом Ленина.

Но когда тот вернулся из Москвы, Темирболат пошел навестить его не сразу. Что-то удерживало его, а что — сам толком не мог понять. Наконец, на третий день, поздно вечером вернувшись из лесу с арбой, полной свеженарубленного орешника, вдруг заторопился в дом Макеевых. Без стука, как член семьи, войдя в комнату. Темирболат долго смотрел на орден, привинченный к темно-синей шерстяной рубашке Тотрадза, потом обхватил друга короткими толстыми руками и принялся кружить его по комнате под снисходительно-насмешливым взглядом Бутиан: «Совсем мальчишки! Головы седые, а мальчишки!»

Потом друзья сидели за столом, и Тотрадз рассказывал. И, рассказывая, так был увлечен, вновь переживая все виденное, что не заметил, как все задумчивее становился Темирболат. Лицо его потемнело, густые желтоватые, будто тронутые подпалиной, брови совсем сошлись.

Откуда знать вернувшемуся из Москвы человеку, что терзал его друга! Какие думы рождал восторженный рассказ о столице, о праздничном и деловом Кремле! Слушал Тотрадза Темирболат и думал: «Посмотрите на него: совсем юноша! А одежда?» И он снова ощупывал взглядом новую шерстяную рубашку, новые, в искорку, брюки галифе, легкие черные сапоги. «У меня и в молодости таких не было». Где-то глубоко в сердце затлел

огонек зависти. «Почему ему не быть одетым, когда вдруг такой почет! Целыми днями вокруг него толпа. И наши тут, и приезжие. Прославившийся генерал! А где же он прославился? На политых нашим потом полях!»

Темирболат вдруг стал сердиться на себя за собственное недоброжелательство.

«Эх ты, — сказал он себе. — Вспомни, как друг твой боролся за правду. На что он надеялся? «Дни идут и жизнь меняется». Меняется, да меняется... Человек должен всегда оставаться человеком! Должен оберегать свою честь и славу... Иди своей дорогой, трудись честно, и труд твой не пропадет. А как же... Как же... Слышишь, как он говорит? Рано, говорит, или поздно, но правда побеждает. Всегда выяснится, кто прав и кто виноват. Каждый человек, говорит, не должен забывать об этом. Слушай, слушай его... А я о чем думал? Только о животе, только о своем, да о своем. И что выиграл? От бедности, от Каламурзы бежал в горы. Потом вернулся обратно. И, вернувшись, попал в лапы того, кто был занозой под ногтем! Почему и как я подружился с ним? Обломки кирпичей и обрезки досок соблазнили! А что я из них сделал? Забор? А зачем он мне нужен? Или я собираюсь за ним творить какие-нибудь грязные делишки?.. Эх, пусть люди этими кирпичами выложат мою могилу, из досок сколотят гроб...

А еще ведь я совсем задаром ишачил на этого мерзавца Каламурзу! И он же теперь мне говорит: «Погубил ты меня, не доделал дом». Пришлось, говорит, пригласить рабочих из города. Да приглашай хоть с того света, какое мне дело! Не мои дети будут жить в твоих хоромах! Но каким же я оказался дураком. Не мог понять, что волк овце не может быть приятелем!.. А он ведь грозит: «Веди себя смирно, а то плохими будут твои дела. Я, говорит, за счет колхоза дом поставил... Все, мол, колхозное: и лес, и цемент, и каждый гвоздь!.. Но, говорит, ты все получал. Ты за все расписывался. И если будут спрашивать, то только с тебя. Все с тебя! За мной, говорит, не записано ни одного гвоздика. Не я, говорит, а ты сядешь в тюрьму». Ах ты собачий сын! Ах ты урод, родившийся от осла и мула! Но чего только не сделает этот подлый человек! Не одного и не двух он сгубил. И знакомые у него есть, и приятели. Ворон ворону глаз не выклюет!.. Каким же я оказался дураком! Как легко подманивал всякие его бумажки. Лесоматериал? Пожалуй-

ста! Кирпич? Будь добр! Цемент? Давай, давай подпишемся! Разве был на свете еще один такой дурак, как я? Но... Но шалиши! Все-таки по-твоему не получится! Я вот этими руками разрублю твою толстую шею, вспорю твой большой живот и вдоль, и поперек», — Темирболат даже поднял над собою руки. И тут Тотрадз, глянувший на друга, понял, что тот не слушает его, занят своими мыслями.

— Что ты смотришь на меня? — вскочил вдруг Темирболат. — Что смотришь? Или никогда не видел круглого дурака? Не видел? Так вот смотри: перед тобой, — он кричал, как будто бы Тотрадз был от него далеко, далеко. — Перед тобой этот круглый дурак!

— Может быть, и так. Тебе виднее, — наконец Тотрадз стал догадываться о том, о чем Темирболат не хотел говорить вслух.

— И тебе, слава богу, все было видно, — не своим голосом проговорил Темирболат. — Извечная, проклятая болезнь: заработать побольше, точнее — урвать побольше. — Он вскочил с места, стал размахивать своими почерневшими, землистого цвета руками и спева заговорил: — Даже к этому, слышишь, ненавистному человеку пошел, надеясь заработать. Но на чем? На краденом. У тебя, у меня, у Таурзат, у всех у нас. И я из этого награбленного тоже хотел построить для себя новую крышу над головой. Пусть лучше такая крыша обвалится на мою глупую голову. Не хочу я, слышишь, не хочу!

Тотрадз не ожидал, что после приезда из Москвы его встреча с давним другом произойдет вот так. Вдруг до сердечной боли стало жалко его. В душе старика смешались и жалость к нему, и досада за то, что он так долго и упорно заблуждался, и то, что ему, Тотрадзу, не удалось раньше внушить Темирболату мысль о том, что он заблуждается.

— Ну, а теперь? Что ты думаешь делать? — И в упор, испытующе посмотрел на Темирболата.

— Работать, работать. С тобой. У тебя в звене. Если, конечно, примешь, — и как-то виновато, по-мальчишески заулыбался Темирболат.

Тотрадз о чем-то тяжело задумался.

— Или я не гожусь тебе в помощники?

— Да нет, не об этом я, понимаешь... Как тебе сказать. Недавно я одному, в сущности, хорошему человеку говорю: «Чирь у тебя на носу вырос, гнойничок. Проколоть

его надо, вырезать, понимаешь»... — Тотрадз как будто запнулся, помолчал, подумал и опять заговорил: — Пойдем мы с тобой завтра к Азамату. Все расскажем. И про дела на ферме, и о покупке скота, и о том, как он, этот Дудиев, дом построил. Что ты хмуришься? Не хочешь? Иль боишься? Ничего тебе не будет. Все расскажем. Словом, вырежем эти гнойнички. Так как? Веришь мне? Ну, что ты молчишь?

— Верю, — как бы выдавил из себя Темирболат. — И пойду! — уже более решительно сказал он. — Куда угодно пойду! К кому угодно пойду! — Темирболат вновь овладел собой и старался говорить спокойно. — Твой рассказ был рассказом настоящего человека. О настоящих делах. Нет, а я... Нет, нет, извините! Я тоже человек! Я тоже ношу имя человека! Ну, пока. Будь здоров. Мне некогда, — и он, размахивая короткими руками, пошел к дверям.

---

* 23 *

Дни мчались, как камни, обрушающиеся с крутого склона горы... Возле сломанного тополя на берегу Большой реки вырос новый, непохожий на здешние, дом из красного кирпича, с широкими окнами, высокими дверями. В доме — гостиная, спальня, рабочий кабинет, детская, столовая, ванная комната. На чердаке (Каламурза называл его красивым нездешним словом «мезонин») две комнаты с балконом на улицу. А еще половина чердака защементирована, посередине стол и стулья-кресла.

Как хорошо посидеть здесь вечером, когда солнце опускается за горы, окрашивая последними лучами край неба в алый цвет, когда легкий ветерок мягок и ласков, ну что тебе подшерсток на баране. А как сладко здесь спится! Утром поднимаешься с таким настроением, будто за ночь выросли крылья, и ты готов состязаться в полете с орлом.

Но в эту ночь Каламурзе спалось плохо. Мучили тревожные сны... Приснилось, будто стоит он на берегу озера, где когда-то видел, тоже во сне, купающуюся Марию. Оползает песок, и ноги все больше и больше погружаются в него. Вот уже по грудь. Сильно задвигался, перевернулся в постели Каламурза и проснулся. Вскочил. Стоя посреди комнаты, сделал несколько движений руками, громко зевнул, уперся глазами в большое зеркало, ви-

севшее на стене. Пухлое лицо глазами, полными тоски, смотрело на него из полумрака.

Да, будешь тоскливым! Совсем недавно со своим другом Алибеком встретился снова у Машеньки. Тот рассказал кой-какие новости. Будто в прокуратуре появилось заявление... Правда, Алибек обещал все уладить. Но удалось ли уладить? Каламурза потерял с тех пор покой. А вчера на партийном собрании... «Но это только разговоры,— успокаивал он себя.— Пускай говорят на здоровье. Чтобы найти мои следы, им придется спускаться под землю!..

Вот так, орденоносец Габуев и долговязый Борис! Ничего у вас не выйдет! Я умею замечать следы. Пока вы меня уличаете, я продам дом и переберусь в город. Не пропаду. Если уж не пропадают такие ротозеи, как Азamat, то я и подавно не пропаду!»

— Все вы там погибли, что ли! Куда все подевались! Мальчик, ты-то куда запропастился? — крикнул он во двор.

Фаризат открыла дверь и, не переступая порога, посмотрела на мужа. Она, видимо, собралась на работу, и вид ее поразил Каламурзу: из-под опущенной на лоб красивой косынки на него весело смотрели черные молодые глаза; лицо жизнерадостное, загорелые щеки такие цветущие, будто те слезы, что бежали по ним долгие дни и ночи, смыли всю блеклость, разгладили все морщины.

— Какой у тебя бравый нынче вид. Не пришло ли чего на ум? — попытался пошутить Каламурза и вспомнил вдруг ее совсем молодой. Тогда в селении девушки красивее не было. Стройная фигура, тонкий стан, а черные косы до самых ног. Она нравилась парню, который работал с Каламурзой. Парень попросил того быть его посредником. Каламурза согласился, но быстренько обернулся в свою пользу.

— Задумала что-то?..

— Что удивительного в том, если кой на кого глядя, один раз и задумаю...

— Ладно, ладно, не начинай опять. Ты свой язык слишком распустила. Вот смотри... — Каламурза взял рубашку и сильно тряхнул. — Кто должен следить за этим?

— Та, которую ты покидаешь только после последних петухов.

— Ты не болтай, а то я тебя!.. — другой раз он за такие слова, конечно, посчитал бы ей зубы, но такое теперь неспокойное время! Понизил голос: — Ну, давай, приготовь мне скорее!..

— Вон, на столе, утюг, в печке — огонь, завтрак — на сковородке. А мне некогда, я иду в поле на прополку, — и, ничего не сказав больше, она прикрыла дверь.

— Черти на тебя, что ли, сели? — крикнул ей вслед Каламурза. — Перед людьми стыдно! Или ты уже и стыда не понимаешь?.. Вселились в новый дом и ничем еще этого не отметили! Никого не позвали! Надо же пригласить людей, бестолковая твоя голова!..

— Пусть и в этом деле тебе поможет добросердечная сношенька! — крикнула со двора Фаризат и скрым шагом вышла за ворота. Муж безмолвно постоял, потом яростно плюнул себе под ноги и сквозь сжатые зубы выругался.

С тех пор как Каламурза сошелся с Марией, Фаризат опостылела ему. Не зря же говорят в народе, что нелюбимый не ест, а чавкает, не ходит, а шаркает. Но он ничего не мог придумать, чтобы освободиться от нее. Бежать с Машенькой? Но куда? Если он открыто будет жить с женой своего однофамильца, то совсем опозорится. Врагам теперь нужна только лишь какая-нибудь зацепка.

Продолжая ругаться сквозь зубы, он надел неглаженную одежду, не стал разогревать завтрак, пошел к Мике. Но и здесь его не обрадовали.

— Какие-то дошли до моих ушей разговоры, — встретил его мельник. — Будто на тебя... Чем все кончилось?

— Ты не знаешь, чем кончилось? Разве когда-нибудь было такое, чего ты не знал бы!

— Мне кажется, что тебя погубила эта потаскуха. Я говорю о дочери Таурзат. Она себя обелить старается. А потом еще — Темирболат. Прибежал он ко мне недавно. Я, говорит, работал для него, как украденная лошадь! На тебя то есть. Почему же, говорит, он не заплатит мне! Я ему сказал, что ничего не знаю о ваших делах. Но дал понять, что и ему подбрасывали кое-что за счет колхоза. Он почесал себе спину и ушел.

— Черт с ним, с этим Темирболатом. Ему и сам я дал понять, что если будет зря болтать, то найдет себе место за решеткой. Он меня боится, помалкивает. А вот ротозей Алибек сказал, что будто бы кто-то написал

на меня прокурору. И еще сказал, что будто эта распутная девка болтала о покупке скота. Мне, конечно, здесь ничего не грозит, потому что покупал скот ты.

— Ты не говори! Не наговаривай! Себя не выгораживай! — Мика хватал ртом воздух, как рыба, выхваченная из воды. — Вон, говорят, дворец построил. Машеньке своей машину покупаешь. Да если тут копнут...

— Ну ладно, ладно, замолчи! — Каламурза попытался захохотать, как будто между ними не было неприятного разговора. — Даже собака лает немного, если она старая. Лучше накрой-ка стол... Вон, слышишь, идет и твой лучший друг. Ты, может быть, кого-нибудь еще ждешь?

«Таких, как вы, и двух много», — сказал вполголоса Мика и, заставив себя улыбаться, пошел к дверям встречасть Циусура.

* 24 *

Тамара закончила работу поздно вечером. Умылась, захватила с кухни чашку молока и кусок свежепеченого пшеничного хлеба: сейчас от усталости есть еще не хотелось. Когда вошла к себе в комнату, то даже растерялась: не прибрано, пыльно. Сегодня утром она немного проспала. И, вскочив с постели, сразу убежала к скотине. Днем зайти сюда было некогда: у Азау выходной день, и ее коровами сегодня тоже пришлось заниматься...

Отодвинула от стенки железные кровати, обмахнула маленьким веником дешевенькие ковры, висевшие над ними, стряхнула белую скатерть, подмела пол. Принесла воды, полила цветы в горшках на подоконнике. Кончив уборку, переоделась, подошла к книжной полке. Взяла третий том «Войны и мира». Все некогда его дочитать. Приближается сессия в институте, надо готовиться. Перелистыв несколько страниц, Тамара с сожалением поставила книгу обратно. Взялась за учебник «Болезни сельскохозяйственных животных». Однако сегодня, как никогда, ничего не запоминается. Мысли все не о том... Достала из ящика стола флакон духов, долго смотрела на него, поднесла к губам, словно хотела поцеловать, потом глубоко вздохнула. «Счастливая Азау. Меня бы на ее место. — Подумала так и рассмеялась. — Тогда бы я была его сестрой... Сестрой. И совсем бы тогда... Совсем по-другому о нем думала. И сейчас бы совсем не о нем...»

В последнее время она несколько раз встречалась с Ладемыром. Однажды он даже зашел сюда, его заманила Азау: «У Тамары день рождения!» Правда, в тот самый день он не появился; но на следующий... Смущенный, взъерошенный и будто разучившийся говорить, он достал из кармана коробку конфет и маленький сверточек — капроновые чулки да вот этот флакон духов. Но не захотел присесть. «Занят. Занят». Ушел. Только в дверях вдруг повернулся, из-под низко опущенных бровей сверкнули горячие искры и обожгли опять девичье сердце.

Почувствовала Тамара, что холод в душе, лежавший подобно старому снегу, вдруг начал таять. Простодушная Азау, заметив, как изменилась подруга в последние дни, сказала как-то:

— Ты вот зовешь меня ласточкой, а сама, ну как синичка порхаешь...

Скрипнула дверь, и в комнату неслышными шагами вошел Каламурза.

— Салам предводительнице нашей молодежи и лучшей из девушек земли! — он старался говорить негромко, потому голос его звучал хрипло; Каламурза захватил волосатыми руками ее ладонь, крепко сжал. Но Тамара тут же вырвала у него свою руку.

— Занимаешься? Счастливая! — глядя на бледное лицо девушки, он попытался на своем лице изобразить участие. Не получилось, и лицо стало еще более похожим на морду сытого кота, который увидел что-то лакомое. — Я бы тоже поступил еще раз в институт... Когда тебе что-нибудь будет нужно от меня — не стесняйся... А где же Азау?

— Дома.

— А тебе одной не страшно? — он опять попытался завладеть рукой девушки. Тамара встала из-за стола, отошла в сторону.

— Не надо бояться. Не надо. Я отношусь к тебе, — чуть не вырвалось: «как к своей дочери», — как к родной сестре. Если бы ты могла заглянуть в мое сердце... Эти сплетни, которые свалились на твою голову... Эти сплетни... Клянусь отцом и матерью, ничье сердце не болело так, как мое. Но ты не бойся! Я выдам тебя за самого лучшего парня. В учебе тоже на меня положись. Директор института мой друг. Позвоню по телефону, и тебе сплошные пятерки обеспечены.

— Зачем мне пустые оценки? — она старалась отвечать спокойно, но ее все более и более охватывало беспокойство. Остановившись у стены, она стискивала одну руку другой и, казалось, готова была закричать: «Уходите.. Уходите отсюда!»

— Когда я долго не вижу тебя, то мне чего-то не хватает... Да, чуть не забыл! Скоро будем выбирать депутатов, и я обязательно выдвину тебя, — он опять подошел ближе. От него разило аракой. До тошноты противно было смотреть на это багровое, с заплывшими глазами лицо. — Как ты похожа на свою мать. Такая же благородная. Скромная. Когда я вижу тебя, то говорю: «Нет, нет. Это не человек. Это ангел». Я так пекусь о тебе...

— Да, да, конца нет вашим заботам, — глаза ее сердито засверкали. Она уже не ломала беспомощно рук, а сжала кулаки, и хотя они были маленькими и несильными, но Каламурза остановился. Скандалить он не хотел. Эта птичка известна всей республике. Портреты в газетах. Сам секретарь обкома ее знает и интересуется ее делами. Ее дружба может пригодиться, а ненависть ох как может повредить. «Нет, тут надо осторожнее, потоньше...»

— А знаешь, что я тебе хочу сказать... — Каламурза достал из кармана блокнот и полистал его. — Поди, думаешь, что ты и вправду особенная. Что ты лучше всех. Нет, это я для тебя — лучше всех. Ты думаешь, что ты надоила... Вот смотри. От своих коров ты надоила... Нет, ты посмотри, посмотри. Вот остальное добавил я. Ты думала, что от лишних коров — учет отдельный. Нет. Все тебе записывалось. Когда я говорил, что буду записывать сам, то ты не поняла меня. Ты доила, а я учитывал. Все в твою пользу учитывал. В твоих трудах много моих трудов. Вот так-то, самая красивая из наших девушек! Золотые часы, почет, слава, газеты, радио, президиумы...

— Вранье! — глаза Тамары, обычно сощуренные и потому кажущиеся маленькими, сейчас стали огромными. — Вранье!

— Если хочешь, я положу перед тобой все подсчеты и мои, и бухгалтера...

Тамара дрожала, как дрожат поздней осенью листья. «Неужели я обманула? Неужели опозорилась? Нет! Нет! А вдруг ошиблась? С каким лицом тогда еще покажусь

людям?!» — Она сорвала с руки золотые часы и швырнула их в угол, побежала к двери, но Каламурза загородил дорогу.

— Подожди, ради бога. Не волнуйся. Не стоит. Я тебя... люблю. Никто ничего не узнает. Моя голубка...

Тяжело дыша, обдавая запахом араки и пытаясь улыбаться, он потянулся к ней волосатыми руками.

— Не подходи! Не подходи! Убирайся прочь!

— Тихо! Тихо, моя голубка! — ее выкрики рассердили его. — Такая хорошая девушка и сердится. На кого? На заведующего фермой. На своего лучшего друга. Не стоит. Побереги свои силенки, они еще пригодятся, — теперь в каждом его слове, в каждом движении губ чувствовалась изdevка. — Не кричи. И не бойся. Никто ничего не узнает, — и он дотронулся до ее плеч.

— Убирайся, негодяй! — она стряхнула с себя его руки.

— А ты потише. Потише. Все равно теперь за обман сядешь в тюрьму!.. Какая тебе разница? Утонувшему человеку бояться ли намочить ноги.

По ее щекам катились слезы.

— Врешь, бессовестный. Я сама тоже вела учет. Может быть, не совсем точный, но вела. Ты, очевидно, приписывал, но не мне.

— Уж если раскроются приписки — всех коснется. С женой я развозжу... Ты не смотри на мой возраст. Я мужчина не такой, как эти молокососы Ладемыр или Дзенаго. Твоего Дзенаго вместо тюрьмы посыпают на учебу. А что ему учеба? В его голове ума не больше, чем в моей пятке. Габуеву та же цена. Председателем колхоза опять буду я. Послушай-ка. — Каламурза резким движением потушил лампу на столе.

— Не подходи! Я тебе не Машенька!

Девушка очутилась возле окна. Боязнь, что опять пойдут сплетни, удержала ее от того, чтобы кричать, звать на помощь. Рванула окно, но оно оказалось крепко закрытым. Под рукой — цветочный горшок. Схватила его, подняла над собой обеими руками. Каламурза рядом. Запах араки ударяет в лицо, кружит голову. Она со всей силой, зная, что не промахнется, что ударит точно по голове, опустила горшок. На пол посыпались черепки, земля. Каламурза ахнул и застонал.

С каждым днем все больше и больше портилось настроение у Циусура. Он понимал, что дела его друзей плохи, и стал очень побаиваться за себя.

Опять появилась комиссия из района. Копаются в отчетностях по строительству фермы, требуют документы по мельнице, о покупке скота. В хозяйстве Циусура все сбалансировано, притерто. Комар носа не подточит. А все-таки...

«Нет, нет, — ворочается, не спит ночами Циусур, чувствуя на теле липкий пот. — Нет, еще попадешь в Сибирь из-за своих приятелей, безмозглых дураков, думающих только, где бы повкуснее пожрать да бабу порумянее прижать.

Нет, надо что-то предпринимать. Попробую еще раз провести Азамата, — решил он. — Прикинусь, что будто бы знать ничего не знаю, но, как человек опытный, кое-кого, кое в чем подозреваю. Тогда с меня взятки гладки. Тогда уж никто меня не спросит: «А ты где был все это время?»

И, представ однажды перед Азаматом этакой застенчивой, робкой невесткой, Циусур повел сбивчивую, вихляющуюся, как лисий хвост, речь.

— Не могу сказать ничего определенного, но Мика... А может быть, и вправду говорят, не подходит Мика для такого места. Конечно, говорить говорят, но вам... Вы, конечно, лучше знаете. Я если и слышал, что говорят, то думаю прежде всего о вашей чести и совести. Я знаю вашу честь и совесть... Поймите меня правильно.

— Может быть, ты выскажешься яснее? — Азамат, как всегда в трудную минуту, походил на бодливого быка, опускавшего голову, напрягавшего мощную шею.

— Поверьте мне... Я приглядываюсь. Я, как счетный работник должен приглядываться. Для меня общественное добро зеницей ока... Говорю вам честно. А мельница ведь не принадлежит Мике, а наша, общественная... Извините мою откровенность, Азамат.

Путаная речь бухгалтера озабочила председателя. Мысли, в которых давно уже не было прежней, самому ему нравившейся четкости, стали совсем сумбурными.

«Мика... Тот самый Мика, стройный, как молоденький джигит. А на сапогах грязные разбитые калоши...»

«Что же это, — думал сейчас Азамат, исподлобья поглядывал на бухгалтера. — Или Циусур почувствовал, что корабль тонет? И, как всякая крыса, спешит покинуть его?»

К своему удивлению, Азамат вдруг с брезгливостью и отвращением вспомнил о тех, кого еще недавно считал нужным защищать, кому доверял больше, чем другим.

«Кто, собственно говоря, этот Мика? Что он сделал для народа? И почему его имя связывают с моим?.. А Каламурза... Человек, не пощадивший чести своей фамилии. Ведь все же говорят, что он этой Марией, своей родственницей... И почему же опять он и я — вместе?»

И впервые задал он себе вопрос, который вдруг, как ему показалось, ставил все на свои места.

«А как бы относились ко мне все эти Мики, Каламурзы и Циусуры, не занимай я большого поста?»

И вдруг пришел на память ему давний случай, когда его, восемнадцатилетнего парня, пригласили на свадьбу, где, как всегда, уже звучал громче других голос Слонова. В компании парней Мика разглагольствовал о какой-то девушке. Азамата эта бесстыдная откровенность очень смущила, и он пытался что-то сказать в защиту девушки, которую знал. А Мика под хохот пьяной компании заявил ему:

— Ты бы, парень, снял чужие брюки. Я посмотрю, что ты за мужчина. Вот тогда и решим, надо спорить или нет.

Брюки на Азамате действительно были чужие: попросил на свадьбу у соседа... Сколько раз потом пришлось краснеть, вспоминая этот позор. Но забылось. Как попал на ответственную должность, как стал потом первым человеком в районе — забылось...

— Вот что, — сказал он мрачно Циусуру... — Пока ничего никому не говори. Но все, что тебе кажется... Одним словом, все, что тебе кажется, изложи на бумаге и дай мне.

— И не только Мика... Трудно, конечно, сразу поверить... Я имею в виду Каламурзу, — продолжал Циусур.

Чем больше говорил бухгалтер о том, как строили ферму, куда уходили лес и кирпичи, как получали рекордные надои (о «рекордах» Азамат и сам догадывался, но делал вид, что ничего не видит, и надеялся, что со стороны никто тоже не увидит), чем злее обо всем этом говорил Циусур, тем все мрачнее становился председатель. Его начал бить озноб. Он понял, что, если хоть ка-

пелька из того, что говорит бухгалтер, подтвердится и станет достоянием народа, он — погиб. Все надежды, все планы рухнули.

Сердце сжалось. Дышать стало трудно.

— Иди, — махнул он рукой. — Иди. Пока не болтай. Надо разобраться. Мы вместе разберемся.

Дома он был молчаливым. Поглядывая на жену, то появлявшуюся в комнате, то уходившую на кухню, удивлялся: «Как же она безобразна!»

Ханифа всегда-то была полной. Но когда она не занималась хозяйством, у нее все время уходило на то, чтобы следить за собой. Хорошие наряды. Причесана. Напудрена... А сейчас и сама стала неряха неряхой, и в квартире — кавардак. Ни одной вещи на месте.

Посидел немного на старом скрипучем диване. Отдыхался. Достал из-под пыльных книг папку, развязал ее. Бурые, как весенние, из-под снега, листья дуба, бумаги: справки, грамоты, документы на ордена и медали, депутатские удостоверения — его жизнь. Да, вся вдруг оказалась в этой невеликой запылившейся папке... Совсем-совсем серый, еще довоенный номер газеты «Растдзинад». Большой групповой снимок. Где-то, еще не в первом ряду, но уже и не с краю, он, молодой, полнолицый, спокойный. Рядом какой-то старик. Кто бы это мог быть?.. Долат! Он и тогда уже был таким старым?.. Прикрыл глаза Азамат увидел себя возле разваливающихся коровников прежней фермы «Красного Кавказа». Долат опирается на палку. Кашляет. Глаза слезятся. Азамат махнул рукой, и «Победа» поехала, а старик печально смотрел вслед. Сердце так сильно закололо, что Азамат вскочил, схватил стакан, нацедил дрожащей рукой капли лекарства, разбавил водой, выпил. Опять опустился на диван.

Вошла Ханифа. Азамату вдруг показалось, что она не идет, а волочит за собой ноги. «За всю жизнь руки не опустила в холодную воду, вот и раздулась, как тыква на навозной грядке».

— Что смотришь? Никогда не видел меня? — она хотела улыбнуться, но кожа на лице собралась складками, и только.

Азамат отвел взгляд. Ханифа обиделась.

— Конечно, что тебе говорить со мной!.. Если Мария еще есть. Как кобели за сукой, целыми стаями бегаете. Все, начиная с Каламурзы и кончая этим Сосланом.

Тебе на этой собачьей свадьбе тоже свое перепадает.

— Замолчи, ради бога! — сказал он, как мог строго. Но эта строгость еще более распалила ее.

— Всю жизнь ты только и знал, что общественную работу. Теперь за это тебе строят золотые дворцы с городскими купальнями... Да тебя уже нигде и ни за что не считают. Вчера дети пошли в кино, а их выгнали, как собак. Покупайте билеты! Вот тебе и председатель!..

Шаркая чувяками, Ханифа опять ушла на кухню. Азамату казалось, что на сердце положили горячие камни. А в голове все роились мысли, одна тревожнее другой менялись картины, то путано-сумбурные, то очень четкие. Вспомнилось бюро райкома, на котором Тотрадзу объявляли выговор. «Ты оторвался от народа!» — почудилось, что кто-то сейчас крикнул это. Голова вдруг сделалась такой легкой: не то шея стала слабой, не то он просто кивал, соглашаясь со своими мыслями: «Да, да. Дурацкая моя голова... С такими, как Каламурза... Как ишак, таскал их на своей спине всю жизнь. А теперь для них моя старая голова — плевательница. Каламурза на колхозные деньги построил дом. Золстые часы, говорят, раздаривает. И машиной вроде бы обзаводится... Борису я не доверял. Как это допустить смутьяна до фермы? Только Каламурза. Только Мика, Циусур... Подлые людишки!.. И правильно, наверное, говорят, что в мой дом они тоже кое-что подбрасывали. Хозяин района!.. Теперь всего один колхоз на плечах и — запутался. А думал, что обязательн^о вытащу. Слава пройдет по всей России. Опять — авторитет. Опять — в руководителях. Первый. Хозяин района. Без меня долго не смогут. Как это без меня смогут?..»

Вновь зашла Ханифа. Протянула мужу грушу:

— Попробуй...

Машинально взял ее. Удивился.

— Откуда такие у тебя?

— Каламурза прислал. Тебе ведь некогда позаботиться о нас. Три дня полежали и какие стали! Ну что тебе мед. Да ты попробуй, попробуй.

Он ничего не говорил, только вертел грушу в руке, будто определяя сорт. Рука дрожала. Огненные искры метались перед глазами.

Ханифа лишь успела заметить, что муж поднял руку. Потом что-то сильно ударило ее под глаз. Закричав, она метнулась к дверям, а вслед ей неслось:

— Чтоб тебе и Каламурзе покойниками лежать в обнимку!..

На этот раз у Азамата так сдавило сердце, что он потерял сознание. Через какое-то время пришел в себя и, потянувшись за лекарством, опрокинул книжную полку. На него посыпались книги, сам он упал с дивана. Услышав грохот, заглянула в комнату рыдающая, испуганная Ханифа. Увидев мужа, лежавшего на полу лицом вниз, она заголосила...

* 26 *

Совсем сгорбилась Саниат, жена Мики. Никто и не подумал бы, что когда-то и она была красивой и стройной.

Саниат никуда не любит ходить. Но ее частенько навещает худолицая Леска. Саниат ее терпит, потому что Леска угодлива и слова ее мягкие, а главное, в запасе у нее всегда куча самых свежих новостей. Муха на том краю прожужжала, Леска уже слышала, Леска уже злает.

Вот и сегодня она забежала к Саниат. И как не вовремя... Дело в том, что в двух больших ящиках на чердаке мука прогоркла, появился тяжелый запах. Куда теперь ее? Продавать тайком и хорошую муку всегда было трудно. А эту... Только и годится, что гнать араку.

Леска застала Саниат, когда та спускала с чердака вместительный фанерный ящик. Положив руку на подбородок, поблескивая завистливыми глазами и стараясь, чтобы слова, как всегда, звучали мягко, она сказала:

— Мучица славиенькая! Хоть бы на один котел араки мне раздобыть. Уж как бы мой горемычный муж был радешенек.

Саниат дала ей муки. И крепко предупредила:

— Ради бога, Леска, никому ничего... Сама знаешь людские языки. Мельница в наших руках, чего не наговорят. Чего не подумают.

— Что ты, Саниат! Пусть ничего не значит то, что мы близкие, но мы же осетины!

Уже к вечеру слух о муке обошел селение от верхнего конца до нижнего. Дошел слух и до Мики. И он прибежал домой, багровый от злобы. Жена была во дворе, он покричал в окно, чтобы она вошла. И...

В комнате на стене с давних пор висел кнут: в молодые годы Мика с коня не слезал. Сейчас он схватил его прошелся по Саниат.

— Еще тебе надо? На, на еще! На, держи, ослиха!

Саниат негромко стонала в углу, а Мика сидел, опустив голову, посреди комнаты на стуле. «Погибла моя голова. Ротозей!.. Всю жизнь мучила меня эта ослиха... И теперь еще... Теперь, пожалуй, больше и не разживешься. А какая мука. Пшеничка — каждое зерно с пулю. Э-эх, Слонов! Деньги... А где этот сумасбродный Каламурза! Второй день его не видно. Говорят, куда-то собрался ехать, подохнуть бы ему в пути!.. Машенька, Машенька!.. Как бы выцарапать у нее мои деньги? Хорошо бы и долю Каламурзы... Какая это его доля! Это мною заработанные деньги. Надо бы помазать жадные Машенькины губки...»

Он надел белую нарядную черкеску, пояс с кинжалом, каракулевую шапку. Захватил ключи от мельницы...

Идет, держась за рукоятку кинжала... Темно хоть глаз выколи. Вдруг — два огня. Сверкают, как будто из-под земли вырывается тонкими лучами зеленоватый свет. Но-ги у Мики задрожали. Остановился. «Фу-ты, дьявольщица! Кошка!»

Но, может быть, это черная кошка?.. На всякий случай он обошел это место стороной.

Мария была одна. Она как будто еще более помолодела, стала красивее.

Они встретились так, как будто были нескованно рады друг другу.

— Ты вырядился сегодня как жених!

— Если бы такое счастье, чтоб еще раз снарядиться в этот путь, — щурясь, Мика широко раскинул руки, будто хотел обнять ее. — Но когда вижу тебя, то, клянусь, у меня еще может кружиться голова!.. Еще могу быть женихом!

— Ну, что ты говоришь, Мика! Старейший нашего села... Тамада всех пиров. Ты попробуй-ка лучше вот из этого графинчика. Двойная перегонка. А аромат...

— Ты к моим шуткам легко не относишь, о, украшение вселенной! Клянусь, крест инстинктивный, вижу тебя и таким сильным становлюсь. О, я ведь страстным, сильным был в молодости. Женщины меня ценили. Для тебя в волны Большой реки, если только скажешь... А как же, дружба!.. Иначе как бы мы тебе на сохранение могли мон

деньги доверить... А как твоя работа?.. Что за работа!
Доходнейшее место.

— Что ты говоришь, Мика, казенное молоко... Да, клянусь мамой, ни одной капельки... И зачем? Мне муж хорошо присыпает. Пишет, что у него и сейчас отложено на «Волгу» для нашей дочери. Вот как только появится у меня «Волга», тебя пёрым посажу и прокачу, клянусь мамой.

«Изменил мне мой бог. Любовница Каламурзы в дураках оставить хочет. Ее нищий муж присыпает ей деньги на «Волгу». Они, кажется, принимают меня за сосунка-несмышленыша. О, мой бог, мой бог...»

«Что задумал этот старый мошенник? — Мария краешком глаза наблюдала за ним. — Его, конечно, не приведешь. Но все же...»

— Пей, Мика. Пей. Такой аромат. Такая прелесть!

— Утром хочу съездить в город. Дома — ни копейки. Ты уж будь добра. И из тех, что Каламурза оставил. Это наши общие с ним. Твое здоровье... Да, между прочим, есть у меня хорошая мука. Может, занести тебе мешок? Клянусь, крест истинный... За этим я зашел к тебе. Ну, спасибо за угожение, — и опять опрокинул рюмку.

— Было бы неплохо... Хорошая мука всегда нужна... Мельница близко...

— Утром, говорю, в город... Эти копейки... И из тех, что Каламурза... Мы с ним душа в душу. Как братья.

Мария не знала, что отвечать. У нее были совсем иные расчеты. И как это — вдруг возвращать деньги? «Куда запропастился этот барбос Каламурза? — она злилась, но, скрывая чувства, все еще улыбалась. — Пошли-ка старую лису пока на мельницу. Может быть, тем временем и верный барбос заявится».

Она была совсем рядом, лишь протяни руку — и обхватишь ее, такую плотную и стройную... А глаза!.. Черные-черные, и блеск в них, будто смазаны они маслом. А голос. Сколько прелести в голосе у Марии!

— Клянусь мамой, Мика, но ты совсем еще юноша. Бедняга Саниат, какая уж она тебе жена... Так, может, ты принесешь мешок? Хорошая мука всегда так нужна. Хотя тебе, наверное, с мешком не управиться. Да нет, нет, ты так юн, в тебе такая сила, — она переливчата смеялась.

Мика вскочил со стула, расправил плечи, сильнее стянул свой пояс. «Я тебе покажу, что такое настоящий

мужчина. Я покажу... Но как просто соблазнить женщину. Пообещать, посулить. Сказать о своей силе... Они это любят. Застал бы нас Каламурза, когда... Но он, говорят, куда-то укатил. Не близко. Или получил уже по заслугам?..»

Мика поднес к губам еще одну рюмку «двойной», опрокинул и, повторяя, что сейчас совсем скоро вернется, заторопился из комнаты.

...В темноте он открыл замок на мельнице, вошел, прикрыл за собою дверь... Зажег спичку, осветив мешки. Выволов один. Взгромоздив его на другие, встал на колени, будто собирался молиться, подставил спину...

Тяжелым был, слишком тяжелым этот огромный мешок. И хоть идти совсем недалеко, а ноги скоро стали подкашиваться. Остановился, согнулся, упервшись руками о колени, постоял, отдыхая... Опять пошел.. Раз, два, три... Отсчитывает каждый шаг... «Терпи, Слонов, терпи! Деньги... В железную коробку они уже не вместятся. Где-то валялась большая пушечная гильза. Надо ее как следует почистить...»

А ноша тяжелая, как гора... Вот уже черным стогом поднимается над садами дом Машеньки. Будто кто-то заикался неподалеку, будто чьи-то шаги. Остановился... Ничего... «Раз... Два... Два... Ох-ох-ох! Подкуплю ее сердце. Узнает мужчину. Пушечную гильзу схороню в подвале». Еще один шаг. Ворота... Передвинул ногу. Под ногой камень. Переставил ногу — другой камень. Поскользнулся. И... мешок, как живой, припал к спине, подтолкнул вперед, лицом в землю. Упал Мика, придавленный тяжестью. Упал и... дыхание его оборвалось.

* * *

Тотрадз и Борис вышли тогда, когда весеннее солнце высветило восточный край неба. С гор, из ущелья, веял легкий прохладный ветерок. Друзья шагали по прямой улице, с обеих сторон обсаженной молодыми, еще не плодоносящими яблонями и грушами. Сегодня особенный день: с новой подстанции, которой пришлось много заниматься, дадут свет! В селение приедут гости даже из города. И надо к праздничной минуте хорошо подготовиться. А вечером Тотрадз посыпает сватов в дом Таурзат... Ладемыр женился на Тамаре.

Тотрадз и Борис шли вправление колхоза. Уже несколько месяцев Азамат прикован к постели. Сердце... За председателя пока Борис.

Вчера в колхоз приезжал Сослан. Накануне был он в городской больнице. Прямо-таки плачет по Азамату, говорит, в опасном, в очень опасном положении. Жалко человека. Сколько мучений досталось ему... Может быть, и не меньше, чем принес он другим.

— Значит, Каламурза свой дом продал, говоришь? — Тотрадз спрашивал, устремив взор на пламеневшие под утренним солнцем горные вершины. — Он знает. Деньжонки Мики, говорят, тоже ему достались. Думает, значит, Каламурза со своей красавицей покататься на «Волге»... С Азаматом, не дай бог... А Темирболат, значит, будет сидеть в тюрьме. Нет, дорогой, так не годится! Не годится!..

Борис шел твердыми и большими шагами, будто отмеряя землю. На лице озабоченность. Погруженный в раздумье, он, казалось, не хотел говорить. Но, услышав решительные нотки в голосе Тотрадза, замедлил шаг, поглядел на него. И ему показалось, что Тотрадз был в эти минуты совсем не старым. Может быть, потому, что сегодня гладко выбрит и одет во все новое, как перед дальней дорогой.

— Нет, нет! Имеются и другие новости. Прокурор района завел дело на Каламурзу, а его невестушку, Марию, уже убрали с молокозавода. Тоже, говорят, под следствием находится.

— Это давно нужно было сделать...

— Сам ты любишь говорить: и время идет, и жизнь меняется.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	3
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	105
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	195

Агузаров
Ахсарбек Татарканович
СОЛНЦЕВОРОТ
Роман

Редактор М. Тучина

Художник Б. Косульников

Художественный редактор Б. Мокин

Технические редакторы В. Никифорова,
Л. Анашкина

Корректоры Н. Попикова, И. Николаева

Сдано в набор 3/X 1975 г. Подписано к печати
17/II—1976 г. А12625. Формат изд. 84×108^{1/32}. Бумага
тип. № 2. Печ. л. 9. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л.
15,65. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2743 Цена 67 коп.

Издательство «Современник» Государственного
комитета Совета Министров РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли и
Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Типография № 2 Росглавполиграфпрома, г. Ры-
бинск, ул. Чкалова, 8

67 кон.